

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА
В ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

Сборник статей

**КАЗАНЬ
2016**

УДК 80/82
ББК 81.2Рус
Р32

*Издается в рамках реализации мероприятий
Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие
государственных языков Республики Татарстан и других языков
в Республике Татарстан на 2014–2020 годы»
по заказу Министерства образования и науки Республики Татарстан
(госконтракт № 2016.57801)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент **М.О. Новак**,
доктор филологических наук, доцент **Г.А. Хайрутдинова**

Редакторы:

доктор филологических наук, доцент **Л.А. Мардиева**,
кандидат филологических наук, доцент **Т.Ю. Щуклина**

Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика
Р32 культурных смыслов: сборник статей / под ред. Л.А. Мардиевой,
Т.Ю. Щуклиной. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 284 с.

ISBN 978-5-00019-750-9

В сборнике отражены результаты комплексного исследования специфики отражения мира в культуре и языке народов Российской Федерации и Республики Татарстан.

Предназначен для филологов, а также широкого круга специалистов, занимающихся проблемами региональных лингвокультурологических особенностей развития русского литературного языка в историческом и современном контексте.

УДК 80/82
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-00019-750-9

© Издательство Казанского университета, 2016

ФРАГМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

А. В. Агеева, С. В. Игнатьева
Казанский федеральный университет

Статья посвящена выявлению языковых особенностей национального восприятия мира французов на основе анализа интернет-комментариев. Рассматриваются ключевые характеристики жанра интернет-комментария на основе его прагматических, медийных и структурно-семантических параметров. Проводится анализ коммуникативных интенций, выраженных в комментариях. Устанавливается связь между интенцией и коммуникативным действием авторов комментариев и их значимость для языковой репрезентации национальной картины мира французских коммуникантов.

Ключевые слова: интернет-комментарий, языковая картина мира, национальная специфика языка, комментатор

За последние десятилетия в мире, и в России в частности, возрос интерес к изучению культуры с позиции языкознания и психолингвистики. Мировое сообщество стало проявлять интерес к тому, что скрывается не только за языком и речью, но и за самой мыслительной деятельностью. Это означает, что теперь объектом интереса лингвистической науки стал именно человек как носитель языка и культуры, субъект речевой деятельности.

В нашем исследовании предпринята попытка языковой репрезентации фрагмента национальной картины мира французов, реализованного в виртуальном дискурсе. Целью является выявление национально-культурных особенностей восприятия событий, представленных на сайтах французских газет. Материалом для анализа послужили комментарии к статье, в которой президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган осудил власти Франции за жестокое подавление акций протеста против трудовой реформы, новость об этом появилась в СМИ 30 мая 2016 и вызвала бурную реакцию французских читателей [Ресер <http://www>; Turquie <http://www>]. Данная тема является актуальной в свете сложных политических отношений стран Европы и Турции, в свете вступления в силу договора о возвращении беженцев. Более 240 комментариев на французском языке (сохранено авторское правописание) с сайтов газет «Le Monde» и «Le Parisien» были проанализированы для изучения параметров жанра интернет-комментария, рассмотрения типичных и нетипичных реакций интернет-пользователей, которые играют главную роль в определении специфики французского мировоззрения.

Таким образом, для выявления национальной специфики комментария к политической новости во французском дискурсе будут учтены следующие параметры и их ключевые понятия:

– **прагматические:** адресант, адресат, цель комментария, коммуникативная интенция автора;

– **медийные:** интерфейс, медийность, гипертекстуальность и интерактивность, длина и развернутость высказывания-комментария;

– **структурно-семантические:** типы коммуникативного действия, виды речевой стратегии, соотнесенность высказывания с темой и содержанием статьи.

Прагматические параметры.

Одной из особенностей жанра интернет-комментария является наличие пассивного участника коммуникации – наблюдателя, который может просматривать новости и ответы пользователей инкогнито, не принимая участия в общем обсуждении, либо он может выступить в роли адресанта, написав свой комментарий. Так, **адресантом** или отправителем текстового сообщения является частно-публичная языковая личность, которая прошла регистрацию на выбранном ресурсе, получив возможность вступления в общий диалог. **Адресат** или получатель сообщения – читатель, на которого направлено действие, ему могут быть адресованы как статья, так и высказывание другого пользователя.

Цель комментирования задается стремлением высказать свое мнение, быть услышанным, дать оценку новости или комментариям других пользователей относительно данных событий.

Изучение коммуникативной интенции позволило выявить наиболее распространенные типы французского коммуникативного поведения (см. диаграмму в Приложении). Анализ речевых интенций показал, что при обсуждении статьи были наиболее характерны следующие реакции.

Ирония или сарказм – 25 %, рассмотрим пример: *Ce monsieur devrait balayer devant sa porte avant de porter ce genre d'accusation contre la France!; "L'hôpital qui se fout de la charité.*

Одобрение – 22%, например: *Erdogan est le soleil levant de la Turquie. Lui seul respecte l'humanité lui seul ne ferme pas les yeux. Les racistes les haineux les fachoux ceux qui connaissent rien de la vie apport leur bières devant la télé à écouter ce que les médias sionistes racontent. Vive la grande TURQUIE.*

Рассуждение-анализ – 17%, например: *Toute à fait raison, notre police a plus de valeur il sont devenus dangereux pour le peuple. c'est devenu tous des ripoux gais plus confiance à la police faudrait les condamne à des années de prison ferme et les envoyer au chômage.*

Неодобрение – 15%, например: *De plus en plus insupportable, ce grand supporteur des islamo-fascistes, l'ami de nos dirigeants! Pour être honnête je ne vois pas quelles valeurs ils ont en commun?!!!!*

Конфронтация – 11%, например: *Excalibur@ vous parlez de quelle sanctions, je suis plus tolérant que mon pays hahahaha ptdrrrrr(ou la liberté d'expression est limitée ainsi que la liberté d'insultes).*

Флуд – 10%, например: *Cpasdrole@ merci à vous, ça me fait plaisir de vous lire. salam mon frère.*

Таким образом, исследование интенций показало, что французский читатель принимает активное участие в обсуждении политической жизни своей страны. Обладая патриотизмом и любовью к родине, он более склонен к анализу-рассуждению, нежели к необоснованной критике.

Медийные параметры.

Жанр интернет-комментария имеет довольно простой интерфейс и характеризуется обилием гиперссылок. Гипертекстуальность проявляется в виде связывания нескольких комментариев по типу «коммент к комменту», а также в виде древовидной структуры с ветвями обсуждения, что обеспечивает интерактивность ресурса, позволяя читателям присоединиться к любому обсуждению в любое время.

Мультимедийность жанра позволяет пользователям прикреплять к комментарию не только ссылки, но и изображения (JPEG, BMP, PNG) и видео (MP4, AVI, WMV).

Так, к избранной новости, опубликованной на портале газеты «Le Parisien», было оставлено 111 комментариев, причем принимали участие всего 85 пользователей [Turquie <http://www>]. Временной интервал между комментариями составил от 1 минуты до 2 часов, что соответствует интерактивному характеру общения.

Длина высказывания, как правило, зависит от интенции автора. Условно были выделены короткие (0 – 20 слов), средние (21 – 79 слов) и длинные (\geq 80 слов) высказывания. Согласно полученным данным, 10% комментариев можно отнести к коротким, 25% к средним и 65% к длинным. Преобладание длинных «комментов» можно объяснить тем, что статья затрагивает сразу несколько актуальных проблем – напряженные отношения между Турцией и Европой, миграционная политика, социальные волнения во Франции, возникшие после введения трудовой реформы, и «исламизация» Турции.

Структурно-семантические параметры.

В основу анализа тематического разнообразия интернет-комментариев положены идеи исследования типов коммуникативного действия В. А. Митягиной и типология социального действия М. Вебера, базирующаяся на характеристике интенций в пределах четырех типов [Вебер 1990; Митягина 2008]. В соответствии с выбранными классификациями интернет-комментарии были проанализированы с точки зрения проявления конкретных характеристик коммуникативного действия авторов.

Комментарии, написанные к внешнеполитическим новостям, характеризуются разной манерой проявления коммуникативных действий авторов. Пользователи, интересующиеся политикой, обладают способностью мыслить критически. Коммуникативное действие, основанное на четком осознании цели, называется **целерациональным**, напр.: *Il a raison c'est toujours les autres qui fond des remarques a l'egard des autres pays a son tour maintenant la situation en france est devenues totalitaires pire que en turquie.*

В комментариях, где читатель отстаивает личную позицию, он также демонстрирует свое психоэмоциональное состояние. Такие сообщения, в которых ответная реакция зависит от настроения комментатора, обладают **аффективным** коммуникативным действием: *C'est une blague!!!...ça n'est pas lui qui met les journalistes en prison parce qu'il n'est pas d'accord avec ce qu'ils disent surtout quand ils montrent des photos de livraison d'armes à daesh???...; Il a pas mal au cul quand même de dire cela!!!!!!*

Из примеров видно, что тексты представленных комментариев пресыщены эмоциональной окраской, пользователи выражают широкий спектр эмоций от удивления до негодования и возмущения. Однако, несмотря на экспрессивность, один пользователь попытался высказать мнение по проблеме, в то время как другой прокомментировал действия героя статьи с яростью и гневом, употребив нецензурную лексику.

Также выделяют комментарии **ценностно-ориентированного** коммуникативного действия, которое предполагает абсолютную ценность любого действия, вне зависимости от его возможных результатов. В отличие от целерационального смысл ценностно-ориентированного действия заключается не в достижении внешней цели, а в подчинении других пользователей определенным «требованиям» и «заповедям», в следовании которым комментатор видит свой долг. Так, в следующем сообщении пользователь приводит пример Алжирской войны, уводя разговор от основной темы: *Près de 500000 algériens sont morts durant la guerre d'algerie, pourquoi quand il s'agit de votre histoire vous faites*

semblant de ne pas le savoir ? mais oui vous préférez mettre votre nez là où il ne faut pas vous préférez critiquer les autres, petit rageux.

На лексическом уровне можно выделить коммуникативные действия комментаторов, которые демонстрируют личностное отношение к проблемам, оставляя положительные либо отрицательные комментарии. Л.Ю. Щипицина выделяет две речевые стратегии коммуникантов: кооперативную и деструктивную [Щипицина 2010: 234]. Согласно **кооперативной речевой стратегии** пользователи выражают одобрение, используя похвалу, комплименты, оценки «лайк». С другой стороны, сообщения с негативной оценкой и агрессивным типом поведения относят к **деструктивной речевой стратегии**.

Исследование показало, что заявление Эрдогана в адрес Франции вызвало всплеск речевой агрессии у французского интернет-сообщества. Рассмотрим проявление речевой агрессии с употреблением разговорной лексики с отрицательной коннотацией: “*mdr*”, “*à mourir de rire*”, “*comique*”, “*balayer devant sa porte*”, “*genocide*”, “*propagande*”, “*provocation*”, “*revolution*”, “*clown*”, “*pseudo dictateur*”, “*war, poverty, ignorance*”, “*evil*”, “*c'est un scandale*” на примере комментариев: *Qu'il s'occupe de son peuple et de son CUL!!!!; Erdogan est voleur, il a peur des flics!; Ce cretin corrompu et mafieux n'a de cesse de narguer l'Europe... Il me dégoûte...*

Однако нам встретились также позитивные комментарии, написанные в поддержку турецкого президента. В них реализуется кооперативная речевая стратегия со словами-маркерами: “*leçons d'humanisme*”, “*soleil levant*”, “*il a totalement raison*”, “*a parfaitement raison*”, “*Tout à fait d'accord!*”, “*tout le bonheur du monde*”, “*chère*”, “*mon frère*”, “*meilleur président*”, например: *L'hôpital qui se fout de la charité; Je suis marocain et je lui souhaite tout le bonheur du monde pour son pays lui c'est un vraix.*

Соответствие теме и содержанию статьи. Анализ также показал, что более 65% комментариев имеют прямую соотнесенность с темой статьи, например: *C'est parce que la France tire les rênes de l'Europe et lui il aimerait bien que la Turquie rentre dans l'union européenne alors il fait son cacou pour qu'on la laisse rentrer en disant que la police française c'est pire qu'en Turquie.*

Комментарии, имеющие косвенное отношение к тематике статьи, составляют 31%, они выражают мнения пользователей о смежных событиях: *Qu'est-ce qui le préoccupe dans la loi travail, c'est l'installation de salle de prière pour nos musulmans dans les entreprises...??? Pour ma part c'est un scandale et qui est tue par le gouvernement également.*

Встречаются и комментарии, практически не связанные с самой новостью (их 4%), это замечания «диванных критиков», недовольных политикой в целом, например: *Sans blague, le gouvernement français et les médias avec, passent leurs temps a de préoccuper des autres pays et les critiquer.. alors faite pas genre oh le vilain erdogan critique notre police... oui et? Cest interdit? Vous faites bien pareil non?*

Таким образом, новостной интернет-комментарий является специфическим смысловым полем виртуальной коммуникативной среды, где формируются, интерпретируются и оцениваются факты и мнения, обладающие субъективным значением и социальной обусловленностью.

Исследование жанра комментария позволило выделить доминантные параметры, которые определили специфику французской языковой картины мира. При этом своеобразие интернет-коммуникации, принципиально новый характер связи между автором и читателем, отличие от других форм общения оказали колоссальное влияние на характеристику жанра интернет-комментария и на самого субъекта речевой деятельности – комментатора.

Сказанное позволяет заключить, что интернет-комментарий является вербальным отражением действительности, в основе которого лежит мыслительно-речевая деятельность автора комментария как участника коммуникативного акта, в процессе комментирования происходит определение интенции и установление соответствующей модели поведения для достижения желаемого коммуникативного эффекта.

Литература

Абдуллина Л. Р., Агеева А. В. Национальная специфика комментария к политической новости в виртуальном франкоязычном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 89–93.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–643.

Кантурова М. А. Виды деривационных процессов в системе речевых жанров // Молодая филология. – Новосибирск, 2011. – С. 31–36.

Митягина В. А. Типы коммуникативного действия в дискурсе: верификация в рамках жанра // Языкознание. – Волгоград, 2008. – № 1. – С. 116–119.

Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.

Recap Taouip Erdogan condamne la répression policière en France / LeMonde.fr [Электронный ресурс] // URL: <http://www.lemonde.fr/>

europe/reactions/2016/05/30/recep-tayyip-erdogan-condamne-la-repression-policiere-en-france_4929173_3214_2.html (дата обращения: 30.05.16).

Turquie: le président Erdogan condamne la répression policière en France / Leparisien.fr [Электронный ресурс] // URL: <http://www.leparisien.fr/-international/turquie-le-president-erdogan-condamne-la-repression-policiere-en-france-30-05-2016-5842315.php> (дата обращения: 30.05.16).

Приложение

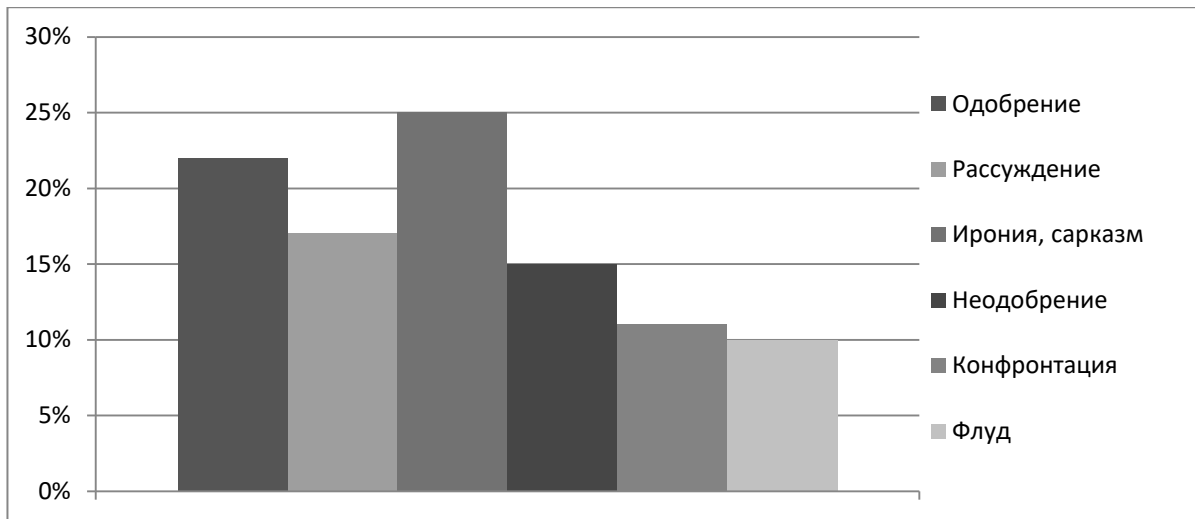

Рис. 1. Типы коммуникативного поведения

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. АКСЕНОВА «ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ»)**

Е. С. Агапова

МБОУ «Гимназия № 28» г. Казани

Статья посвящена изучению хронотопа на уроках русского языка и литературы в старших классах. Рассматриваются способы репрезентации времени и пространства в художественном произведении. Предлагаются вопросы и задания для анализа хронотопической составляющей повести В. Аксенова «Звездный билет».

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, художественное произведение, В. Аксенов.

Время и пространство – сложные и важные категории человеческого познания, которые интерпретируются с точки зрения разных наук: философии, физики, истории. Данные категории являются основными элементами художественной картины мира любого произведения. Их важность обусловлена и тем, что с их помощью люди воспринимают и осознают мир, выстраивают образ окружающей действительности.

Время и пространство составляют хронотоп, который является обязательным атрибутом текста [Бахтин 1975]. Каждый конкретный текст выстраивает собственную хронотопическую организацию.

Базовые понятия о хронотопе вводятся уже в начальной школе. Задаются вопросы: «Где происходит действие?», «Когда начинаются события?», которые формируют умения устанавливать логическую причинно-следственную последовательность событий и действий героев произведения, что является важным средством организации понимания авторской позиции, отношения автора к героям произведения и отображаемой действительности [Примерная 2012: 95]. В средней школе понятие о хронотопе углубляется введением исторического контекста (роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка», поэма М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» и др.) [Стандарт 2004: 90–91]. В 10–11 классах ученики готовы к выходу на новый уровень осмысления пространства и времени в художественном произведении – к отражению авторской позиции через хронотоп.

Определенный интерес для учащихся 10–11 классов представляет повесть В. Аксенова «Звездный билет», так как в ней идет речь об их сверстни-

ках, стоящих перед важным выбором: следовать советам родителей или путем проб и ошибок найти свой путь в жизни. Так, в основе повести лежит мотив пути, который тождествен процессу взросления героя, проходящего через череду испытаний.

Как выражается время в художественном произведении? Время, функционируя в тексте, находит выход в разноуровневых средствах языка: система видо-временных форм глагола, их последовательность и противопоставление; транспозиция форм времени, лексические единицы с темпоральной семантикой; падежные формы со значением времени; хронологические пометы, синтаксические конструкции, создающие определенный смысловой план; имена исторических деятелей, мифологических героев; упоминание исторических событий.

Рассмотрим художественное время повести В. Аксенова «Звездный билет», где сосуществуют две временные модели: циклическое и линейное время [Яковлева 1994: 97]. Линейное время можно проследить через оппозиции «настоящее-прошлое-будущее». Настоящее становится отправной точкой повествования, это то время, когда происходят или начинаются описываемые в повестях события.

В тексте повести появляются заголовки из современных героям официальных газет: «*Кубе угрожает опасность!*», «*Агрессия в Конго расширяется*», «*В Лаосе тревожно*», «*Мы с тобой, Фидель!*», «*Пиратские набеги продолжаются*», «*Олимпийский огонь продолжает свой путь*» [Агапова 2013: 293].

Для чего нужны эти заголовки? Данные контексты перекликаются с внутренним состоянием героев, так как упоминание данных заголовков относится к утру, времени тревожному, опасному и некомфортному для героев. Но газетные заголовки завершаются высказыванием с положительной семантикой, так как Олимпийский огонь является символом прекращения войн и междоусобиц хотя бы на некоторое время, а также дает надежду на обретение смысла пути самими героями.

Еще одной характеристикой настоящего времени может стать использование особых клише, оценивающих происходящие события и людей: *«Есть среди наших жильцов и закоренелые носители пережитков прошлого: алкоголик Хромов, спекулянт Тима и склочница тетя Эльва»* [Агапова 2013: 193]. Или: *«Тошно было слушать, как он бубнил: «на основе внедрения», «взяв на себя обязательства»»* [Агапова 2013: 319]. Что противостоит подобным конструкциям? Молодежный жаргон: *«Конь мой сегодня дома»* [Агапова 2013: 194]; *«Эй, пошли рубать!» – крикнул он* [Агапова 2013: 246]. Так, контраст, лежащий в основе

этих контекстов, демонстрирует бунт героев, которым они пытаются защитить право быть самими собой и распоряжаться своей судьбой.

Прошлое может освещаться и через упоминание исторических деятелей: *Вся эта трепология, все эти высокие словеса. Их произносит великое множество идеалистов вроде тебя, но и тысячи мерзавцев тоже. Наверное, и Берия ими пользовался* [Агапова 2013: 253]; *Сэ ля ви, как говорит Шарль де Голль* [Агапова 2013: 260].

Герои данного произведения думают о будущем, например, старший брат Димки, Виктор Денисов: *Он напрасно опустил руки и тянет выпускные экзамены на одни тройки, ведь надо подумать и о будущем...* [Агапова 2013: 192]. Вот что говорят о будущем сами юные герои: *Неужели вы думаете, что сквозь призму этой бутылочки перед нами открывается сияющее будущее?* [Агапова 2013: 320].

Таким образом, в тексте повести «Звездный билет» предстает динамичное настоящее, статичное и патриархальное прошлое, а будущее – нечто отдаленное, но при этом светлое и сверкающее.

Сюжет произведения соотносится не только с линейным, но и циклическим временем.

Когда начинается действие повести? В основе сюжета повести В.Аксенова – ситуация ухода героя из родного дома весной. Так, персонажи повести «Звездный билет», окончив школу, отправляются путешествовать без всякой цели в Прибалтику.

Какими эпитетами сопровождается описание лета? Какие испытания проходят герои летом? Основное значение лексемы *лето* также расширяется за счет индивидуально-авторского понимания лета как времени испытаний свободой, дружбой, любовью. Значение лета как самого теплого времени переосмысливается. Для героев это не просто теплое, это самое горячее время. Красной нитью проходит семантика жары, жара. Характерный эпитет лета – *душное*, в который, помимо атмосферной характеристики, включается и эмоциональная оценка говорящего. Герои проходят испытания свободой, дружбой, любовью.

Чем оказывается осень для героев? Как связаны осень и путь героев? Осень оказывается не только временем года, следующим за летом, но и временем плена. На это указывают неизменные признаки осени – затяжные дожди, шторма, слякоть, ветра. Все это не позволяет героям отправиться в дальнейший путь. Постоянно подчеркивается сырость, это реализуется через введение определения *мокрый*, через постоянное упоминание о дождях и штормах: *Мокрые*

листья прилипали к штанам и к рукам. Все было мокрым в этом осеннем лесу [Агапова 2013: 310].

Итак, перед нами разворачивается определенная временная модель, которая находит свое выражение через определенные языковые единицы. Жизнь героев оказывается вписана в природно-календарный цикл, начинающийся весной. Но данный цикл не является повтором того, что уже было, это выход на новый уровень восприятия жизни и жизненных ценностей: юные герои задумываются о собственном будущем, кто-то решает все-таки поступить в институт, кто-то устраивается на работу.

Художественное пространство – еще одна из смыслообразующих текстовых категорий. Любой текст разворачивается в каком-либо пространстве, иногда мы можем увидеть, как автор повторяет изображение определенных локаций, выстраивает систему противопоставлений мест. И тогда мы можем проанализировать такие характеристики, как симметричность и связность. Пространство художественного текста может быть открытым и замкнутым, может сужаться и расширяться по отношению к самому герою или другому объекту. Расширение пространства может зачастую связано с расширением опыта героя, познанием мира. Художественное пространство реализуется в тексте через употребление топонимов (реальных и вымышленных), синтаксические конструкции с пространственным значением (например, сложноподчиненные предложения с придаточным места), глаголы движения, наречия места и др.

Обратимся к пространству, представленному в повести В. Аксенова «Звездный билет». Попытаемся распределить некоторые топосы, представленные в произведении, на две группы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Топосы пространства в произведении В. Аксенова

Топосы, относящиеся к открытому пространству	Топосы, относящиеся к закрытому пространству
Прибалтика	Барселона
Берег моря	Лаборатория Виктора

Замкнутое пространство реализует такой топос, как «Барселона».

Действие повести начинается с рассказа Виктора Денисова о доме: *У нас внутренний четырехугольный двор. В центре маленький садик. Низкий мрачный тоннель выводит на улицу. Наш папа, старый чудака, провожая гостей через двор, говорит: «Пройдем через патццо». <...> Таким образом он выражает свою иронию по отношению к нашему дому, который до революции назывался «Меблированные комнаты "Барселона"».*

Данный топос соотносится со временем через образ дома. Это дом, история которого начинается еще до революции, отмечается, что «в нашем доме мало новых жильцов, большинство – старожилы», «в каменном море четырехугольная "Барселона", волна и корабль, что качал нас семнадцать лет».

Авторское отношение к данному топосу неоднозначно. С одной стороны, данное место описано иронически, с другой – ностальгически.

Герои мечтают о побеге из Барселоны: *Слезай с коня, иди пешком. Что вы, парни? Мы же мощные ребята, а ведем себя, как хлюпики. Вперед! К морю! В жизнь! Ура!* Они едут в Прибалтику, которая осознается ими местом настоящей свободы. Но это и место испытаний дружбой, любовью и т.д.

В финале повести Димка возвращается в Барселону: *Вот мне куда надо – в "Барселону"! Да-да, именно туда я и еду уже второй день.* Что представляет из себя Барселона в финале произведения? В конце романа дом готовят к сносу: *И вот они, руины нашей "Барселоны". Она уже наполовину сломана.* Но из окна видны звезды – выход в открытое пространство, то есть перед героями открыты все пути.

Таким образом, проанализировав данное произведение, можно сделать вывод, что время и пространство не только тесно взаимодействуют между собой, но и выражают авторскую позицию. Время и пространство в повести В. Аксенова «Звездный билет» динамичны и цикличны, что позволяет нам говорить о том, что юные герои активно ищут свой путь в жизни, а каждое испытание на их пути становится движением по пути взросления и обретения истинных ценностей.

Литература

Агапова Е. С. Языковая репрезентация темпоральности в «молодежной прозе» В. Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»): дис. ... канд. филол. наук / Казанский федеральный университет. – Казань, 2013. – 162 с.

Аксенов В. Звездный билет // Апельсины из Марокко. – М.: Эксмо, 2009. – С. 189–352.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

Кандрашкина О. О. Категория пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Вып. № 2–5. – Т. 13. – С. 1217–1221.

Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Начальная школа / сост. Е. С. Савинов. – М.: Просвещение, 2012. – 223 с.

Стандарт основного общего образования по литературе // Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Часть I. Начальное общее образование. Основное общее образование. – М.: Мин-во образования РФ, 2004. – С. 90–91.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЭКСТРАВЕРТНОГО ТИПА ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. АКСЕНОВА)

Л. Ф. Бормусова

Казанский федеральный университет

В статье рассмотрен психологический тип личности на текстовом и речевом уровнях и выявлены языковые средства его репрезентации. В основе предлагаемой нами классификации психологического типа личности лежит теория К. Г. Юнга, базирующаяся на понятии психологической установки, различающейся по отношению к действительности. Художественные произведения такого популярного русского писателя, как В. П. Аксенов, рассматривались в разных аспектах, однако с точки зрения установления психологического типа личности не были предметом специального лингвистического исследования.

Ключевые слова: экстраверт, личность, В. П. Аксенов, психолингвистика.

Языкознание в последние десятилетия находится в поиске новых направлений, новых методов исследования, поскольку ощущается неудовлетворенность решениями многих лингвистических проблем. Традиционная лингвистика рассматривает язык как систему фонетических, лексических и грамматических форм. Стремление преодолеть определенную ограниченность формального изучения языковой системы привело к активному развитию функциональной парадигмы в языкознании, что связано с необходимостью выявления того, как язык функционирует в разных условиях социальной коммуникации. Методологической базой данной парадигмы является антропоцентрический подход, объектом изучения которого стал не язык, а человек в его способности к коммуникации, то есть личность (речевая, языковая, коммуникативная и т.д.). Основу антропоцентрического языкознания «занимает психолингвистика, предмет которой – коммуникативная компетенция человека, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте» [Социальная 2007: 5].

Данная статья посвящена исследованию психологического типа личности, рассматриваемой на текстовом и речевом уровнях и имеющей языковые средства репрезентации. Как известно, носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Языковую личность можно охарактеризовать с позиций языкового сознания и речевого поведения, т.е. с точки зрения лингвистической концептологии и теории дискурса. По мнению Л. В. Щербы,

языковое сознание опредмечивается в речевой деятельности, т.е. в процессах говорения (письма) и понимания [Щерба 2004: 9]. Речевая деятельность осуществляется индивидуумом и обусловлена его социопсихофизиологической организацией [Карасик 2002: 7].

Рассмотрение психологических типов личности предполагает изучение и таких понятий, как экстраверт и интроверт. В основе предлагаемой нами классификации психологического типа личности лежит теория К. Г. Юнга, базирующаяся на понятии психологической установки, различающейся по отношению к действительности. К.Г.Юнг отмечает, что различие между экстравертом и интровертом «...есть, вероятно, не что иное, как различие темпераментов, противоположность двух типов духовного склада человека, из которых один определяется преимущественно субъектом, а второй – объектом» [Юнг 2010: 33]. По мнению К. Г. Юнга, существует ряд измеряемых величин, имеющих определенные размеры, которые, комбинируясь в своем разнообразии, образуют то, что Юнг назвал типами личности. Сюда он относит установки (экстраверсию и интроверсию) и функции (ощущения, интуицию, мышление и чувство). Представление об интроверсии и экстраверсии и четырех функциях позволило К. Г. Юнгу выстроить систему восьми психологических типов, четыре из которых являются экстравертными и четыре – интровертными. Такая классификация, как ее понимал К. Г. Юнг, не ставит задачу распределения людей по определенным полочкам, но имеет цель помочь в понимании и принятии индивидуальных путей развития личности и способов мировидения [Юнг 1995: 12].

Интерес исследователей к анализу психологического типа личности в художественном тексте, как правило, ограничивается установлением типа личности самого автора [Агапова 2013], реже литературных героев. Например, М. В. Ляпон дала психологическую интерпретацию прозаических текстов М. Цветаевой, выделяя доминирующих и подчиняющихся, романтических и прозаичных, невротических и усредненно нормальных людей и т.д. Широко известна транзактная модель общения, по Э. Берну, где противопоставляются условные личности Взрослого, Ребенка и Родителя. Интересна концепция К. Ф. Седова, который выделяет три типа языковой личности – инвективный, рационально-эвристический и куртуазный [Карасик 2002: 10].

Художественные тексты такого известного русского писателя, как В. П. Аksenov, рассматривались в разных аспектах [Попов 2006], однако с точки зрения установления психологического типа личности не были предметом специального лингвистического исследования. В повестях и рассказах 60-х годов В. П. Аksenov не только создавал новый тип героя, свободного от каких-

либо догм, но и пробовал разнообразные повествовательные формы. Это позволило ему воплотить в своих произведениях многообразие мира, представить разные взгляды на изображаемые события. В творчестве Аксенова происходит разрушение стереотипов – как идеологических, так и созданных им самим. Наиболее характерна в этом смысле повесть «Апельсины из Марокко», все главы которой написаны от лица разных рассказчиков. «...Человеческая сущность автора сказывается в элементах, которые будучи выражены через язык, языковыми не являются. Это особые ощущения – ощущения авторского присутствия, которые возникают при погружении в произведение» [Потемкина 2005: 348].

Объектом нашего исследования является главный герой повести В. П. Аксенова «Звездный билет» – Димка.

Согласно концепции Юнга, Димка является экстравертным чувствующим типом. Экстравертность предполагает открытость, проницаемость мира для субъекта, что детерминирует способ получения и обработки информации и отражается в невербальных и вербальных знаковых структурах. Особенность построения картины мира данного героя прежде всего зависит от целого ряда аспектов, сфокусированных на бессознательном уровне. Объективация бессознательного происходит в соответствии с языковым типом личности и отражается на вербальном и невербальном уровнях.

Экстравертный чувствующий тип, по мнению Юнга, вовлекается в объекты и совершенно теряет в них себя самого. Мышление ориентировано на объект: *Он не замечает никаких сигналов. Бежит туда, куда ему хочется бежать. Бросается прямо в поток машин* [Аксенов 2014: 259]. Желание ассимилироваться с объектом приводит к описанию мира в виде внешних атрибутов. Эта установка опредмечивается через «дискретность описания ситуаций, тенденции к использованию сочинительных союзов, лексики конкретной референции, нарушению синтаксического порядка и эмфатического представления положения дел большей связностью диалогических единств, но меньшей последовательностью в развитии темы диалога» [Сухих 2004: 156].

Объекты вызывают у экстраверта ощущение их значимости, и, насколько это вообще возможно при посредстве ощущений, они всецело воспринимаются в сознании, независимо от того, подходящие они с точки зрения разумного суждения или нет. Автор отмечает, что Димка – *юноша с безумными идеями в голове* [Аксенов 2014: 284].

У экстравертного чувствующего типа ярко выражены чувства, они подавляют мышление. Подобное поведение вербализуется при помощи использования восклицательных предложений, междометий. В ткани текста нами выявле-

но 16 восклицательных предложений: *Знаешь, – крикнул он, – лучше бы ты осталась дома!* [Аксенов 2014: 306]; *Что я думал раньше, идиот!* [Аксенов 2014: 279]. Любимое Димкино междометие – *Ура!* Им герой выражает целую гамму чувств – от радости до уверенности в своих силах: *Уедем. Ура!* [Аксенов 2014: 278]; *К морю! В жизнь! Ура!; Главное – смелость. Прокормимся. Ура!»* [Аксенов 2014: 279].

У экстраверта суждения выражены в форме явного умничанья, бессердечных рассуждений и, по-видимому, преднамеренного выбора среди людей и ситуаций. Эти черты имеют инфантильный или же примитивный отпечаток; иногда они замечательно наивны, иногда беззастенчивы, резки и насильственны: *Говорят, в Таллине интереснее. А климатические условия одинаковы* [Аксенов 2014: 296]; *Видимо, я все-таки слабак* [Аксенов 2014: 304]; *Не трусь, детка. Держи хвост пистолетом. Знаешь, – крикнул он, – лучше бы ты осталась дома!* [Аксенов 2014: 306]; *Любви нет и не было никогда* [Аксенов 2014: 309]; *Мне это надело* [Аксенов 2014: 278]; *Поступим когда-нибудь, когда захотим* [Аксенов 2014: 281].

Будучи экстравертным чувствующим типом, Димка вполне осознанно проявляет организаторские способности: *Привлек всех своих друзей к побегу. Мы навсегда порвали с затхлым городским уютом и мещанским семейным бытом* [Аксенов 2014: 309]. В речи экстраверты чаще используют местоимение *мы*, чем местоимение *я*, таким образом соотнося себя с определенной группой людей или сообществом: *Все едут на Восток, а мы вот на Запад, – засмеялся Димка* [Аксенов 2014: 310]; *«Волгу» продадим, купим «Москвича», и на нем покатаем в Ленинград, – рассудил Димка* [Аксенов 2014: 315]; *Мы хотим жить по-своему* [Аксенов 2014: 281]. С другой стороны, экстраверты подвержены ощущению иррациональной случайности, так как то, что они ощущают, служит им в лучшем случае проводником, ведущим к новым ощущениям, и все новое, что входит в круг их интересов, приобретено на пути ощущения и должно служить этой цели: *Нарисованный мир красивее, чем настоящий. И в нем человек себя чувствует лучше* [Аксенов 2014: 329]; *Лучше быть бродягой и терпеть неудачи, чем всю жизнь быть мальчиком, выполняющим чужие поручения* [Аксенов 2014: 284]. Постоянный мотив в том, чтобы ощущать объект, иметь чувственные впечатления и по возможности наслаждаться: *Никто не думает о том, что нам надо отдохнуть* [Аксенов 2014: 278]; *Голод нам помешать не может* [Аксенов 2014: 342].

Временами Димка бывает веселым собутыльником, иногда он выступает как обладающий вкусом эстет. Он отличается легковерием, превышающим вся-

кое ожидание: *Умеет вести себя за столом. В голове у него магнитофонные ленты, девчонки и выпивка. Он не замечает никаких сигналов* [Аксенов 2014: 273]. Он одевается хорошо, у него дома хорошо едят и пьют, удобно сидят. Автор пишет, что его утонченный вкус имеет основание предъявлять некоторые требования к окружающей среде. Димка даже доказывает, что ради стиля, безусловно, стоит приносить некоторые жертвы.

Экстраверт характеризуется отзывчивостью и готовностью к принятию внешних события и ситуации, желанием влиять на них и находиться под их влиянием, потребностью присоединиться и быть “в”, способностью терпеть суматоху и шум любого рода и даже находить в этом радость; постоянным вниманием к окружающему миру, стремлением иметь друзей и знакомых, не очень тщательно их выбирая, и, следовательно, мощной тенденцией демонстрировать самого себя: *Димка блестяще танцует* [Аксенов 2014: 275]; как он сам говорит: *Люблю всех красивых девушек* [Аксенов 2014: 422]; *Я обязательно буду теперь запоминать как можно больше стихов* [Аксенов 2014: 413]; *Я бегу спасти свою любовь* [Аксенов 2014: 466]; *Я хотел бы здесь насовсем остаться, у берега этого моря. Здесь все есть, что нам нужно на ближайшее тысячелетие* [Аксенов 2014: 341]; *Двухразовое питание укрепляет нервную систему. Нужно только привыкнуть* [Аксенов 2014: 349]; *Я тут моложе всех вас. У меня вся жизнь впереди* [Аксенов 2014: 358].

Ахиллесовой пятой данного типа является интровертная интуиция. Всё, что не оказывается фактическим, что невозможно увидеть, услышать, понюхать, до чего нельзя дотронуться, мгновенно попадает под подозрение. В повести Димка говорит: *Любви нет и не было никогда* [Аксенов 2014: 309]. Любовь его несомненно основывается на чувственных прелестях объекта. В тексте дается следующая характеристика Димке: *Ты и не мог полюбить никакую другую девочку. Только ее* [Аксенов 2014: 336]; *Вытащил свою радость со дна моря* [Аксенов 2014: 341]; *Любви нет и не было никогда* [Аксенов 2014: 309].

Таким образом, психологические параметры личности, отраженные в исследуемом романе, позволяют сформулировать основные принципы моделирования языковой личности с помощью лингвистического анализа.

Литература

Агапова Е. С. Языковая репрезентация темпоральности в «молодежной прозе» В. Аксенова (на материале повестей «Коллеги», «Звездный билет», «Апельсины из Марокко», «Пора, мой друг, пора»): дис. ... канд. филол. наук / Казанский федеральный университет. – Казань, 2013. – 162 с.

Аксенов В. П. Звездный билет: сборник. – М.: Эксмо, 2014. – 640 с.

Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография. – М.: Генезис, 2006.–320 с.

Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Попов И. В. Художественный мир произведений Василия Аксенова: дис. ... канд. филол. наук / Сыктывкарский государственный университет. – Сыктывкар, 2006. – 200 с.

Потемкина О. Ф., Е. В.Потемкина. Психологический анализ текста и рисунка. – СПб.: Речь, 2006. – 524 с.

Седов К. Ф. Социальная психоллингвистика. – М.: Лабиринт, 2007. – 336 с.

Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. – Краснодар: ЮИМ, 2004. – 156 с.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. – М.: Когито-Центр, 2006. – 352 с.

РЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ ВИЗУАЛЬНЫХ СИМВОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

М. Б. Ворошилова

Уральский государственный педагогический университет

В статье рассматриваются примеры реконструкции в современном националистическом дискурсе культурных смыслов визуальных символов в целях манипуляции и пропаганды, защиты и уклонения от преследования. Описаны технологии реконструкции, используемые в анализируемом дискурсе: сакрализация и героизация. Представлены основные типы реконструкции: прямая и обратная, историческая и мифическая.

Ключевые слова: визуальный символ, реконструкция, сфера-источник, националистический дискурс.

Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

В настоящее время актуальной становится проблема лингвистической экспертизы текстов, содержащих визуальные символы, к которым относится, в частности, и такой символ, как свастика. В каком случае считать ее использование правонарушением? История этого символа в настоящее время известна практически всем, много трудов написано о ее сакральных корнях, но трудно отрицать и тот факт, что в XX веке она получила известность как символ нацизма и гитлеровской Германии и в современном мире устойчиво ассоциируется именно с нацистской идеологией: «...В массовом сознании людей знак и слово “свастика” закрепились преимущественно как “фашистский крест” и связаны исключительно с именем Адольфа Гитлера, нацистской Германией 1933–1945 годов и Второй мировой войной» [Барбашов 2014: 132].

В современном научном дискурсе вопрос о юридической регламентации данного символа поднимался неоднократно, писали об этом и мы [см.: Ворошилова 2015]. В данных публикациях традиционно поднимаются две проблемы. Первая связана с необходимостью определения цели использования указанного символа. Авторы единогласно приходят к мнению, что правонарушением следует признавать лишь использование данного либо иного нацистского символа с целью пропаганды идей нацизма. Вторая проблема связана с отсутствием четких границ таких понятий, как «нацистская атрибутика и символика» и «атрибутика и символика, сходные с нацистской атрибутикой или символи-

кой до степени смешения», что и позволяет использовать данную юридическую лазейку как способ уклонения от ответственности.

Действительно, мы не можем отрицать тот факт, что свастика является одним из самых востребованных древних визуальных символов, ее изображение использовалось и до сих пор используется многими народами мира на предметах повседневного быта, оружии, знаменах и гербах, при оформлении церквей и домов [см., например: Багдасаров 2001; История 2008]. Но справедливости ради стоит отметить, что в настоящее время лишь специалисты, обладающие специальными знаниями в области культурологии, религиоведения, и лица, интересующиеся указанными отраслями знания, могут однозначно и уверенно отграничить нацистский «хакенкройц» от древней свастики. Для подавляющего же большинства любая свастика является нацистским символом. Мы неоднократно отмечали, что даже в современной практике молодежных националистических организаций нередко ошибочно используются перевернутая, «бегущая» свастика и свастика индуистская, что лишь еще раз подтверждает сказанное выше. Однако подобного рода факты нередко вызывают закономерный вопрос: ошибка ли это. Если не ошибка, значит, специальный манипулятивный прием.

Именно поэтому в современном российском законодательстве запрещается использование не только собственно нацистской символики, определяемой, в первую очередь, по историко-политической принадлежности. Так, в юридической практике принято, что нацистская атрибутика и символика может включать в себя знамена, значки, атрибуты униформы, иные отличительные знаки, приветствия и приветственные жесты, использовавшиеся организациями, признанными Нюрнбергским международным трибуналом преступными. Но запрещено и использование символики, воспринимаемой нацистской в массовом сознании, что обозначено в законе как «степень смешения». Специалист при этом должен определять не степень смешения, а образную, семантическую составляющую символа, которая прочитывается в определенном контексте (о методике данного анализа см. [Ворошилова 2015]).

Десятилетний опыт исследования современного молодежного националистического дискурса позволяет утверждать, что подобная практика «оправдания» символа используется не только относительно свастики, но и ряда других символов. Например, все более обсуждаемым в последние годы становится уже традиционный символ современных националистов – черно-желто-белый флаг, так называемый «имперский флаг». Эксперименты доказывают, что в современном сознании молодежи черно-желто-белый флаг связан с современными националистическими организациями, часть респондентов (от 2% до 7%) назы-

вае его германским или фашистским. Представители националистических организаций полагают, что именно эта цветовая комбинация более аутентична исконной русской государственности, и объясняют использование имперского флага тем, что именно с этим флагом (как государственным символом России) связан золотой век Российской империи. Следовательно, мы можем констатировать, что данный символ взят на вооружение современными националистами не из религиозных побуждений, как то происходит со свастикой или коловратом. Имперский флаг – это способ неявной апелляции к истории, причем истории военной, истории героической. Таким образом, в число основных технологий оправдания символа в современном националистическом дискурсе следует отнести технологии сакрализации и героизации.

Данные технологии могут иметь разные векторы реконструкции культурных смыслов. Так, описанные выше технологии оправдания свастики и имперского флага мы обозначили как прямые технологии, когда вектор идет от истории к современности, нередко меняя лишь точку отсчета.

Вместе с тем нами зафиксированы и примеры обратной реконструкции, когда современному националистическому символу приписываются несуществующие исторические корни. Так, анализ образа волка в современном националистическом дискурсе (в частности, изображение головы волка в качестве эмблемы движения «Спротивление») свидетельствует об отсутствии прямых связей данного образа с такого рода образами Третьего Рейха или какими бы то ни было аналогичными образами в истории России (вспомним, например, «Волчью сотню»). Учитывая высокую популярность данного зооморфного символа в современном националистическом дискурсе, говорить о прямом наследовании образа, конечно, не стоит. Но «мифическая» связь с прошлым позволяет националистам придать указанному образу желаемое семантическое и эмоциональное наполнение, зарядить его сильнейшим прагматическим потенциалом, оставаясь при этом юридически неуязвимыми.

Как видим, прямая реконструкция нередко служит неким щитом от юридического преследования и позволяет скрыться от ответственности (в таком случае, например, свастика трактуется не как нацистский, а как широко известный религиозный символ), в то время как обратная реконструкция, напротив, необходима для того, чтобы вписать новые символы в уже существующий националистический дискурс.

Искажение исторических связей свойственно не только обратной реконструкции, но и прямой. В этом случае происходит не просто подмена отправной точки образа, определяющей его современное значение, а создается новая «ми-

фическая» история. Например, всё большую популярность среди молодежи получает новая трактовка истории нацистского приветствия – зиги. С исторической точки зрения она восходит к «римскому салюту», с «мифической» же – к языческому приветствию Солнца. И в этом случае вновь прямая, пусть и «мифическая», реконструкция визуального символа служит для его юридического оправдания и наполнения новым, «более славянским», смыслом.

Итак, реконструкция культурных смыслов визуальных символов – широко востребованный процесс в современном националистическом дискурсе, функциями которого являются, с одной стороны, пропаганда националистических идей, с другой – попытка скрыться от юридического преследования.

Литература

Барбашов В. П. Интенциональное значение «свастики» как отражение коллективной интенциональности в креолизованных текстах // Филология и человек. – 2014. – № 4. – С. 131–137.

Ворошилова М. Б., Каранетян А. А. Свастика на стенах школ: принципы лингвистического анализа символики // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: матер. V Междунар. научно-практ. конф. – Ростов-на-Дону: Донское кн. изд-во, 2015. – С. 7–13.

Багдасаров Р. Свастика: священный символ: этнорелигиоведческие очерки. – М.: Белые Альвы, 2001. – С. 432.

История свастики с древнейших времен до наших дней. – Н. Новгород: Книги, 2008. – С. 528

Ворошилова М. Б., Порозов Р. Ю., Грибан И. В. Образ волка в современном экстремистском дискурсе: в поисках истоков // Политический дискурс в парадигме научных исследований: сб. статей III междунар. научн. конф. / под ред. Д.В.Шапочкина. – Тюмень: Вектор Бук, 2016 (в печати).

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е. В. Дзюба

Уральский государственный педагогический университет

Предлагается рассмотрение вариантов русской языковой картины мира (научная, профессиональная, наивная) в соответствии с типами лингвокогнитивной категоризации (научной, профессиональной, наивной), которые выделяются на основании таких признаков: сфера человеческого знания, специфика субъекта и объекта познания, набор существенных признаков лингвокогнитивной категоризации, система категориальных имен, степень подверженности категорий влиянию объективных и/или субъективных факторов. Подчеркивается, что языковая картина мира допускает существенные различия в структурно-смысловой организации категорий, что наиболее ярко проявляется при рассмотрении вариаций научной картины мира (философская, физическая, биологическая и др. картины мира), вариаций профессиональной картины мира (юридическая, торгово-экономическая, производственная и др.) и вариаций наивной картины мира (гендерная, возрастная, психофизиологическая и др.). В заключение отмечается полиинтерпретативный характер лингвокогнитивной категоризации, что позволяет языку реализовывать интерпретирующую функцию.

Ключевые слова: лингвокогнитология, лингвокогнитивная категоризация, варианты русской языковой картины мира.

При изучении русской языковой картины мира в ее современном состоянии нельзя не учитывать действие принципа полиаспектуальности познания, который проявляется в том, что сознание человека допускает разные способы лингвокогнитивного осмысления одного и того же фрагмента действительности. В каждой из областей знания выделяются собственные, актуальные именно для данной сферы признаки категоризации объектов действительности (реальной или воображаемой), полученное знание фиксируется в специфической для той или иной сферы вербальной форме и т.д. Например, одни и те же съедобные плоды некоторых растений становятся членами разных категорий: арбуз и дыня в ботанической картине мира на основании морфологического признака (особенности структуры плода) именуется ягодами; в агрономической картине мира из-за специфики культивирования, как и все бахчевые культуры, они причисляются к овощам; в кулинарной и наивной картинах мира по признакам вкуса и специфики подачи к столу относятся к фруктам [см. подробнее: Дзюба 2015]. Принцип полиаспектуальности познания обуславливает необходимость разграничения разных типов лингвокогнитивной категоризации и разных вариантов языковой картины мира.

Лингвокогнитивная категоризация трактуется как специфический для отдельного варианта (вариации) языковой картины мира процесс вербализованного упорядочения знаний, полученных из окружающей среды. Результатом лингвокогнитивной категоризации является система категорий, формирующаяся в языковом сознании человека. Категории, отображающие определенный фрагмент действительности, могут менять свою структурно-содержательную организацию в зависимости от *типа лингвокогнитивной категоризации*. Тип лингвокогнитивной категоризации определяется следующими параметрами: 1) сфера человеческого знания; 2) специфика субъекта и объекта познания; 3) набор существенных признаков лингвокогнитивной категоризации; 4) система категориальных имен; 5) степень подверженности категорий влиянию объективных и/или субъективных факторов.

На основании указанных признаков можно выделить три типа лингвокогнитивной категоризации: категоризация научная, профессиональная, наивная. *Научная лингвокогнитивная категоризация* строго определена границами той или иной науки, «замкнутой в самой себе» и не допускающей отступления от требований научной объективности, она никоим образом не ориентирована на наивное сознание; субъектом познания является научное сообщество; научная категоризация носит надындивидуальный (и обычно наднациональный) характер. В рамках каждой науки существует собственная система категорий и категориальных имен, обусловленная задачами данной науки и выработанными ею подходами к изучению действительности; научные категории имеют четкие (жесткие) границы; актуальные для научной лингвокогнитивной категоризации существенные признаки одинаково значимы для всех членов категорий научного сознания; структура научных категорий наименее подвержена влиянию прототипических эффектов; научная лингвокогнитивная категоризация бытует в философской, физической, биологической и иных сферах теоретического знания. Например, с точки зрения ботаники ягодами или ягодовидными плодами являются не только плоды клюквы и черники, но также помидора и баклажана, тыквы и огурца, яблони и апельсина. В торговой сфере категория ЯГОДЫ не выделяется вовсе: все образцы, обычно именуемые ягодами, категоризируются как ФРУКТЫ. Типичные для наивного сознания ягоды: клубника, малина, ежевика – в ботанике, например, называются не ягодами, но костянками, что обусловлено специфическими признаками научной категоризации (в данном случае важным признаком является структура плода, а не форма, как в наивном сознании).

Наивная лингвокогнитивная категоризация подвержена влиянию как объективных, так и субъективных факторов, которые способствуют специфиче-

скому структурированию категорий в сознании носителей языка; наивная категоризация свойственна обыденному осмыслению действительности; субъектом познания является языковая личность, носитель неэкспертного знания; наивная лингвокогнитивная категоризация допускает максимальную размытость границ категорий и подверженность влиянию прототипических эффектов; для номинации категорий используются единицы естественного языка; наивная категоризация носит идио-, социо- и этноспецифический характер.

Специфика наивной категоризации часто обусловлена индивидуальным опытом субъекта познания, его фоновыми знаниями, гендерной принадлежностью, возрастными особенностями, сферой жизненных интересов, разными психофизиологическими особенностями индивидуума, социальным и профессиональным окружением, национально-культурным контекстом и т.д. Например, носители чешского языка не выделяют в отдельную группу малину, клубнику или чернику, но относят эти плоды наряду с яблоком, грушей или апельсином к категории ФРУКТЫ, а китайцы причисляют помидоры к категории ФРУКТЫ или ЯГОДЫ в силу специфики особых вкусовых характеристик.

Как было отмечено, на формирование категорий может оказывать влияние гендерный фактор. В структуре категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА наиболее типичным образцом для мужчин является электробритва, для женщин – щипцы для завивки волос, фен и электробигуди. Не менее важную роль при формировании категорий играет профессиональная принадлежность человека. Так, мастер швейного дела (притом здесь может быть не важен даже гендерный аспект) обязательно при перечислении бытовых приборов назовет швейную машину (для него это яркий представитель категории БЫТОВАЯ ТЕХНИКА), в то время как женщина, не увлекающаяся шитьем, о ней и не вспомнит (для нее швейная машина – нетипичный образец).

Профессиональная лингвокогнитивная категоризация трактуется как процесс членения онтологического пространства, учитывающий научное знание, но также адаптирующий, опосредующий научные представления о мире к условиям наивного восприятия. Именно в силу своего посреднического характера профессиональная категоризация, с одной стороны, учитывает научное и бытовое видение мира, с другой стороны, зависит и от условий, заданных требованиями профессиональной сферы, поэтому профессиональная лингвокогнитивная категоризация не тождественна ни научной, ни наивной. Профессиональная категоризация свойственна производственной, торгово-экономической, юридической, лексикографической и др. практико-ориентированным отраслям знания; субъектом познания является профессиональное сообщество; совокуп-

ность существенных признаков лингвокогнитивной категоризации задается требованиями узкопрофессиональной сферы; профессиональная лингвокогнитивная категоризация допускает размытость категориальных границ, однако не способствует развитию прототипических эффектов; репрезентация категорий, как правило, осуществляется посредством единиц естественного языка; некоторые категории могут отличаться номинативной вариативностью в разных профессиональных сферах; этот тип лингвокогнитивной категоризации носит социоспецифический и может носить этноспецифический характер.

Тип лингвокогнитивной категоризации в свою очередь предопределяет особенности того или иного варианта языковой картины мира. Под *вариантами языковой картины мира* понимаются вербализованные корреляты системы знаний и представлений об объектах действительности, присущие разным картинам мира когнитивного сознания: научной, профессиональной, наивной. Языковая картина мира допускает в своих вариантах существенные различия в структурно-смысловой организации категорий, однако особенно ярко эти различия проявляются при рассмотрении *вариаций научной картины мира* (например, философская, психологическая, физическая, биологическая, медицинская и др. картины мира), *вариаций профессиональной картины мира* (юридическая, торгово-экономическая, производственная, лексикографическая и др. картины мира) и *вариаций наивной картины мира* (гендерная, возрастная, психофизиологическая и др.).

Одним из важнейших параметров, на основании которых выделяются разные варианты (вариации) языковой картины мира, является вербальная вариативность при выборе категориального имени. Разные подходы к языковому освоению действительности в разных вариантах языковой картины мира способствуют формированию разных *систем категориальных имен*, описание которых невозможно без определения лингвистического статуса лексических репрезентантов категорий. В отношении лексической репрезентации лингвокогнитивных феноменов в разных вариациях русской языковой картины мира можно говорить о двух тенденциях: с одной стороны, один и тот же денотат может приобретать разные категориальные имена в разных вариациях русской языковой картины мира, с другой стороны, одна и та же лексическая единица может становиться членом разных систем категориальных имен: единицей терминосистемы, специального лексикона или номенклатуры.

Языковыми единицами, вербализующими систему научных когнитивных категорий, являются *термины*, которые понимаются как «лексические единицы определенного языка для специальных целей, обозначающие общее – конкрет-

ное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2007: 31–32]. Специфическими особенностями термина как лексической единицы языков специальных целей являются следующие: принадлежность к конкретному национальному языку (грамматическое «поведение» терминов не отличается от функционирования слов естественного языка), наличие у термина однозначной, не вариативной дефиниции, соотнесенность (кроме общенаучных терминов) с конкретной областью знания, вхождение в состав литературного языка и др. [см. подробнее: Даниленко 1977: 16–88; Лейчик 2007: 76–88]. Источники формирования терминологии в определенной сфере научного знания весьма разнообразны: термином могут становиться единицы естественного национального языка, некоторые профессионализмы, постепенно утрачивающие стилистическую маркированность и экспрессивность, лексические заимствования, единицы других терминосистем и даже других областей научного знания. Последнее оказывается возможным особенно в условиях «трансдисциплинарности» научного знания, осуществляемой посредством таких языковых техник, которые производят т. н. «трансфер знаний» из одной научной дисциплины в другую для взаимного их обогащения в плане объяснительного характера познания [Демьянков 2015: 7–8]. Вероятно, такие тенденции лежат в основе развития современной лингвокогнитологии и ее научного языка.

Едва ли существует необходимость пояснять, что репрезентантами наивной категоризации являются *лексические ресурсы обыденного (естественного) национального языка*, однако лексические репрезентации профессионального и научного знания требуют особого внимания.

Вербальными репрезентантами лингвокогнитивных категорий в профессиональной картине мира являются, помимо собственно научных терминов, *разные виды специальной лексики* и единицы обыденного языка, приобретшие статус профессиональных слов. Еще Ш. Балли подчеркнул необходимость разграничения научной терминологии и профессиональных терминов [Балли 2001: 213]. В современной отечественной лингвистике накопился значительный опыт изучения языков специальных целей, в составе которых наблюдаются единицы, в чем-то схожие, но во многом и отличные от терминологических. Так, в корпусе специальных слов разные ученые выделяют номены (Г. О. Винокур), номенклатурную лексику (Е. И. Голованова), профессионализмы (К. Я. Авербух, А. В. Калинин, З. И. Комарова, Н. П. Кузьмин, В. Н. Прохорова, С. Д. Шелов и мн. др.), профессиональные арготизмы (Л. И. Скворцов) или профессиональные жаргонизмы (Н. М. Гладкая, Л. П. Крысин), предтермины и квазитермины

(В. М. Лейчик), термины (А. Д. Хаютин), прототермины (С. В. Гринев), консубстанциональные («промежуточные» между специальной и общеупотребительной лексикой) слова (С. В. Гринев, Э. А. Сорокина), «специальные неофициальные разговорные слова» (З. И. Комарова), корпоративные единицы (Е. И. Голованова) и т.д.

Продемонстрировать особенности вербальной вариативности при освоении окружающей действительности в разных вариантах языковой картины мира можно на примере наименований предметов бытовой техники. Объекты реальной действительности, обыкновенно именуемые бытовой техникой, в научной картине мира не имеют аналогов. Так, в собственно физической и физико-инженерной (научных) картинах мира не выделяются такие феномены, как холодильник или стиральная машина, компьютер или мобильный телефон. Научная сфера оперирует иными категориями, лексически закрепленными в терминах физики: *электроракуумные приборы, электронно-лучевые приборы, плазма, световые индикаторы, полупроводниковые приборы, светоизлучающие и фотоэлектронные полупроводниковые приборы, оптические радиаторы, фотоэлектронные приемники излучения, жидкокристаллические индикаторы, электролюминисцентные индикаторы* и мн. др. Эти приборы могут становиться определенными частями, деталями предметов бытовой техники, но уже в иной – инженерно-производственной (профессиональной) сфере. Показательно, что научные понятия *прибор* и *устройство* в физике семантически не имеют ничего общего с профессиональным и наивным представлением о *приборах бытовой техники*. Феномены профессиональной лингвокогнитивной категоризации закреплены в единицах специальной лексики: терминах инженерно-производственной сферы (*холодильные и морозильные установки, нагревательные приборы, бельеобрабатывающие машины, уборочные машины, приборы микроклимата, приборы для индивидуального пользования* и т.д.), единицах номенклатуры (в ГОСТах и других документах товарооборота – в торгово-экономической картине мира), специальных словах и выражениях (*бытовые машины, бытовые приборы; технически сложные приборы бытового назначения* – в юридической картине мира) и т.д. Наивная категоризация отражается в наименованиях лексических категорий и их членов, источником которых являются лексические ресурсы естественного языка (*бытовая техника, кухонная техника, техника для дома* и под.; *холодильник, электрочайник, утюг, стиральная машина* и т.п.).

Обеспечивая возможность вариантного освоения действительности в зависимости от сферы человеческого знания, специфики аспекта рассмотрения

объекта познания, набора признаков категоризации, специфики номинации и т.д., язык допускает развитие лингвокогнитивной плюралистичности, реализует интерпретирующую функцию. Это позволяет говорить о разных типах лингвокогнитивной категоризации действительности и разных вариантах языковой картины мира.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика / перевод с фр. К. А. Долининов; под ред. Е.Г. Эткинда. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2014. – 224 с.

Даниленко В. П. Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера [Электронный вариант] // URL: <http://old.islu.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm> (дата обращения: 1.09.2016).

Демьянков В. З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 5–15.

Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2015. – 286 с.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СПОСОБ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ С СЕМАНТИКОЙ ПИТИЯ)

О. А. Дмитриева

Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева

Статья посвящена особенностям представления и концептуализации действия с семантикой «пить» в русском, английском и чувашском языках. Универсальным для трех языков является возможность целостного представления действия: в русском языке – пить, в чувашском – ёс, в английском – drink. Типология языков предопределяет национальную специфику репрезентации действия: в русском – представление оттенков в пределах одного действия (способ глагольного действия); в чувашском – сценарное изображение как «комплект» двух действий (т. н. бивербальные, или сложновербальные, конструкции, состоящие из деепричастия и спрягаемой формы глагола); в английском – «покадровое» как «комплект» действия и предмета или признака (глагольно-именные словосочетания). Особое внимание уделяется ситуации «состояние» и его разным языковым репрезентантам.

Ключевые слова: языковая картина мира, способ глагольного действия, культура питания, менталитет.

Т. В. Попова пишет о том, что «для семантики глагола чрезвычайно важен ракурс отражения денотативной ситуации, механизм интерпретации ее человеком» [Попова 1998: 15–16]. Последнее («механизм интерпретации ее человеком») зависит от того, носителем какого языка и, как следствие, какой культуры является интерпретатор. Как отмечает Н. Н. Трошина, «большинство людей воспринимает родную культуру как точку отсчета, как единственно возможную меру вещей», мы – «центр универсума» [Трошина 1998: 68–69]. Отсюда специфическое восприятие «чужих» действий и особое отношение к проявлениям, не вписывающимся в круг своих представлений. И. В. Павловский отмечает, что «наиболее консервативными элементами культуры <...> остаются еда и употребление спиртных напитков» [Павловский 2015: 234]. Он также пишет о таких чертах европейской трапезы, как рациональность, проявляющаяся в гастрономической мотивированности употребления той или иной пищи, напитков, и отмечает такие особенности русской трапезы, как сакральность, иррациональность, мистицизм [Павловский 2015: 235]. Указанные характеристики русского приема пищи, на наш взгляд, верно объясняет Е. Л. Березович: «Прием пищи в народной традиции является далеко не «физиологическим» актом, а жестко регламентирован социальными нормами и традиционными обычаями,

нередко становясь составной частью семейных, календарных, хозяйственных и окказиональных обрядов» [Березович 2007: 31].

Т. Д. Дьяченко в структуре фрейма «поглощение пищи и жидкости» выделяет облигаторные и необлигаторные (факультативные) компоненты. К первым относятся потребляющий (как правило, одушевленное лицо), потребляемое (продукты питания и напитки) и действие (как правило, из нескольких стадий). Ко вторым относятся концептуальные признаки названных основных компонентов [Дьяченко 2004: 9–11; Дьяченко 2009: 80–81]. Т. С. Глушкова, характеризуя фрагмент «винопитие» в русской языковой картине мира, выделяет 4 части, или субфреймы, фрейма «выпивка»: участники, напитки, социокультурная значимость, особенности употребления, которые в свою очередь состоят из слотов, конкретизирующих тот или иной аспект ситуации [Глушкова 2009: 14–19].

В русском языке с помощью глаголов, обозначающих интенсивное поглощение жидкости (в нашем случае речь идет об алкоголе), передается новое состояние субъекта, совершающего действие. Это становится возможным благодаря постфиксу -ся, который изначально придавал действию оттенок замкнутости на сфере субъекта, ненаправленности на посторонний объект [Виноградов 2001: 511]. Рассмотрим подробно такие глаголы, как упиться – допиться – спиться, образованные с помощью словообразовательного форманта у-...-ся, до-...-ся, с-...-ся (т. н. конфиксальные глаголы) со следующими значениями соответственно: 1) «дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) в процессе длительного или интенсивного действия, названного мотивирующим глаголом (далее – н. м. г.)»; 2) «довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, н. м. г.» 3) «дойти до нежелательного состояния, негодности в процессе длительного или интенсивного действия, н. м. г.» [Русская 2005: 385–388]. Как видно из толкований формантов, во всех трех случаях объединяющим является, во-первых, интенсивность совершения действия, во-вторых, неприятное или нежелательное состояние, последствие. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой даются следующие значения рассматриваемых глаголов: упиться – «(прост.). Напиться допьяна» [Ожегов 1997: 835]; допиться – «(разг.). Неумеренным пьянством довести себя до тяжелого состояния» [Там же: 175]; спиться – «(разг.). Стать пьяницей» [Там же: 755–756]. Из толкования значений можно сделать выводы о количественной характеристике действия (избыточное количество) и временной протяженности действия (время совершения действия увеличивается: текущий отрезок времени; период времени, условно складывающийся из двух частей – предыдущих отрезков и текущего момента возникно-

вения изменений в состоянии; долговременный период – текущий период неважен, есть отрицательный результат).

Субъект действия, обозначаемый данными глаголами, имеет свойства, с одной стороны, агента («активного производителя некаузативного действия» [Попова 1998: 131]), так как субъект активно совершает действие, обозначенное глаголом *пить*, с другой стороны – экспериенсива («субъекта, испытывающего какое-либо психическое или физиологическое состояние» [Там же: 131]), так как результатом совершения действия является новое состояние.

Особенностью ракурса, задаваемого глаголом *упиться*, является спонтанное положение в пространстве, и субъект состояния может стать объектом воздействия другого субъекта: Прядов подозвал Черткова: – Оставайся до конца, Владимир Федорович, проследи, чтобы скандала не случилось. Кто упьется – дай команду развезти по домам или куда там еще... (Лев Корнешов. Газета) (подробнее см.: [Димитриева 2016 б]). Характерной особенностью глагола *допиться* является указание на нарушение познавательных процессов, искажение восприятия: *допиться до галлюцинаций, до белой горячки и т.п.*: – Он помолчал, обдумывая что-то. – Или ты до того допился, что ничего уже на самом деле не помнишь?.. Не помнишь Ассоциацию, как мы работали сайтерами?.. – Сай... какими? – не понял Фома (Сергей Осипов. Страсти по Фоме). Глагол *спиться* включается в ситуацию, содержащую социальный компонент: отказ сообщества или негативные, зачастую летальные, последствия: Несмотря на то, что зрители обожали артиста Петра Алейникова, в середине 40-х годов многие режиссеры старались избегать работы с ним – он почти спился. По этой причине Алейников не сыграл в картинах «Адмирал Нахимов» и «В квадрате 45» (Екатерина Володина. На его месте должен был быть я! // Вечерняя Москва, 08. 08. 2002). Итак, в рамках одного глагола задается состояние и эксплицируется его причина, обозначенная мотивирующим словом. Время приобретает «социальный» статус, так как, увеличивая отрезок времени, субъект так или иначе проявляет себя в обществе и получает внешнюю оценку (спился). Несколько схожую ситуацию можно наблюдать в глаголах приема пищи *наестся – объесться – заесться* (подробнее см.: [Димитриева 2016 а]).

В чувашском языке существуют специальные аналитические формы передачи семантики интенсивности с помощью так называемых сложновербальных аналитических форм (В. С. Храковский писал о характерных для тюркских языков «бивербальных» итеративных конструкциях [Храковский 1989: 45], о некоторых чувашских бивербальных итеративных конструкциях см.: [Димитриева 2015], А. М. Иванова называет их в чувашском языке «биверблами» [Ива-

нова 2011: 20], Э. Е. Лебедев при описании акционсартных значений чувашского языка отмечает, что бивербальный не всегда удачный термин, так как количество компонентов может превышать два, и поэтому называет их «сложновербальная аналитическая форма» [Лебедев 2016: 17–20]).

В чувашском языке частичным аналогом глагола *упиться* являются сложновербальные аналитические формы *ёссе ларт*, *кўпсе ларт*, *хыпса ларт*, где первая часть – деепричастие, несущее основную смысловую нагрузку (*ёс* – пить, *кўп* и *хып* – изначально относилось к области поглощения пищи *объесться*, *обожраться*, затем метафорически перешло в сферу питания), а вторая часть – спрягаемая форма глагола со значением «сажать», в выражении частично десемантизованном, но, как отмечает Э. Е. Лебедев, форма с показателем *лар* (*ларт*) с семантикой статики передает значение окончания действия и дополнительно смыслом результативности [Лебедев 2016: 85–86]: Юрё, сысна пек ёссе лартнă тейёпёр, анчах мён тума кирлĕ пулнă ўсёрле картла выляма? (Каганлăх тĕпренчĕкĕ // Сувар) – Ладно, допустим, напился / упился как свинья, но зачем нужно было пьяным в карты играть?; Эрех ырри патне илсе ситерменнине лайăх пĕлетпёр-те-ха. Анчах тепёр чухне чикĕрен тухса кайичченех хыпса лартнă тĕслĕхсем те пулаççĕ. Ку вара тавăрайми инкек патне те илсе пырать. Шăпах çакнашкал синкерлĕ килчĕ те Çĕмĕртлĕх Чемейре майăн 15-мĕшĕ. Тăрниччен эрех кўпсе лартнă В. В. Васильев килте чăркăшма-харкашма пуçлат (Тискеррĕн вĕлернĕ // Моргаушский р-н Чувашской республики. Публикации от 24.06.2004) – То, что водка не доводит до добра, хорошо известно. Но иногда бывают случаи, когда упиваются (досл. «упившиеся») так, что переходят все границы. А это приводит к непоправимой беде. Именно так и случилось 15 мая в Лебедкине. Сильно упившийся (досл. «водки нажравшийся») В. В. Васильев начал задираться дома; Палăртрăмăр ёнтĕ, ют пурлăха хапсакансен шучĕ чакмасть. Тĕпрен илсен, ниçта та ёçлемесёр эрех-самакун кўпсе пурăнакансем, çавăн пекех çамрăксем те «тăрăшаççĕ» ку енĕпе (Саккунран ан ирт! // Редакция Вурнарской районной газеты «Путь победы». Публикации от 24.12. 2008) – Как уже говорили, не убывает число покушающихся на чужое добро. В основном, «преуспевают» в этом отношении нигде не работающие и пьющие (досл. «водку-самогон выпивая живущие»), а также молодежь.

Значение *допить* в чувашском языке будет сразу содержаться в «программе» двух действий, в первом действии – указание на причину, во втором – негативные последствия: Шутсăр нумай та йывăр ёçленипе тата хайне тĕрĕс тытманнипе (абсент ёссе супнă) Ван Гога юлашки сулсенче чун чирĕ аптратма пуçлат (Ван Гог // Википедия) – В последние годы Ван Гога начала одолевать

душевная болезнь из-за того, что он много и тяжело работал и неправильно себя вел (абсента допивался до одурения (досл. «абсента допившись сдуревший»)).

Ситуация, обозначаемая глаголом *спиться*, несет негативные последствия, связанные со взаимодействием «человек – социум». В чувашском языке это значение будет передаваться с помощью описательных словосочетаний, например, *ёскёпе пёт* (досл. «пьянкой кончить»), *ёсе-ёсе кўпён* (досл. «напиваясь, объесться»).

Таким образом, следует отметить, что в чувашском языке нет такого разнообразия детализации оттенков, как в русском, но действие часто представляется как составное, состоящее, как минимум, из двух частей. Здесь акцент делается на завершающей фазе действия (ларт, пёт), нейтральный глагол *ёс* часто заменяется просторечными глаголами *хып*, *кўп*, которые придают эмоциональность и грубоватость действию. То, что в русском глаголе передается приставками, в чувашском языке выражается описательными конструкциями, например, *тǎраниччен ёссе ларт* (досл. «до сытости напиться»).

Как отмечает Т. Д. Дьяченко, в английском языке репрезентантами фрейма «поглощение пищи и напитков» часто становятся аналитические глагольные лексемы (*have / take a drink, a meal*), которые близки по значению с глаголами *drink, eat*, но в первом случае действие представлено как предмет, во втором – «глагольный компонент подчеркивает динамизм процесса» [Дьяченко 2009: 84]. Рассматриваемые нами глагольные значения передаются описательными конструкциями, подчеркивающими составляющие процесса или состояния. Так, например, при передаче значения *упиться* акцентируется внимание на состоянии субъекта и его положении в пространстве: *Hypnotically, he moved to the bedroom where his father lay on the bed in a drunken stupor* («лежал на кровати в пьяном оцепенении») (Dan Brown. *The Da Vinci Code*) ; глагол *допиться* передается выражением, в котором обозначаются грани состояния, степень: *Briefly she wondered whether he'd already drunk himself into oblivion* («пил до забытья, забвения») *and was lying in a paralytic stupor on the hearthrug while saucepans boiled dry on the stove and vegetables burned to a crisp. She lifted her hand to knock once again, and the door opened* (Susannah James. *Love over gold*); *He had actually held up his hands as if to ward off something evil. "If I'd know what you were, I'd have killed myself in the Lubyanka."* *He'd locked himself in their room and drunk himself insensible* («пил до бесчувствия»). *He hadn't denounced her* (Evelyn Anthony. *The relic*).

Репрезентантами ситуации, обозначаемой глаголом *спиться*, являются словосочетания, в которых содержится, во-первых, указание на летальный исход *drink to death* «пить до смерти»: *Dylan Thomas was one such suppliant. I know, because Eliot told me: he also disclosed, what he usually kept to himself, that after the poet*

had drunk himself to death, and hearing that his widow was in difficulties, he had provided liberal help, though whether she was aware of the fact I do not know (Frederick Tomlin. T S Eliot: a friendship); во-вторых, акцентирование внимания на свойствах субъекта действия, что передается с помощью прилагательных alcoholic «алкоголический», drunken «пьяный» или словосочетания глагола become «стать» с существительным drunkard «пьяница»: And to be sure, that type has been done to death: throughout a drab youth supported his alcoholic (в русском варианте – «спившийся») father by giving lessons, and then slowly, obstinately, buoyantly achieved prosperity; for, in addition to the not very profitable hotel, he had flourishing interests in the wine business (Vladimir Nabokov. Ultima Thule); It was not for nothing, they say, that Ermolov declared: “Anyone serving in the Caucasus for ten years either becomes a confirmed drunkard (досл. «стать убежденным пьяницей», в русском варианте – сопьется) or marries a loose woman” (Leo Tolstoy. The Cossacks (Louise and Aylmer Maude, 1911)). Во главу угла ставится статически зафиксированный «кадр», маркирование приобретенных свойств субъекта.

Итак, типология языков предопределяет различие языковых средств воссоздания ситуации, описывающей поглощение алкогольных напитков и приобретение результата – возникновение нового состояния. Русский язык с помощью конфиксальных глаголов передает эмоциональность и оттенки, детали действия (причина – корень слова, словообразовательный формант – следствие, результат действия); чувашский язык – «членит» действие на составляющие элементы, акцентируя внимание на результате и разделяя причину и следствие; английский язык обращает особое внимание на результат, классифицируя новый субъект сообразно его отличительным чертам, свойствам.

Литература

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.

Глушкова Т. С. Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира (на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ОмГУ. – Омск, 2009. – 24 с.

Димитриева О. А. Глаголы с итеративным значением в русском и чувашском языках (на примере цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (52): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 65–68.

Димитриева О. А. Национально-культурная коннотация и характеризованные способы глагольного действия // Инновации в образовательном процессе: сб. тр. научно-практ. конф. – Вып. 14. – Чебоксары: ЧПИ, 2016 а. – С. 195–199.

Димитриева О. А. Стереотипные представления о русской культуре питания (на примере глагола упиться) // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Междунар. научно-практ. конф. / под ред. Р. Р. Замалетдинова, Т. Г. Бочиной, Е. А. Горобец. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 122–125.

Дьяченко Т. Д. Семантико-синтаксические особенности лексических единиц английского языка, активизирующих фрейм «потребление пищи и жидкости»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2004. – 24 с.

Дьяченко Т. Д. Специфика аналитической репрезентации фрейма «потребление пищи и жидкости» в английском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 80–84.

Иванова А. М. Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ЧГУ. – Чебоксары, 2011. – 45 с.

Лебедев Э. Е. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 164 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Павловский И. В. Традиции питания в русской и нерусской культурах // Еда и культура: сб. статей. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. – С. 233–243.

Попова Т. В. Деривационно-семантическое пространство русского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 691 с.

Русская грамматика: научные труды / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – Том 1. Репринт. изд. – М.: [б. и.], 2005. – 784 с.

Трошина Н. Н. Этносемантические и стилистические проблемы межкультурной коммуникации в деловой сфере // Проблемы этносемантики: сборник аналитических обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1998. – С. 66–85.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. – Ленинград: Наука, 1989. – С. 5–53.

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕНАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕТОПИСЕЙ)

И. В. Ерофеева

Казанский федеральный университет

В статье рассматриваются способы репрезентации языкового сознания средневековья с помощью словообразовательных средств. На материале летописных сводов показывается роль производных образований в формировании одного из основных центров словообразовательной системы – поля деятеля. Анализируется способность словообразовательных типов к отражению концептуально значимых понятий языковой картины мира. Выявляются механизмы взаимодействия языковой и внеязыковой действительности.

Ключевые слова: словообразование, картина мира, аксиология, ментальность, средневековье, летописание.

К числу важнейших задач, стоящих перед современной лингвистической наукой, относится реконструкция языковой картины мира с использованием этнокультурной информации, позволяющей создать наиболее адекватное представление о мире, способах его восприятия и устройства. Культурная и этническая самобытность каждого языкового коллектива складывается в течение длительного исторического времени и имеет истоки в прошлом. Вот почему исследование древнейших письменных источников в любом языке является важнейшей составляющей исторической лингвистики, позволяющей определить инвариантные черты языковой картины мира.

Определяя исторические предпосылки формирования мировоззренческих основ народной жизни, необходимо обратиться к отдаленным во времени периодам. Одним из важнейших этапов развития русского народа является период средневековья, время, когда зарождались нации и государства, формировались языки. В средние века складывались многие культурные ценности, которые легли в основу цивилизации. В духовной жизни данного периода значительное место играла религия, язык которой представлял собой символическую систему, отличавшуюся стремлением к системности. Религиозное сознание получало языковое воплощение в культовом языке, для которого были характерны специальные языковые стратегии, отражающие христианское мировидение.

В то же время специфические черты средневековой культуры определялись и совокупностью факторов реальной действительности, политическими, социальными, экономическими условиями жизни своего времени. Сочетание

двух отмеченных тенденций в русской культуре отчетливее всего отражается в летописных текстах, в состав которых вошли произведения самого разного содержания: религиозные сказания, жития святых, поучения, фольклорные предания и легенды, воинские и исторические повести, тексты договоров. В летописях отразились наиболее значимые этапы в развитии человека и общества, изменения в механизмах восприятия материальных и духовных ценностей, составляющих основу культуры. Специфика языка летописей проявлялась в богатстве лексического состава, стилистическом многообразии, разноплановости словообразовательных и морфологических средств.

Поскольку литературные жанры Древней Руси характеризовались практической направленностью, лингвокультурологический подход к исследованию летописных сводов имеет особое значение. Он позволяет определить специфику национальных представлений о мире, связанных с разными сферами жизнедеятельности, укладом, обиходом, бытом человека отдаленных от нас эпох.

Формирование национального содержания языковых единиц происходило как в устном, так и в письменном творчестве древнего русича. Обогащение смысловой структуры слова, наполнение его новыми оттенками значения – это длительный исторический процесс, изучение которого входит в задачу исторической семасиологии русского языка. Язык летописных сводов позволяет пронаблюдать за динамикой языковых изменений на протяжении нескольких столетий.

Исследование языковых особенностей разновременных летописных сводов позволяет не только определить общие тенденции и установки культуры средневековья, отразившиеся в слове, но и проследить за их динамикой. Так, «Повесть временных лет» (далее ПВЛ) – наиболее разноплановый по характеру вошедших в него произведений памятник летописания, включающий объемные авторские отступления, – отличается и разнообразием языковых средств, смешением стилистических стихий, что обуславливает и большую культурную ценность. Документальный, фактографичный характер Новгородской I летописи (далее НЛ) и Московского летописного свода 1479 г. (далее МЛС) определяет однородность их содержания, а следовательно, и языка. Различие социальных условий, в которых создавались разные летописные своды, определяет специфику их языковой и стилистической организации. В то же время в разных летописях представлены общие для изучаемого периода культурные универсалии.

Исследование словообразовательных особенностей языковой системы относится к числу актуальных направлений лингвистических исследований [Николаев 2011; Вендина 2000; Улуханов 2005; Дмитриева 2010 и др.]. Слово-

образование является важнейшим средством номинации, участвующим в категоризации явлений действительности, структурировании мира в сознании носителей языка. «Именно факторы словообразования позволяют выявить способы оценки внеязыковой действительности, поскольку в производных формах происходит актуализация различных семантических признаков предметов и явлений внешнего мира» [Ерофеева 2010: 23]. Необходимость выражения важных для языкового сознания человека средних веков понятий способствует актуализации механизмов языкотворчества. «Словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов» [Вендина 2000: 26]. Словообразовательные потенции языковой системы используются для организации ментально-культурного пространства древнерусского языка. Значительную часть словарного состава древнерусского языка составляют именные производные образования, воплотившие в своей внутренней форме отношения между предметами реальной действительности.

Основные центры словообразовательной системы языка представлены производными наименованиями лиц и наименованиями действий. В этих двух сферах наиболее активно протекают деривационные процессы. Производные имена со значением лица используются для номинации человека по его месту в различных сферах общественной, социальной, религиозной среды, в них отражается своеобразие познавательной и практической деятельности человека. Особое значение для периода средневековья имеет оценка человека как личности социальной и духовной, при этом чувственная, физическая природа человека не играет особого значения и не получает специальной языковой актуализации. Изучение производных имен со значением лица в летописных текстах позволяет реконструировать особенности средневекового сознания, определить характер человека и его восприятие действительности. Исследователи категорий средневековой культуры отмечают: «Бог и человеческая душа представляли для эпохи средневековья абсолютную ценность» [Гуревич 1984: 76]. В именах со значением лица отражается ментальность как основа духовной жизни народа. Исторический подход к фактам словообразования позволяет увидеть истоки ее формирования, которые находятся в прошлом, «поэтому о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе» [Колесов 2006: 3].

Семантико-аксиологические константы средневековой культуры отражаются в производных наименованиях, имеющих внутреннюю форму, в которой заключена объективная информация о мире. Среди имен со значением лица особое место занимают образования со стилистически маркированным суффик-

сом *-тель*. В сфере образования личных дериватов данный суффикс относился к стилистически маркированным средствам, связанным с книжно-славянской традицией, поэтому производные с ним имели ограничения в употреблении. В памятниках делового содержания образования с данной морфемой относятся к редким формам. В летописных текстах производные на *-тель* представлены разными группами имен, отличающихся семантическими и стилистическими особенностями. Одни формы подвергаются терминологизации и приобретают устойчивое религиозное значение, например: *служитель* – ‘служитель Бога’, *учитель* – ‘учитель, наставник’. В более поздних летописях, например в МЛС, частотным становится образование *святитель* в значении ‘священнослужитель, епископ’. Для летописного повествования актуальна номинация лица по его официальному, юридическому статусу, поэтому отдельную группу имен на *-тель* составляют образования социально-юридической семантики. К ним относятся формы *властель*, *держатель*, *кормитель* и др., которые образуют синонимический ряд с общим значением ‘правитель, властитель’.

Более продуктивным словообразовательным средством древнерусского языка, оформлявшим производные образования со значением лица, был нейтральный в стилистическом отношении суффикс *-(ьн)икъ*. Данный формант использовался при образовании личных дериватов, в которых отражаются основные семантические оппозиции средневекового сознания: ‘религиозный’ – ‘светский’, ‘военный’ – ‘мирный’, ‘славянский’ – ‘чужеземный’. Наиболее значимыми в сфере имен на *-(ьн)икъ* являются формы, характеризующие лицо в соответствии с основными ценностными установками средневекового периода по его отношению к религии: *праведьникъ*, *грѣшьникъ*, *мученикъ*, *исповѣдникъ*, *въздержьникъ*, *скимьникъ*, *псаломьникъ*, *кѣлеиникъ*, *книжьникъ* и под. Образования с суффиксом *-(ьн)икъ* отличаются высокой частотностью употребления в летописях, а их распределение согласуется с общим характером повествования. Если в ПВЛ значительное место занимают нравоучительные отступления религиозного содержания, то в МЛС фиксируются прежде всего документальные факты: назначения священников и епископов, передвижения их по службе и т.п. В связи с описанием подобных событий в МЛС используются образования религиозного значения: *священникъ*, *начальникъ*, *скимникъ*, *псаломьникъ*, *церковьникъ* и под. В отличающейся документализмом Новгородской I летописи подобные формы употребляются преимущественно для наименования церквей и религиозных дат: «*Апріля въ 12 день, на святого Василя исповѣдника*» (НЛ, 70).

В летописных сводах разных по времени и месту написания нашли широкое отражение политические события своего времени. Поэтому в них активно

используются производные наименования лиц по занимаемому социальному положению. Для номинации представителей власти Древней Руси в летописных текстах используются такие образования, как *посадъникъ*, *намѣстьникъ*, *совѣтъникъ*, *сановъникъ* и т.п. Некоторые из отмеченных образований могли выступать с разным значением в зависимости от контекста. Так, наиболее частотное из данной группы образование *посадъникъ* могло реализовывать как широкую семантику ‘князем назначенный правитель города’, так и более узкую – ‘представитель власти в Новгороде и во Пскове, избираемый вечем’. Поэтому образование *посадъникъ* получило особое распространение в НЛ, так как в этой летописи зафиксированы события Новгородской республики, в которой представители власти, избранные народом, играли значительную роль в общественной жизни.

Наряду с наименованиями лиц по социальному положению в летописях значительное место занимают наименования людей по роду занятий. В производных именах данной группы нашли отражения явления внеязыковой действительности, основные сферы трудовой деятельности человека средневековья. В качестве производящих основ для данных имен выступают образования конкретного значения. Производные указанного типа могут обозначать лицо по отношению к тем предметам, с которыми оно связано в силу своей профессиональной деятельности: *суконъникъ* ‘суконщик, работающий с сукном’, *плотьникъ* ‘мастер, работающий с деревом’, *мостьникъ* ‘лицо, связанное с устройством мостов’, *котельникъ* ‘ремесленник, изготавливающий медную посуду’, *каменьникъ* ‘каменщик’, а также называть лицо, связанное с торговло-посреднической деятельностью: *данъникъ* ‘сборщик дани’, *гостьбникъ* ‘торговец, купец’ и др.

Особое внимание в летописях уделяется описанию событий военного значения. В этой сфере также активизированы словообразовательные механизмы языка. Производные наименования лиц по выполняемой ими функции в военной сфере представлены значительной группой имен. Мотивирующей базой для них выступают прежде всего названия тех объектов, с которыми связана деятельность лица: *бронъникъ* ‘воин в броне’, *путьникъ* ‘находящийся в пути, походе’, *оружъникъ* ‘носящий оружие, воин’, *лодеиникъ* ‘гребец в лодке, воин корабельный’, *копейникъ* ‘ратник, вооруженный копьем’, *конъникъ* ‘всадник’, *ратъникъ* ‘воин’ и др.

Имена на *-(ьн)икъ* используются также для характеристики лиц по отношению между людьми в мирской и военной сферах: *ябетьникъ*, *переветьникъ*, *разбоиникъ*, *крамольникъ*, *клеветъникъ*, *плѣньникъ* (*полоняникъ*) и под. Подоб-

ные формы отличаются выраженным аксиологическим статусом и занимают особое место в языковой картине мира средневековья, отражая процессы противостояния князей, князей и епископов, правящих кругов и народных масс, враждующих сторон. Как правило, они имеют юридическое содержание и отличаются негативной коннотацией.

Активно использовался в словотворчестве древних славян формант *-ьць*, отличавшийся разнообразием производящих основ, в качестве которых выступали как глагольные, так и именные формы. Большинство девербативов на *-ьць* в летописях являются наименованиями лиц по должности, роду занятий, профессии и относятся к словам со специализированным значением, например: *купьць, письць, ловьць, гоньць* и др. Часть из них имеет военное содержание: *стрѣльць, гребьць, боець*. Незначительное количество форм на *-ьць* мотивируется глаголами религиозной семантики: *жсьрьць, творьць, скопьць*.

Менее продуктивны отадъективные формы на *-ьць*, обозначающие носителя признака, названного производящим словом: *черньць, хитрьць, хромьць, оуньць, мудрьць*. Отдельные имена на *-ьць*, мотивированные прилагательными, приобретают специализированное военное или социальное значение вследствие определенных семантических приращений к значению производящей основы, например: *пешьць* ‘пехотинец’, *старьць* ‘старейшина’ или *простьць* ‘простой, не знатный человек’.

Таким образом, в сфере производства личных дериватов активно используются деривационные механизмы языка. Словообразовательные средства маркируют языковые единицы как имеющие особую ценность для языкового сознания средневековья.

В сфере именного словопроизводства продуктивность словообразовательных типов обусловлена их способностью отражать концептуально значимые понятия языковой картины мира. Практическая необходимость обозначения людей по их отношению к различным фактам внеязыковой действительности делает деривационные процессы в сфере поля деятеля очень активными. В средневековый период продуктивность имен со значением лица обусловлена актуализацией в них социального или религиозного компонента значения, связанного с представлением о месте человека в иерархии феодальных отношений, с одной стороны, и его оцениванием в соответствии с морально-этическими представлениями своего времени, с другой.

Поскольку словообразованию свойствен антропоцентризм, поле деятеля составляет один из основных содержательных центров русской словообразовательной системы. Ряды суффиксов, задействованные в образовании имен лиц,

используются для номинации человека по его месту в жизни, отражая основные семантические оппозиции средневекового сознания и характеризуя лицо с точки зрения его места в религиозной, военной, социальной сферах. Наиболее продуктивными в сфере производства личных дериватов являлись форманты *-(ьн)икъ* и *-ьць*, отличавшиеся широтой словообразовательных связей.

Литература

Вендина Т. И. Языковое сознание средневековья и возможности его реконструкции // *Славяноведение*. – 2000. – № 4. – С. 25–32.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

Дмитриева О. И. Крючкова О. Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. – Саратов: Научная книга, 2010. – 364 с.

Ерофеева И. В. Роль словообразования в организации смыслового пространства языка летописных сводов // *Филологические науки*. – 2010. – № 2. – С. 22–34.

Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование: Opera selecta. – Казань: Казанский университет, 2011. – 220 с.

Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. – М.: ООО «Издательский центр “Азбуковник”», 2005. – 314 с.

Источники

Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 25. – 464 с. – *МЛС*.

Новгородская первая летопись старшего извода / под ред. А. Н. Насонова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 13–100. – *иНЛ*.

Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – Т. 1. – С. 1–286. – *ПВЛ*.

НАЗВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ ЖИЛИЩА

Э. М. Зиангирова, А. А. Лазуренко

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
Набережночелнинский филиал

Жилище является одной из первостепенных составляющих материальной культуры каждого народа. Устройство жилища аккумулирует черты национальной культуры. Особенности жилища, хозяйственных построек, их отражение в языке связаны с культурно-историческим опытом народа. В региональной картине мира имеется достаточно разветвленная система терминов деталей жилища, обстановки и хозяйственных построек.

Ключевые слова: жилище, картина мира, язык, культура, лексемы.

Актуальность данной работы связана с возрастающим интересом к изучению проблемы взаимовлияния языка и культуры, приведшим в конце XX века к возникновению лингвокультурологии – новой отрасли языкознания. В лингвокультурологии и антропологической лингвистике за последние десятилетия возрос интерес к исследованию национально-культурных особенностей языкового сознания носителей тех или иных языков. Решение вопроса о соотношении культуры и языка во многом связано с поиском универсального и специфического в восприятии реальности носителями разных лингвокультурных традиций. Одним из аспектов такого исследования является комплексный анализ ключевых слов лингвокультурологического поля (ЛКП) «дом/жилище» на материале отдельных языков.

Одной из базовых составляющих материальной культуры любого народа является жилище. Устройства жилища аккумулируют черты национальной культуры. К типологическим признакам жилища относят камерность, систему отопления, интерьер из матерчатых украшений, способы внешнего архитектурно-декоративного оформления стен, фронтонов, входов. Лексема *дом* в региональной картине мира рассматривается как пространство, место обитания субъекта, центр мироздания. В процессе изучения лексики, относящейся к тематической группе «жилище», раскрываются перспективы выяснения истоков материальной культуры, экономических, социокультурных контактов с другими народами, взаимосвязи и взаимовлияния соседствующих языков.

Изучение тематической группы «жилые» показывает, что исследуемое поле является достаточно большим фрагментом лексико-фразеологической системы татарского языка. В татарской региональной картине мира понятие дома формулируется двумя лексемами: *өй* и *йорт*. Концепт *өй* означает пространство

внутри стен дома. И в то же время для татар дом немыслим без хозяйственных построек, помещений для содержания скота, подворья; в представленном случае более уместен концепт *йорт*, предполагающий своеобразное расширение дома от домашних стен (*өй*) на крестьянскую усадьбу в целом.

Выделить и ограничить безопасное для человека пространство, максимально адаптированное для проживания в нем человека, – это основные признаки домоустройства, соответствующие его первостепенным функциям. Несмотря на защищенность и загороженность пределов дома, необходимым условием является также контактирование с внешним миром. Особо значимыми деталями жилища являются: порог дома, окна, двери; с их помощью выполняется это необходимое условие жизни человека. Лексемы *ишек* (дверь), *бусага* (порог) в татарской лингвокультуре тесно связаны с традициями гостеприимства, они имеют богатое культурное наполнение и часто используются в свадебных обрядах.

Мебель в доме обязана обеспечить комфортное проживание всех членов семьи. Самыми важными в этом отношении лексемами являются *мич* (печь) и *сәке* (нары). Со словом *мич* образовано масса словосочетаний, обозначающих детали печи и пространство около нее. Необходимо подчеркнуть, что печь выступает символом полноты и благополучия дома, семьи. Другим, не менее значимым элементом татарского дома, выступает *сәке*, с которым связаны все важные события в жизни человека.

Традиционно татарский двор делится на две части: переднюю и заднюю. В *ишегалды* размещались жилой дом, кладовые, скотные и хозяйственные постройки. *Ишегалды* (двор) – это территория между «своим» и «чужим» миром, поэтому она ограничена *койма* (забором) и *капка* (воротами). *Амбар*, *келәт*, *баз* в сознании татар ассоциируются с урожаем, достатком и благополучием семьи. В задней части татарской усадьбы – *өй артында* (за домом) – у татар чаще всего располагаются *бакча* (сад, огород), *мунча* (баня). Понятие *бакча* используется в значении и сада, и огорода.

Капка (ворота) – лексема, связанная с территориальными границами дома. *Капка* – отверстие для входа и выхода в сооружении, стене, заборе, а также то, чем это отверстие закрывают. Р.Р. Замалетдинов указывает на то, что живая внутренняя форма слова *капка* указывает на связь с глаголом *каплау* – закрывать [Замалетдинов 2004].

Понятие «двор» в татарском литературном языке и в большинстве говоров передается словом *ишек алды* (*ишегалды*: *ишек* – ‘дверь’ + *алды* – ‘перед, преддверье’).

Одним из видов заборов является *киртә* – забор из стволов деревьев, наложенных друг на друга горизонтально, с помощью *киртә* обгораживали дом, сад, поле. *Киртә* в литературном языке и в говорах имеет значение ‘изгородь’, ‘ограда’, ‘загородка’; в некоторых говорах – ‘закрытое холодное помещение для скотины, сделанное из досок или прутьев’, ‘изгородь в поле для скота’. По утверждению Р. Г. Ахметьянова, *киртә* происходит от древнебулгарского *кэрт*, *кэрт* со значением ‘огороженная земля’. Также с помощью *киртә* огораживали селения.

У татар *бакча* (сад, огород) и сарай обычно располагаются в задней части татарской усадьбы, *өй артында* (за домом).

В отличие от русской модели мира, где сад входит и в территорию усадьбы, может располагаться и за его пределами, например, в чистом поле или в долине, *бакча* в татарской региональной картине мира находится только на территории усадьбы. Как отмечает Е. В. Филиппова, в русской модели это связано с компонентом значения, характеризующим связь лексемы *сад* с идеей воли, свободы.

Бакча – участок земли, засаженный преимущественно деревьями, кустарниками, цветами (большинство фруктово-ягодные растения); участок, на котором выращиваются овощи или клубника. Как утверждает Р. Г. Ахметьянов, слово *бакча* персидского происхождения, оно образовано от *баг* – сад + уменьшительный аффикс *-ча*.

Устройства татарского жилища: *тәрәзә* – окно, *баз* – погреб, *баскыч* – крыльцо, *бура* – сруб, *мунча бурасы* – сруб бани, *бусага* – порог, *бүлмә* – комната, *идән* – пол, *келәт* – клетки, *лапас* – навес, *кәнәфи* – кресло.

Чувашская (полинуклеарная) семья представлена, как правило, несколькими поколениями, проживающими в одном доме. Традиционная изба (*нүрт*) ставилась в центре переднего двора со входом на восток и окнами на юг, топилась по-черному глинобитной печью (*кәмака*) у задней глуховатой стены. Уличная планировка распространяется со 2-й половины XIX века.

К началу XX века глинобитная печь сменяется русской печью с трубой и полатами, при этом сохраняется традиционный *вучах* (очаг) с подвешенным или вмазанным котлом. Крыша двух-, на юге часто четырехскатная, крытая *уламом* (соломой), дранкой либо тесом.

Дом украшается многоцветной росписью, пропиленной резьбой, накладными украшениями; именуемые «русские» ворота с двухскатной крышей на 3–4 столбах – барельефной резьбой, позже росписью. Встречается древняя срубная постройка (первоначально без потолка и окон, с открытым очагом), служащая *апат лаçси* (летней кухни). Распространены *нүхреп* (погреб) и *мунча* (баня).

Кил-сүрт (усадьба) чувашей в большинстве случаев имеет форму вытянутого прямоугольника и отделены одна от другой проулком, традиционно заса-

женным деревьями либо кустарниками. По необходимости к домам могли пристраивать крыльцо, сени, *пӑлтӑр* (чулан) и т. п. Позднее дома стали соединять с некоторыми хозяйственными постройками, такие как *кӗлет* (амбар), и клетями.

Ранее при постройке жилого дома в обязательном порядке соблюдалась ориентировка на солнечную сторону. Его зачастую ставили внутри усадьбы со входом, обращенным на восток, и окном на юг вне зависимости от ориентировки усадьбы по отношению к улице. Теперь же новые дома ставят, как правило, фасадом на улицу, *кантӑк* (окна) в них прорубают в соответствии с внутренней планировкой.

Внутреннее устройство чувашского дома напоминало собой устройство всего мира. И, безусловно, расположение предметов в доме было наиболее комфортное для проживания большой семьи и сохранения тепла в зимний период.

В интерьере чувашского дома не было ничего лишнего, только самое необходимое для работы и отдыха.

Справа от входа ставили печь, в противоположном углу по диагонали – стол. Вдоль двух стен располагали нары, они были наиболее важным и универсальным предметом быта. Сразу же после строительства дома их врубали в стены. Чувашские нары шириной около полутора метров были очень удобны и для работы, и для отдыха. *Сӗтел-пукан* (мебель) в основном только изготавливалась из дерева и украшалась резьбой.

Каждый угол имеет свое название, и таким образом внутреннее пространство дома делилось на 4 части – *кӗреке*, *тӗпел*, *алӑк кукри* (дверной угол), *камака кукри* (печной угол). *Тӗпел* могли отделять *чаршавом* (занавес).

В центре, в углу печи, ставили особенный столб – *улчаюпи* (*улчепи*). К нему и к противоположным стенам высоко под потолком прикрепляли две плоские *лаптӑккашта* (перекладины). На них хранили всякие мелкие вещи, клали хлеб, вешали одежду.

В древности у чувашей, как и у остальных народов Поволжья, *сӗтел* (стол) был не выше нары и использовался в особых торжественных случаях, к примеру, во время молений и праздников. Это подтверждается особенным отношением чувашей к столу. На него нельзя садиться, стучать по нему, класть грязные вещи.

Устройства чувашского жилища: *чӳрече* – окно, *нӳхреп* – погреб, *алӑк* – дверь, *сӱлӗк* – полка, *урай* – пол, *пахча* – огород, *алӑк янаххи* – порог, *хыслӑ* – кресло, *пӱлӗм* – комната, *пура* – сруб.

Традиционное жилище удмуртов – наземная бревенчатая корка (изба) с прохладными сенями. В начале XX века зажиточные семьи ставили дома-пятистенки, либо двухэтажные дома с кирпичным низом.

Удмуртская изба соответствовала северно-среднерусской планировке. *Гур шуккыны* (глинобитную печь) ставили у входа устьицем к фасадной стене. По диагонали от печи находился *тол сэрег* (красный угол), где стояли *жок* (стол) и *пукон* (стул) для главы семьи. Вдоль стен тянулись массивные лавки (*зус*), над ними – *жажы* (полки). На кухне висел или стоял *кана* (шкаф) для посуды. Местом для сна служили *паськыт зус* (нары) и *сэндра* (полати) с деревянным *йыразьнул* (изголовьем).

Изба была зимним жилищем. В летний период жили в неотапливаемой одно- или двухэтажной клети (*кенос, чум*) с галереей. Их зачастую ставили под одну крышу с избой, соединяя их сенями, или отдельно, напротив избы, по другую сторону двора.

В каждом дворе было культовое сооружение (*куа*) для семейных молений. Оно служило и летней кухней. Из надворных построек наиболее распространены одно- или двухэтажная клеть (*кенос*), амбар для хранения зерна и пищевых продуктов (*ю кенос*), *гидкуа* (хлев), *мунчо* (баня), *йöгу* (погреб), навес для хранения дров и хозяйственного инвентаря (*липет ул, лапас*). Хлева и *гид азбар* (скотный двор), отделенные забором, присоединялись к чистому двору. Типичная планировка усадьбы П-образная, с просторным открытым *азбаром* (двором), встречается и Г-образная.

Фасад дома и глухая стена *кеноса* или хозяйственного амбара, соединенные оградой или воротами, составляли личную сторону усадьбы. Наличники окон и столбы ворот украшали солярными узорами в технике трехгранной выемчатой резьбы.

Устройства удмуртского дома: *жök* – стол, *öс* – порог, *йöгу* – погреб, *уконо* – окно, *гур* – печь, *зус* – лавка, *тол сэрег* – красный угол, *паласъёсты* – палас, *кеносъёс* – амбар, *мунчо* – баня.

Само собой разумеется, что в различных культурах, у разных народов по-разному истолковываются не только понятия «время», «пространство», «природа», сам человек, но и такие понятия, которые непосредственно связаны с жизнедеятельностью человека и с окружающим его миром: «семья», «дом», «быт», «земля» и др. Особенности устройства дома, хозяйственных построек и их отображение в языке напрямую связаны с историческим и культурным опытом народа, с особенностями уклада быта, семейной жизни, с теми реалиями, которые окружают человека как представителя определенного этноса.

Семья и быт, являясь первоначальной ячейкой общества и вплотную соприкасаясь почти со всеми сторонами человеческой жизнедеятельности, делают возможным объяснение различных этнографических явлений во всей их сложности, взаимосвязанности и взаимообусловленности.

Таким образом, лексемы, в татарском, чувашском и удмуртском языках называющие части жилого помещения, хорошо отличаются своим разнообразием, хотя в некоторых случаях мы видим сходные варианты, претерпевшие некоторые фонетические изменения. Тематическая группа «жилье» разных народов помогает нам узнать их быт и культуру через язык. В разных языках *жилище/дом* понимается как семья, люди, проживающие вместе. В языках, исследуемых в этой работе, имеется достаточно разветвленная система терминов деталей жилища, обстановки и хозяйственных построек. Особый же интерес для современного языкознания представляют определенные слова.

При написании данной статьи встретился ряд трудностей в связи с тем, что данный вопрос мало изучен, материал приходилось собирать по крупицам, затем сгруппировывать. Но это все в очередной раз подтверждает важность исследования истории и путей развития лексики, представляющей тематическую группу «жилье». Результаты работы дают интересные и ценные сведения для современной лексикологии в изучении региональной картины мира.

Литература

Александрова Е. В. (Елена Енькка). Родной край. Материальная и духовная культура чувашского народа XVI–XIX вв. Дом. Двор. Поселение [Электронный ресурс] // Studfiles.ru: [сайт] // URL: <http://www.studfiles.ru/preview/1621917/> (дата обращения: 25.10.2016).

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1989. – 200 с.

Замалетдинов Р. Р. Национально-языковая картина мира в лингво-философском освещении // Ученые записки Казан. гос. акад. ветер. медицины им. Н. Э. Баумана. – 2004. – Т. 179. – С. 334–341.

Замалетдинов Р. Р. Языковая реализация концептов материального мира и их национальная специфика (на примере «эй» и «йорт» в татарском языке) // Вопросы филологии. – 2004. – № 2. – С. 71–73.

Зиангирова Э. М. Словесное представление концепта «дом» в татарском языке // Вестник Набережночелнинского филиала ТГГПУ. – 2005. – Вып. 2. – Вып. 2. – С. 97–100.

Зиангирова Э. М. Тематическая группа слов «двор/усадыба» (на примере произведений М. Магдеева // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: матер. всерос. конф. с междунар. уч-ем (14 октября 2005 г., Стерлитамак) / отв. ред. Н. В. Пятаева. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 101–103.

Христолюбова Л. С. Ученые – удмурты: библиографический справочник. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 860 с.

Шульгин И. Н., Шкляев В. В. Мы строим дом (памятники деревянного зодчества). – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 380 с.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ БОРЬБЫ «КОРЭШ»)

Л. К. Ишкинина

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

Статья посвящена исследованию спортивных терминов в татарском языке на примере борьбы «Корэш». Целью исследования является изучение одного из способов образования терминологии в татарском языке – атрибутивной связи спортивных терминов борьбы «Корэш». Для исследования терминов использовались учебники по физической культуре и учебно-методические пособия по Корэш.

Ключевые слова: терминология, атрибутивная связь, спортивные термины, борьба «Корэш», татарский язык.

Борьба «Корэш» имеет глубокие корни. Наряду с обычаями, обрядами, традициями она составляет национальную культуру татарского народа. На территории всей России в местах компактного проживания татар испокон веков проходили народные праздники «Сабантуй», на которых центральное место всегда занимала борьба «Корэш» [Давлетшин 2007: 4].

Борьба «Корэш» на современном этапе является одним из популярнейших видов спорта во всем мире. Однако на сегодняшний день нет полного монографического исследования терминологии этого вида спорта. В связи с этим возникла необходимость углубленного и многоаспектного изучения терминов борьбы «Корэш» в татарском языке.

Терминология представляет собой целостную динамическую систему, которая в функциональном плане является системой средств выражения, служащей одной цели – обеспечению эффективности общения в специальной сфере. На современном этапе терминология спорта и физической культуры в татарском языке получила заметное развитие и стала одним из значительных слагаемых татарского языка. Именно поэтому исследование и упорядочение терминологии спорта и физической культуры в татарском языке на сегодняшний день является актуальным [Ишкинина 2014: 154].

В данной статье исследуется один из способов образования терминологии в татарском языке – атрибутивная связь терминов борьбы «Корэш».

В тюркологии данное словосложение еще до сих пор не исследовано. По словам лингвиста Ф. А. Ганиева, «не встречается даже само понятие "словосложение с атрибутивным отношением компонентов". Поэтому фактически история изучения словосложения на основе атрибутивных отношений компонен-

тов только начинается. <...> Они в той или иной степени исследованы во всех тюркских языках, но не под углом зрения отношений компонентов» [Ганиев 2002: 85].

В современном татарском языке компоненты с атрибутивной связью часто образуют составные слова. Составные существительные образуются путем объединения двух, реже трех самостоятельных слов в устойчивые словосочетания. В составных словах с атрибутивной связью первый компонент является атрибутом (т.е. определением) второго компонента и может являться любой частью речи [Ишкинина 2014, 3-1 (33): 89].

Среди них активно употребляются следующие модели: *существительное + существительное, существительное + существительное с категорией принадлежности, прилагательное + существительное, местоимение + существительное, числительное + существительное, деепричастие + существительное, причастие + существительное и т.д.*

Спортивные термины борьбы «Корэш» очень часто образуются по модели **существительное + существительное с категорией принадлежности**. В данном словосочетании связующими элементами являются окончания категории принадлежности **-ы/-е, -сы/-се** и порядок слов. Между компонентами таких словосочетаний устанавливается атрибутивная связь, первое слово является определяемым по отношению ко второму и конкретизирует, поясняет значение второго слова. Например:

көрәш алымы (Көрәш алымы көрәшченең көндәшен келәмнән аерылганчы күтәрер, аннан соң нинди дә булса берәр тарафка келәмгә төшерер башкара торган, төгәлләнгән техник хәрәкәт атала [Дәүләтшин 2008: 82] / **Прием** – законченное техническое действие, при проведении которого боец должен оторвать соперника от ковра и совершить бросок на спину или на любую часть тела);

команда ярышлары (Команда ярышларында ярышта катнашучы һәр команданың алган урыннары билгеләнә [Там же: 82] / **К командным соревнованиям** относятся соревнования, в которых определяется место каждой команды);

үлчәү авырлыгы (Шәхси ярышларда һәр үлчәү авырлыгындагы катнашучыларның алган урыннары билгеләнә [Там же: 82] / **К личным соревнованиям** относятся соревнования, в которых определяется место каждого участника в каждой **весовой категории**);

баш хаким урынбасары (*Баш хаким урынбасары кирәк булган очракта баш хакимне алыштыра ала* [Там же: 83] / *Заместитель главного судьи замещает главного судью в случае необходимости*);

хакимнәр бригадасы әгъзалары (*Хакимнәр бригадасы әгъзаларына үзләренең эш урыннарын калдырып китәргә һәм чит кешеләр белән аралашырға катгый тыела* [Там же: 83] / *Членам судейской бригады запрещается оставлять свои рабочие места и разговаривать с кем-либо во время схватки*);

келәм житәкчесе (*Хакимнәр бригадасына келәм житәкчесе керә* [Там же: 83] / *В состав судейской бригады входит руководителя ковра*) и т.д.

ярышларның табибы (*Ярышларның табибы ярышта табиб контроле һәм хезмәте өчен җавап бирә* [Там же: 84] / *Врач соревнований осуществляет медицинский контроль и медицинское обслуживание соревнований*);

яшь төркемнәре (*Татарча көрәштә ярышлар яшь төркемнәре һәм үлчәү авырлыктары буенча үткәреләләр* [Там же: 85] / *Соревнования по борьбе «Корэш» проводятся по возрастным группам и весовым категориям*);

үлчәү авырлыктары (*Төрле көрәш турнирлары, спорт бәйрәмнәре уздырганда оештыручылар көрәшчеләрнең үлчәү авырлыктарын үзләренчә билгеләргә мөмкиннәр* [Там же: 85] / *Организаторы различных спортивных мероприятий и праздников могут самостоятельно определять весовые категории борцов*).

В спортивной терминологии борьбы “Корэш” также встречаются составные слова, образованные по модели **прилагательное + существительное**. Например:

шәхси ярышлар (*Шәхси ярышларда һәр үлчәү авырлыгындагы катнашучыларның алган урыннары билгеләнә* [Там же: 82] / *К личным соревнованиям относятся соревнования, в которых определяется место каждого участника в каждой весовой категории*);

шәхси-команда ярышлары (*Шәхси-команда ярышларында ярышта катнашучының һәм командаларның алган урыннары билгеләнә* [Там же: 82] / *К лично-командным соревнованиям относятся соревнования, в которых определяется место каждого участника и команд*);

баш судья (*Баш судьяның күрсәтмәләре ярышта катнашучылар, судьялар һәм команда вәкилләре өчен мәҗбүри* [Там же: 82] / *Распоряжения главного судьи обязательны для участников, судей и представителей команд*);

баш сәркатиб (*Баш сәркатиб баш судья күрсәтмәләреннән чыгып эш итә, сәркатиблекнең эшен кагыйдәләр буенча оештыра* [Там же: 83] / *Главный*

секретарь исполняет указания главного судьи, организывает по правилам работу секретариата соревнований);

ян-як хакимнәр (**Ян-як хаким** келәмнең уң яисә сул ягында урнаша [Там же: 84] / **Боковой судья** располагается на левой или правой стороне от ковра);

апелляцион жюри (Судьяларның фикерләре төрле булган һәм алар үзара килешмәгән очракларда, баш судья **апелляцион жюри** аша аларның карарын кире кага ала [Там же: 82] / **Главный судья** имеет право задержать объявление результатов и вынести окончательное решение после дополнительного обсуждения с **апелляционным жюри**, если мнения судей расходятся);

кызыл әҗиңсә, яшел әҗиңсә (Арбитр һәм ян-як судьяның сул беләкләренә **кызыл**, ә уң беләкләренә **яшел әҗиңсәләр** кидерелә [Там же: 83] / **Арбитр** и боковой судья обязаны иметь **нарукавники красного цвета** на левой руке и **зеленого цвета** – на правой) и т.д.

Среди терминов борьбы «Корэш» нередко встречается модель **существительное + существительное**. Например:

информатор хаким (**Информатор хаким** ярыш программасын һәм ярышларның көн тәртибен, судьялар коллегиясенең күрсәтмәләрен һәм карарларын игълан итә, тамашачыларны көрәшчеләр һәм судьялар белән таныштыра, очрашулар һәм ярыш нәтиҗәләрен игълан итә [Там же: 84] / **Судья-информатор** объявляет программу и порядок проведения соревнований, решения и распоряжения судейской коллегии, представляет участников и судей, объявляет результаты схваток и соревнований);

секундометрист хаким (**секундометрист хаким** электрон таблоның төгәл эшләвен тәэмин итә, табло булмаган очракта очрашу вакытының барышын сәгать аша күзәтә һәм гонг белән тиешле вакыт беткәнне белдерә [Там же: 84] / **Судья-секундометрист** ведет контроль за временем схватки и информирует об этом руководителя ковра).

По результатам исследования спортивных терминов борьбы «Корэш» можно определить, что основное место в словообразовании этих терминов занимает атрибутивная связь. На основе атрибутивных компонентов образовано большое количество спортивных терминов «Корэш». Исследования показывают, что компоненты атрибутивной связи в основном образованы по моделям **существительное + существительное с категорией принадлежности**, **прилагательное + существительное**, **существительное + существительное**.

Литература

Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. – Казань: Печатный двор, 2002. – 191 с.

Давлетшин В. Т., Ахмадиев М. Г. Борьба «Көрэш»: учебно-методическое пособие. – Казань: Дом печати, 2007. – 88 с.

Ишкинина Л. К. Классификация спортивных терминов татарского языка с тематической точки зрения // Общетеоретические и частные вопросы языкознания: Сборник научных статей / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары, 2014. – С.153–157.

Ишкинина Л. К. Основные способы образования спортивной терминологии в татарском языке (на примере терминов хоккея) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 3–1 (33). – С. 88–91.

Дәүләтшин В. Т., Хәмидуллин Н. Х., Ибраһимов Я. Х. Татарча көрэш. – Казан: Сүз, 2008. – 110 б.

ТОПОНИМЫ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА

И. Н. Кайгородова

Астраханский государственный университет

В статье приведены результаты анализа современных топонимов Астраханской области. Ойконимический материал дает возможность определить характер контактов между народами во время их миграций в прошлом. В ойконимической системе астраханского региона нашли отражение тюркские и калмыцкие элементы, что обусловлено внутрирегиональным контактированием.

Ключевые слова: топоним, ойконим, картина мира, географические термины.

Фактор языкового взаимодействия народов в российском обществе, зависимость совершенствования социальных и межнациональных отношений от состояния и функционирования русского языка обусловили на современном этапе развития лингвистической науки обращение к «живому» слову: «Язык – это в первую очередь продукт социального и культурного развития, и воспринимать его следует именно с этой точки зрения» [Сепир 2001: 265]. Картина мира каждого этноса отражена в содержательной стороне языка: «"Реальный мир" в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы» [Сепир 2001: 261]. В процессе жизни одного и того же этноса картина мира меняется, реалии внеязыковой деятельности не остаются неизменными. Всё это отражается в языке: меняется картина мира – изменяется и языковая картина.

Географические названия как имена собственные служат человеку средством индивидуализации объектов ландшафта в процессе их освоения. Любая деятельность человека в процессе его освоения приводит к тому, что человек привязывает свои действия к определенным объектам территории и вынужден не только классифицировать эти объекты, но и определенным образом выделять их в ряду прочих. Человек, осваивая пространство, описывает его средствами языка. Язык существует в говорах, а носители языка распадаются на этнонациональные типы людей со своим складом характера, жизненным укладом, обычаями.

Астраханцы и их речь представляют феномен национальной компоненты русского языка. Астраханская область расположена на территории Нижнего Поволжья. За прошедшие тысячелетия астраханская степь служила дорогой передвижения народов, представляя ворота из Азии в Европу. Через нее, сменяя

друг друга, прошли скифы, сарматы, хазары, печенеги, половцы, монголы. По указу Петра I от 22 ноября 1785 г. была образована Астраханская губерния. Территория Астраханской губернии в течение трехсотлетней истории своего существования постепенно заселялась этническими племенами русских, казахов, калмыков, татар, армян и др. Многонациональный народ Астраханской области объединен не только судьбой, но еще и русским языком.

Топонимы, ойконимы, безусловно, хранят следы истории заселения Астраханской области, а также отражают характер социально-экономических отношений. Названия населенных пунктов образуются по разным мотивировочным признакам, но чаще всего – по природным богатствам территории. Ойконимический материал дает возможность проследить процесс обогащения русского языка.

Ландшафтные ойконимы связаны с географическими терминами. Географическая терминология любой территории обладает значительной информационной насыщенностью, в том числе сугубо местного характера. Важно, что народные (диалектные) географические термины порой содержат характеристики уже не существующих объектов, помогают дополнить историю заселения, национальную принадлежность переселенцев. Изучение астраханских ойконимов показывает, что на долю наименований, имеющих в своем составе народные географические термины, приходится небольшая часть номинаций. Например, русское *старица* означало старое русло реки, частично пересохшее [Никонов 1966: 394; Поспелов 2000: 171]. Это слово сохраняется в названии населенного пункта Астраханской области – село *Старица* (ср.: город в Тверской области – *Старица*).

В процессе номинации часть терминов выпадала из географической лексики, появлялись другие. Некоторые из терминов давно вошли в научную географическую терминологию: *река, пойма, город, дорога* и другие получили широкое распространение, но в топонимии имеют ареальное значение: *арал, баткак, булак, бурун, ватага, займище, куль (коль)* и другие. По характеру распространения они относятся к видовым терминам, указывающим на узкоспецифичные черты объекта. Например, названия сел *Пологое Займище* и *Солёное Займище* (Ахтубинский, Черноярский р-ны). В словаре Э. М. Мурзаева *займище* – ‘какое-то угодье, урочище в личном владении’, ‘охотничий участок’, ‘удобное место для ведения сельского хозяйства и заселения’ [Мурзаев 1984]. А в говорах Пермской области это слово реализует противоположное значение – ‘участок земли, неудобный для земледелия, занятый солончаками, кочками, кустами, тальником’; в Тюменской области *займище* – это сильно заросшая

дубрава, чаща; в Новосибирской области – ‘выгоревшее место в лесу’. Название *Займище* повторяется в названиях населенных пунктов в Белоруссии, в Украине, в Татарстане [Смолицкая 2002: 114].

Анализ местной географической терминологии наглядно показывает принцип расселения первопоселенцев на территории края. В своем поступательном движении переселенцы, ввиду физико-географических особенностей Нижнего Поволжья, заключающихся в затоплении низменных участков в период половодья, а на побережье Каспия – еще и во время нагонных ветров, основывали поселения исключительно на возвышенных участках. Именно поэтому объекты оронимии нашли широкое отражение в наименованиях населенных пунктов Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги. К ним относятся, например, тюркские слова: *бас* – в топонимическом значении ‘возвышенное место’ (с. *Басы*, пос. *Басинск* Лиманского р-на), *тюбе* ‘бугор’ (с. *Актюбе*, с. *Костюбе* Володарского р-на); русские: *грива* ‘низкая, некрутая, вытянутая гряда’ (пос. *Сизова Грива* Камызякского р-на, с. *Весёлая Грива* Приволжского р-на); *кряж* ‘невысокая, удлиненная возвышенность’ (с. *Кряжевое* Лиманского р-на). Поскольку подавляющее число поселений было основано на высоких, не затопляемых в половодье берегах рек, в их названия вошли слова: тюркские *жар* (*джар*) ‘обрыв’, ‘яр’ (с. *Алтынжар* Володарского р-на); *кара* в значении ‘возвышенность с обнажениями темного цвета’ (пос. *Качкаринский* Камызякского р-на); русские: *пришиб* ‘обрыв у реки на излучине’ (с. *Пришиб* Енотаевского р-на); *яр* ‘высокий, крутой берег’ (с. *Красный Яр* Красноярского р-на, *Черный Яр* Черноярского р-на). К данному ряду относится и наименование с. *Камардан* Володарского р-на, в основе которого лежат слово тюрко-иранского происхождения: *комар* ‘берег’, ‘обрыв’, ‘круча’ и *дан* (*дон*) ‘река’.

Кроме того, к терминам гидронимии, нашедшим применение в номинации населенных пунктов, относятся следующие слова: *раздор* ‘место разделения реки на рукава’ (с. *Раздор* Володарского р-на); *затон* ‘залив в реке’, ‘место зимней стоянки судов’ (с. *Затон* Камызякского р-на); *протока* ‘река’, ‘дельтовое ответвление’ (с. *Три Протока* Приволжского р-на, *Проточное* Лиманского р-на); *яма* ‘углубление дна реки, озера, где зимует рыба’ (с. *Ямное* Икрянинского р-на); *ильмень* ‘мелководное озеро с заросшими тростником берегами’ (пос. *Белый Ильмень* Володарского р-на), село *Затон* (Камызякский р-н).

Частотным в наименованиях населенных пунктов Астраханской области является слово *бугор*. По нашим данным, оно встречается в 8 топонимах. В простых: *Бугор*; в сложных: *Разбугорье*, *Семибугры*; с прилагательными: *Бараний Бугор*, *Казенный Бугор*, *Осыпной Бугор*, *Чёрный Бугор*, *Сизый Бугор*.

По численности населения на территории Астраханского региона преобладали русские, казахи, татары, ногайцы, калмыки. Как отмечал В. Д. Бондалетов, больше будет топонимов того языка, который по количеству носителей и занимаемому ими пространству преобладает (или преобладал раньше) на изучаемой территории [Бондалетов 1983: 191].

В ойконимии Астраханской области древнейший топонимический пласт имеет тюркоязычное происхождение. По состоянию на 2008 год в Астраханской области существует 429 сельских населенных пунктов [Справочник 2008: 25]. По нашим данным, 45 субстратных ойконимов имеют тюркское происхождение.

В тюркских ойконимах можно выделить устойчивые элементы, например, *яр, кара, тюбе, аул, озек, бас*. Географические словари, изданные в конце XX в., указывали на тюркское происхождение слова *яр*, квалифицируя его значение как ‘обрыв, крутой нагорный берег реки, озера, моря’ и детализируя местные значения термина. Так, например, в Волгоградской области *яр* – это ‘глубокий суходол, балка, часто с донным оврагом’. В новейшей географической литературе академического характера термин *яр* рассматривается в качестве синонима к термину *нагорный берег* и снабжается дефиницией ‘высокий склон на краю поймы, в частности обрыв крутого склона на внешней стороне речной излучины, подмываемой рекой’ [Барандеев 2010: 84]. В словаре Э. М. Мурзаева отмечено, что *джар, жар* – это ‘обрыв, круча, овраг’ (тюрк.). (ср. *Алтынжар* Володарского р-на). Др.-тюрк. *jar* ‘яр, обрыв’; глагольная основа *jar* ‘рассекать’, ‘расщеплять’, ‘раскалывать’. Термин часто относится к прибрежным обрывам, оврагам, сухим руслам, почему стал употребляться для обозначения самих оврагов, ущелий, балок. *Джар, Джарлы, Джардам* в Азербайджане; оз. *Джаркуль, Джартена, Джар* в Таджикистане; *Кызыляр* и *Ярбажи* на Алтае; *Джар* в Якутии; *Джарарык* в Ташкентской обл.; *Джаркудук* в Сурхандарьинской обл.; *Джарлы* и *Жарлы* в Актюбинской обл.; *Жарбулак* в Семипалатинской обл.; *Жарлысу* в Джамбулской обл.; *Жарколь* в Кокчетавской обл.; *Джаркент-Арасан* в Талды-Курганской обл. [Мурзаев 1984: 179].

Не только природные условия, но и своеобразный животный и растительный мир нашли отражение в ойконимии Астраханской области.

Нами были выделены следующие группы населенных пунктов на территории Астраханской области:

1) ойконимы, образованные от зоонимов. Они содержат информацию о видах рыб, зверей и птиц, обитающих на территории Астраханской области или уже исчезнувших, например: *Бирючья Коса, Грачи, Верблюжий, Коровье, Ле-*

бязжье, Новокаргино, Карагали, Конный Могой, Сорочье, Бакланий, Гусино, Золотуха, Сайгачий и др.;

2) ойконимы, производные от фитонимических терминов: *Караагаиш, Дубовый, Маково, Яблонка, Хмелевка, Ковыльный, Сенной, Полынный, Чилимный, Садовый, Вишневый, Ягодный, Черемуха, Зеленый сад, Вязовка, Камышово, Лесное, Яндыки* и др. В своем большинстве топонимы отражают роды деревьев и виды растений, произрастающих по берегам водоемов, имеющих большое значение в жизни как оседлого, так и кочевого населения;

3) ойконимы, производные от этнонимов: *Ново-Булгары, Татаро-Башмаковка*.

Принципы номинации, т.е. основания для связи имени с именуемым объектом названия, населенных пунктов Астраханской области, типичны для топонимической системы России. В качестве мотивированных имен выступают: 1) ландшафтные номинации; 2) аппелятивы; 3) фитонимы; 4) зоонимы; 5) пространственные номинации.

Можно представить хронологические напластования в ойконимии Астраханской области следующим образом:

- 1) древнейший пласт – тюркский;
- 2) собственно русские наименования;
- 3) калмыцкий пласт.

Итак, язык является «символическим руководством к пониманию культуры» [Сепир 2001: 262]. Любая деятельность человека в процессе освоения языка приводит к тому, что он привязывает свои действия к определенным объектам территории и вынужден не только классифицировать эти объекты, но и определенным образом выделять их в ряду прочих.

Таким образом, астраханские топонимы подтверждают положение о том, что региональная топонимическая лексика является источником культурно-исторической информации и ее изучение является перспективным для современной региональной лингвистики.

Литература

Барандеев А. В. Капустин Яр // Русский язык в школе. – 2010. – № 8. – С. 82–85.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 244 с.

Жучкевич В. А. Общая топонимика. – Минск: Вышэйшая школа, 1980. – 288 с.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 656 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь: ок. 4000 названий. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.

Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. – М.: Русские словари, 1998. – 372 с.

Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии/ перевод с англ. под общей ред. А.Е. Кибрика. – М.: ИГ «Прогресс», 2001. – С. 259–265.

Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. – М.: Армада-пресс, 2002. – 416 с.

Справочник административно-территориального деления Астраханской области 1918–2008 гг. – Астрахань: ООО «Типография «НОВА», 2008. – 448 с.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
НА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЧВЕ XIX ВЕКА:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ
ИЛИ ДИФFUЗНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ?**

В. Н. Калиновская

Институт лингвистических исследований РАН

О. А. Старовойтова

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена проблеме семантической адаптации лексических заимствований. Предметом анализа послужила история слов «толерантный» и «толерантность». Рассматриваются особенности структуры лексического значения данных слов при функционировании в русских текстах XIX века. Поводом для анализа стала актуальность лексем в современном дискурсе.

Ключевые слова: русский язык, история слов, семантика, стилистика, лексическое значение, толерантность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в., № 15-04-00032.

...Двусмысленность слов – большое неудобство;
но бессмысленность еще важнее,
и слов последнего рода гораздо
больше в обращении ...

В. Ф. Одоевский. Русские ночи

Высокая частотность слов *толерантный* и *толерантность* в современном философском и политическом дискурсе, а также в обыденной речи (на что указывает и статистика употреблений в интернет-ресурсах) заставляет проанализировать истоки и причины их актуальности с позиции истории появления слов и их функционирования в русском тексте XIX века.

Тенденции развития русского языка нового времени (заимствование слов, активные словообразовательные процессы и др.) способствовали появлению слова *толерантность*. Число новообразований на *-ость* и частотность использования уже существующих резко возрастают с XVIII в. Исследователи сходятся в том, что активное распространение суффикса в «ученой» литературе и частую вытеснение им параллельных образований с другими суффиксами

начинается со второй половины XVIII в. [Веселитский 1964: 81]. Понятие «толерантности» (франц. *tolérance* ‘послабление, допущение, попущение; веротерпение; терпимость; свободное отправление веры’ [Nouveau 1816: 728]), ставшее одним из ключевых понятий европейской культуры в эпоху Нового времени и впоследствии значительно расширившее границы своего первоначального применения, входит в русское языковое пространство в самом конце XVIII века и передается русским словом *веротерпение*: «... (Един.) Небудет никогда инаго истиннаго сближения разных толков, кроме гражданскаго веротерпения. ФРЛ II 572»¹ [Словарь XVIII 1987: 47]. Именно такой вполне определенный, терминологически строгий смысл приобрело слово *tolérance* в европейских языках к XVI веку, знаменуя наметившийся поворот в отношении нетрадиционных для европейской культуры религиозных верований. В русском языке форма отглагольного существительного обозначила, прежде всего, сознательно декларируемую и действительную позицию власти и общества. В XIX веке для обозначения отвлеченного правового понятия, которым определялась политика Российского государства в отношении народов, его населяющих, и их верований создается другое слово – *веротерпимость*: «Веротерпимость ... свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство, не стесняющее иноверцев в отпращивании обрядов» [Даль 1863: 294].

Свидетельства реального проявления подобной толерантности, поразившей иностранцев, посетивших Россию в начале XIX века, сохранились в их мемуарных записях: *На Невском проспекте идеи религиозной терпимости прямо-таки претворены в жизнь, и самым либеральным образом. Буквально нет ни одного вероисповедания, какое не имело бы своей обители, своего храма на этой широкой улице. Налево, в том же направлении, в каком я шел до сих пор – голландская церковь, лютеранский храм святого Петра, католическая церковь святой Екатерины, армянская церковь, не считая в прилегающих улицах финской часовни и храмов других направлений Реформации. Направо – русский Казанский собор, другая православная церковь и часовня старинного культа староверов или раскольников* [Готье 1988: 41].

Русский эквивалент к указанному значению европейского термина сохранял свою конкурентность на протяжении всего XIX века и в первые десятилетия следующего. Если в Словаре русского языка под редакцией Ушакова слово *веротерпимость*, равно как и прилагательное *веротерпимый* еще дано с соответствующей пометой (книжн.), то в Словаре современного русского литера-

¹ Цитаты из дореформенных изданий русских текстов приводятся с изъятием «ятя», «и десятеричного» и «ера». Пунктуация источников сохраняется.

турного языка оба слова уже отсутствуют, что объяснялось наличием определенной идеологической конъюнктуры. Иная картина наблюдается в отношении лексических единиц, производных от заимствованного корня.

Так, существительное *толерантность* в течение длительного периода воспринимается как иноязычное слово: его первую словарную фиксацию дает Словарь иностранных слов [1937], а прилагательное впервые отмечено Словарем под ред. Д. Н. Ушакова [Ушаков 1940: 726]; но уже к середине прошлого века *толерантность* ‘терпимость, снисходительное отношение к кому-, чему-либо’ и *толерантный* ‘снисходительный, терпимый’ сопровождаются в словаре пометой *устар.* [ССРЛЯ 1963: 538].

Отмеченные значения сформировались в русском литературном языке к середине XIX века. Показательным примером такого восприятия содержания термина может служить включение иноязычного вкрапления в текст философского произведения В. Ф. Одоевского: *Фауст. Человек, вынесенный невежественною толпой на первое место страны, говорит этой толпе невероятные комплименты – все знают, что это неправда, все знают, что он так говорит, потому только, что иначе ему бы не усидеть, но однако слушают с удовольствием. Один мой знакомый говорил въ шутку: «что за льстец этот Б**»; в глаза льстит безъ малейшаго стыда; но что будешь делать! знаю, что лжет, а приятно!» В этих немногих словах вся характеристика века. Когда необходимость говорить до откровенности, тогда ея нагота прикрывается из благоприличия словами, часто совершенно-противоположнаго значения; один государственный муж выразился так: «наши отцы касались этого вопроса с такою **мудрою терпимостию (tolerance)**, что до-сихъ-пор он никогда не возмущал общаго спокойствия, и я равно никогда не допущу в этом деле нововведений. К чему относилось это прекрасное слово: **терпимость?** вы подумаете к **вероисповеданиям**, или к чему-нибудь подобному. Нет! Просто к возмутительному рабству негров и беспощадному самоуправству южных американских плантаторов американских негров. – Терпимость в этом смысле! образец изобретательности! Неоцененная игра слов! и к сожалению, не первая и не последняя [Одоевский 1844: 321].*

«Русские ночи» В. Ф. Одоевского [1843] завершают эпоху романтизма; в одном из «самых сложных и драматичных произведений в истории русской культуры и литературы» его автор делает попытку осмысления итогов романтического периода европейской философской мысли и признаков нового, наступающего «меркантильного», «железного» века. Полемический характер фрагмента беседы, представленного выше, вскрывает расширение зоны рефе-

рентных признаков в семантике слова (и соответственно понятия): иронический подтекст указывает на семантическую неопределенность (неоднозначность) «модного» термина (начиная с середины XIX века быть толерантным стало модным):

– *Я не могу относиться **толерантно**, когда он <Петр Степанович> при людях и в моем присутствии утверждает, что правительство нарочно опьяняет народ водкой, чтоб его абрютировать и тем удержат от восстания* [Достоевский 1895: 303];

*Поиграть в эмансипацию и либеральную **толерантность** на словах и на бумаге, что касалось брачных уз ветхозаветного порядка, – это было в моде и легко делалось всеми, но когда в этом пункте задевались личные эгоистические интересы, когда либерализм почему либо оказывался нам невыгодным, – российские вольтерьянцы и вольтерьянки вдруг, по первому движению, не задумываясь, обращались в консерваторов, необыкновенно крепких Домострою* [Михневич 1886: 118].

Это послужило причиной формирования у слова социокультурных коннотаций. Как считают исследователи языкового феномена диффузности, часто ее проявление и – как следствие – попытка интерпретанта вербально дифференцировать (*вероисповедание*) содержательную сторону понятия отражают различия в языковой картине мира разных этносов [Леонтьева 2014: 104]. Иногда эта диффузность (или синкретизм) заложены в семантике слова в языке-оригинале. В результате можно наблюдать развитие серии синонимических вариантов к подобному термину в некоторых контекстах (*беспристрастие, кротость, умеренность, человечность; мягкий, широкий* и нек. др.). Особенно это касается тех языковых ситуаций, когда слово становится широко употребительным; «в повседневной жизни человек оперирует не столько понятиями, сколько представлениями. Важным моментом осознания является факт влияния коллективного сознания на формирование таких представлений» [Леонтьева 2014: 105].

Природу иронии в отношении заимствованного понятия в приведенном отрывке из сочинения русского автора отчасти раскрывают следующие контексты с примерами употребления прилагательного *толерантный* в переводе немецкой романтической прозы: *Если удастся нам уловить это <смутное> чувство в самом его зачатии, мы узнаем характер горы. Этот характер вполне немецкий, как в недостатках, так и в достоинствах своих. ...В горе есть также что-то немецки-спокойное, разсудительное, **толерантное**, потому именно, что она так далеко и так ясно может все обозреть* [Гейне

1859: 279]; *Сегодня первое мая. Весна проливается на землю морем жизни. ...Нищий на мосту смотрит с таким довольством, словно выиграл главный приз в лотерею; даже черного, еще неповешенного маклера с мошенническим мануфактурно-товарным лицом, освещает солнце **толерантнейшими** лучами. Я хочу пойти за город* [Там же: 296].

Новая стилистическая система литературного языка XIX века способствовала тому, что «слово становилось более гибким, семантически емким, способным к различного рода семантико-стилистическим изменениям» [Сорокин 1965: 40]. Полисемантическое слово *tolérance*, как и многие другие иностранные слова, на русской почве активно включилось в процесс формирования терминологии.

В первой половине XIX века в метрологической сфере французский термин *tolérance* пояснял лексему *терпимость*, используемую в терминологическом значении:

*Но поелику трудно и почти невозможно при деле и поверке, какого бы то ни было рода меры, соблюсти совершенную, математическую точность, то обычно дозволяется некоторое незначительное, для важнейших из них законом ограниченное, отступление или терпимость (*tolérance, remedium*)* [Петрушевский 1849: 18]. Обычно оно употреблялось в предложно-падежном сочетании типа *терпимость в весе, терпимость в пробе*.

Поскольку слово *терпимость* в системе литературного языка занимает прочное место в сфере духовно-нравственной, впоследствии в подобного рода контекстах начинает выступать лексема *допущение*, также использовавшаяся для перевода на русский язык слова *tolérance* [Татищев 1841: 691].

Поскольку слово *толерантность* становится фактом русского литературного языка и довольно широко употребляется в разных контекстах, его лексико-грамматические свойства «книжного» слова с семантикой свойства, качества (*акклиматизованность, громкость, гибкость, гуманность*) позволяют ему пойти по пути терминологизации, т. е. использования в определенной научной области. Такой областью стала физиология:

*Всем своим больным автор <Labbé> давал последовательно различныя углеводистыя вещества, содержащия приблизительно одинаковое количество углеводов, следя за ходом глюкозурии и **толерантностью** организма. Таким образом, автор у различных больных изследовал влияние картофеля, овсяной муки, макарон, риса...* [Вербицкий 1907: 227].

В подобного рода контекстах складывалась асимметричная ситуация, когда одна и та же ситуация описывалась разными лексическими единицами:

с одной стороны, *толерантный* к чему-л. организм, *толерантность* организма к чему-л., с другой – *переносить* (*переносимый*) что-л.

*Ванны Сабанеевского источника суть умеренныя, самыя приятныя, слегка раздражающія кожу, легко **переносимыя** больными, служат как разрешающее средство; оне полезны для особ слабых и раздражителейных... [Грум 1855: 134]; Одесса в июне – это печь: сорокоградусные жары, ни одной капли дождя, адская пыль – все это едва **переносимо** и для здороваго, а для больного чахоткой – убийственно [Панаев 1860: 125]*

Подобная ситуация привела к тому, что у термина *толерантность* возник дублет *переносимость* (и антонимичный *непереносимость*):

*Этим объясняется не только характер бредовых идей о порче, о вселении нечистой силы во внутрь тела, но и все другие характерные явления в поведении кликуш, порченных и бесноватых, так, например, их своеобразная боязнь всего, что верою народа признается святым, наступление припадков в церкви при пении «херувимской», при известных молитвословиях вовремя служения молебнов и при отчитывании, их выкликания и **непереносимость** того лица, которое они обвиняют в порче и в причинении им бесоодержимости... [Бехтерев 1898–1925].*

«Возвращение» из идеологического подполья слова *толерантность* (в совокупности присущих ему значений) в конце XX века привело к тому, что с *переносимостью* как естественно-научным термином вновь стала активно конкурировать *толерантность*. Терминологический иноязычный потоп наряду с социально-психологическими причинами, а именно восприятием — всем коллективом говорящих или его частью — иноязычного слова как более престижного по сравнению с исконным, способствовало активизации некогда «модного», а потом «забытого» и «отправленного в архив» слова.

Наблюдаемая картина функционирования некогда заимствованных понятий, представленных в лексемах *толерантный* и *толерантность*, позволяет сделать вывод относительно специфики языковой картины мира носителей русского языка, которая выражается в преодолении семантической диффузности через дифференциацию значений, получивших самостоятельное вербальное воплощение (*терпимость, переносимость, допущение, веротерпимость*).

Литература

Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.10.2016).

Вербицкий Ф. В. К вопросу о влиянии различных углеводистых веществ на глюкозурию диабетиков (Из клиники диагностики и общей терапии проф. М.В. Яновского) // Известия Императорской Военно-медицинской Академии. – 1907. – Том XV. – Сентябрь. № 1. – С. 219–254.

Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX в. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Гейне Г. Гарц / в переводе М. Л. Михайлова // Русский вестник. – 1859. – Т. 20. Кн. 2. – С. 245–298.

Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – 401 с.

Грум К. Описание минеральных вод, лечебных грязей и купаний русских и иностранных. – В 2-х ч. – СПб., 1855. – 732 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Ч. 1. – М., 1863. – 627 с. с добавл.

Достоевский Ф. М. Бесы // Полн. собр. соч. – Т. 7. – СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, Беспл. прил. к ж-лу «Нива» за 1895. – 655 с.

Леонтьева А. В. Проблемы семантической диффузности (на примере научного лингвистического текста) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 3 (040). – С. 104–110.

Михневич В. О. Дед Пушкина // Исторический вестник. – 1886. – Т. 23. – С. 87–143.

Одоевский В. Ф. Русские ночи // Сочинения князя В.Ф. Одоевского. – Ч. 1. – СПб., 1844. – 393 с.

Панаев И. Мартынов // Современник. – 1860. – Т. LXXXIII. – С. 117–130.

Петрушевский Ф. И. Общая метрология. – Ч. 1. – СПб., 1849. – 826 с.

Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 3. – Л.: Наука, 1987. – 296 с. – Словарь XVIII

Словарь современного русского литературного языка. – Т. 15. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 1286 с. – ССРЛЯ

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. – М.; Л.: Наука, 1965. – 565 с.

Татищев И. Всеобщий французско-русский словарь. – Т. 2. – М., 1841. – 772 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1940. – 1552 с.

Nouveau dictionnaire françois-russe-allemand, composé sur les meilleurs dictionnaires nouveaux. – Т. 1. – St.-Pétersburg, 1816. – 937 с.

КОНЦЕПТЫ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Д. Ф. Каюмова, Д. И. Хрипкова
Казанский федеральный университет

Статья посвящена рассмотрению концептов материального мира человека. В работе представлено разнообразие фразеологических единиц, репрезентирующих концепты материального мира человека в английском, испанском и татарском языках.

Ключевые слова: концепт, материальный, фразеологическая единица.

Любой феномен мира человека «не просто факт, а артефакт, продукт, рожденный наличным опытом <...> человека на основе определенного кода культуры. С этих позиций концептуальное оформление в языке того пространства, внутри которого протекает будничное, повседневное существование членов этноса, чрезвычайно важно» [Замалетдинов 1999: 117] для лингвокультурологии, которая стремится выделить наиболее значимые культурные семы, охарактеризовать культурное пространство этноса через описание ключевых культурных концептов.

Как отмечает В. А. Маслова, «по всей вероятности, совокупность предметно-образно-эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек встречается чаще, чем с другими, в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности» [Маслова 1997: 69]. Знания этого типа, по мнению В. А. Масловой, могут сколько угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, а также ее способность служить объясняющей матрицей для структурирования опыта.

Информация, заключенная в языковой семантике, характеризуется относительной стабильностью. Стабильность информации, заключенной в языке, связана с ее внутренним, опорным характером по отношению к знанию, содержащемуся в конкретных текстовых воплощениях.

Так, например, языковые единицы, служащие обозначением объектов и явлений изучаемой сферы, могут быть объединены в лингвокультурологическое поле «дом – жилье». Оно прежде всего выступает как объединение языковых единиц, денотаты которых соотносимы с конкретным сегментом реальности, с другой стороны, эти номинативные единицы, взятые в своей совокупности и образующие систему, выступают не просто как номенклатуры, а скорее, как определенная схематизация культурно-

исторического опыта членов языкового коллектива. Сообразно с этим проводимый нами анализ учитывает взаимосвязь языковых единиц с экстралингвистическим фоном, с исторически сложившейся предметной сферой и социокультурной средой.

Очевиден тот факт, что сочетания слов, подвергающиеся фразеологизации, включаются в сложные семантические процессы. Внутренняя форма, фразеологический образ, являясь основой содержания ФЕ, создается путем сопоставления двух денотатов: денотата ФЕ и денотата словесного комплекса – прототипа этой ФЕ. Это сопоставление представлено в ФЕ уже как результат деятельности языкового сознания нации.

Для того чтобы иметь представление о специфике образного видения мира сопоставляемых народов, нам представляется логичным проанализировать концептуализацию мира как таковую в английской, испанской и татарской языковых картинах мира. Для испанского сознания мир – *mundo*; в татарском языке – *дөнья* и *галәм*, в английском языке – *world*. Это также часть вселенной, планета Земля, живая и неживая природа Земли. Приведем примеры употребления ФЕ испанского языка с этими словами: *este mundo es un pañuelo* – мир тесен. В татарском языке: *эйләнер дөнья һаман да* – будет вращаться все также мир.

Несмотря на важную роль компонента мир у англичан, по данным нашего исследования, существует не так много фразеологизмов с лексемой *world*: *as old as the hills (the world)* – старо как вселенная, мир; *the wide world* – весь свет, на свете.

ФЕ английского языка: *it's a small world* – мир тесен; *two in distress make sorrow less* – на миру и смерть красна (на людях и смерть не страшна); *not of this world* – не от мира сего (о неприспособленном к жизни в социуме человеке); *all the world knows* – всему миру известно.

В тюркских языках мир понимается как мирская, несакральная жизнь, противопоставляясь *ахирәт* – вечному потустороннему миру: *дөнья эшен ахирәткә калдырма* – оставляй мирские дела для того света; *дөнья фани, хакыйкәт бақы* – мир тленен, истина вечна. В татарском языке в плане структуры во фразеологических единицах больше изоморфизма, а также частое использование сочетаний существительного с прилагательным.

Характерным для европейского менталитета является включение в концепт «мир» понятия «аристократическое общество», например, в английском языке: *the great world* – высший свет, *all the world and his wife* – все без исключения, много народу, большая компания: *Miss. Pray, Madam, who were the Company? Lady Smart. Why, there was all the world and his wife* [Swift 2000: 35]. – Мисс. Скажите, пожалуйста, кто же там был? Леди Сمارт. Там были все без исключения!

В таком же значении используется слово *свет*. В татарском языке можно найти такое же выражение – *дөньясыннан ваз кичү*. В силу специфики историко-культурных условий подобное использование для английского слова *world* не характерно.

В ряде фразеологизмов с компонентом *мир* реализуется схема бытия, с «миром» связывается рождение и смерть человека: *дөньяга килү – родиться, дөнядан китү – умереть*. В татарском языке: *бу дөнядан китү – отдать концы, отправиться на тот свет; дөньяга килү – родиться, появиться на свет*. Во всех сопоставляемых языках в плане структуры и содержания больше изоморфизма. Приведем примеры. В испанском языке: *venir al mundo – появиться на свет, родиться*; в английском языке: *bring into the world – родить, произвести на свет, принимать роды; come into the world – появиться на свет, родиться; not to be long for this world – не жилец на этом свете*.

It went on like that for weeks, until I was nothing but skin and bone, and I could see from Mrs. Mort's face that she really thought I wasn't long for this world [Wain 1996: 129]. – Так продолжалось несколько недель; от меня остались только кожа да кости. По лицу миссис Морт было видно, что я не жилец на этом свете.

В целом, в сравниваемых языках прослеживается как семантическая общность в восприятии ключевых концептов английского, испанского и татарского языков, так и дифференциальные черты фразеологических единиц.

ФЕ с компонентом *дөнья* (*mundo, world*) отражают диалектику жизни, в ряде фразеологизмов татарского языка лексема *мир* переводится на русский язык как *жизнь*, в них фиксируется вращение круга бытия, например: *дөнья аю белән тутыйны бер читлеккә тотта да яба* (букв.: жизнь сажает медведя и попугая в одну клетку); *дөнья бер алдын, бер артын күрсәтә* (букв.: жизнь поворачивается к человеку то передом, то задом), *дөнья бер көлдәрсә, биш елата* (жизнь заставляет один раз смеяться, пять раз плакать).

Пословицы сопоставляемых языков говорят о том, что мир – наставник, постоянно преподносящий уроки живущим. В английском языке: *know (see) the world – видеть свет, знать жизнь, иметь жизненный опыт, познать жизнь. Missis Quickly. Old folks, you know, have discretion, as they say, and know the world* [Shakespeare 1996: 694]. – Миссис Куикли. Ну люди пожилые – сами знаете – осторожны и знают жизнь.

Как показал анализ, мир как таковой в исследуемых языковых картинах мира тесно переплетается с жизнью человека в мире, с ее радостями и горестями, с будничным трудом и повседневными хлопотами.

Литература

Замалетдинов Р. Р. Лингводидактические основы обучения чтению на татарском языке учащихся начальных классов русских школ. – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 169 с.

Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.

Swift J. Swift's Polite Conversation. – England: Wordsworth Classics, 2000, Dialogue III. – 65 p.

Wain J. Strike the Father Dead. – England: Penguin Classics, 1996. – 336 p.

Shakespeare W. The Merry Wives of Windsor. – England: World Shakespeare Bibliography, 1996. – P. 693–696.

МЕНТАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СВЯТОЙ» В РЕЧИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Е. И. Колосова, А. И. Федорчук
Казанский федеральный университет

В статье описан опыт ассоциативного эксперимента, который был проведен с целью выявления определения трансформации значения концепта «святой» в современном русском языке в речи молодого поколения. В качестве респондентов были опрошены школьники и студенты Республики Татарстан. Было установлено, что в современном русском языке происходит отмирание несакральных значений, при этом важно отметить, что старшая возрастная группа более тяготеет к антропоцентризму. В целом, восприятие отдельных компонентов концептосферы понятия «святой» является важной составляющей для формирования нравственного облика жителя XXI века.

Ключевые слова: русский язык, ассоциативный эксперимент, когнитивная картина мира, концептосфера.

Известно, что концепты имеют подчеркнuto коллективный характер и формируют концептосферу общенационального языка. Безусловно, содержание концептов в сознании разных людей не совпадает [Бабушкин 1997: 223–227]. В этом смысле можно сказать, что каждый человек имеет свою индивидуальную концептосферу как русского языка в целом, так и отдельно взятого концепта. Общая когнитивная картина мира создается путем обобщения и многократного повторения индивидуальных употреблений и обобщений, которые формируют коллективное понимание значения слова. «Веками складывающаяся наивная картина мира, в отличие от чисто логической, научной, отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка, поэтому она обладает национальной спецификой и является отражением ментальной сущности данной лингвокультурной общности. Выявить структуру языковой картины мира и ее национальную специфику позволяет анализ метаязыка культуры и, прежде всего, ключевых слов, таких как *истина, честь, долг, добро, зло, закон, порядок, время*, являющихся, как правило, ядром соответствующего семантического поля» [Килина 2016: 73].

В данном исследовании внимание уделено анализу функционирования концепта «святой» в речи молодого поколения. Ментальная репрезентация данного концепта, сформированная и закрепленная в концептосфере русского народа, меняется с течением времени: трансформируются значения, расширяется лексическое поле, отмечаются актуальные тенденции развития самого понятия.

В рамках исследования был проведен ассоциативный эксперимент, респондентами стали школьники и студенты Республики Татарстан («Академический лицей им. Н. И. Лобачевского»), Казанский (Приволжский) федеральный

университет). Известно, что средством проверки той или иной рабочей гипотезы могут быть такие виды эксперимента, как опрос и анкетирование. Они позволяют увидеть, какое содержание вкладывают носители языка в то или иное понятие, раскрыть взаимодействие анализируемого концепта с другими. Опрос – наиболее простое средство решения данной задачи. Чаще всего он применяется в социологии, но в последнее время им активно пользуются лингвисты. Эксперимент – более сложное средство. В науке выделяются различные экспериментальные методики, которые используются для исследования значения слова: это эксперименты по наименованию; эксперименты по экспликации субъективного содержания; эксперименты на возможность/невозможность употребления данного слова в данном контексте; эксперименты типа «Как это называется?»; ассоциативные эксперименты; эксперименты по семантическому шкалированию; эксперименты по оценке семантической близости слов и под. [Залевская 2011: 28–30]. В своем исследовании мы использовали опрос и ассоциативный эксперимент.

В опросе и эксперименте приняли участие 100 респондентов двух возрастных категорий: 40 школьников (11–16 лет), учащиеся ЧОУ «Академического Лицея им. Н. И. Лобачевского» г. Казани; 60 студентов (18–23 года), обучающиеся в Казанском (Приволжском) федеральном университете. Опрос и ассоциативный эксперимент проводились путем анкетирования. Информанты давали о себе общие сведения: возраст, пол, наличие высшего образования, религиозные предпочтения. Дифференцирующими признаками оказались возраст и религиозные предпочтения (у старшей группы респондентов).

При выполнении задания, где необходимо было привести устойчивые словосочетания, крылатые выражения, афоризмы, цитаты с концептом «святой», 43% респондентов не смогли вспомнить ни одной фразеологической единицы. Наибольшее затруднение почувствовали школьники (28 человек не смогли дать ответа). Это вполне объясняется уровнем эрудированности возрастной группы. Всего было приведено 24 фразеологические единицы, 20 из которых являются устойчивыми словосочетаниями (например, *святая правда, святой огонь, святые угодники, святая икона* и т.д.), некоторые словосочетания употреблялись со словом «священный» (*священный союз, священная книга, священный Коран* и т.д.), а также 3 крылатых выражения (*Бог в помощь, данный фразеологизм лишь косвенно относится к теме нашего исследования, т.к. содержит лишь смысловое соотношение с концептом «святой»; свято место пусто не бывает; такой святоша*) и одно название праздника (*День всех святых*). Самыми популярными ответами среди школьников стали: *Бог в помощь,*

святая вода и *святая икона*. Данные устойчивые единицы имеют только религиозное значение. Школьники не привели ни одного фразеологизма, который имел бы светскую направленность. Самым частотным ответом у студентов стала пословица – *свято место пусто не бывает* (18%). Также популярными были словосочетания – *святой долг*, *святая простота* и *святой человек*. Отметим, что студенты приводили в основном устойчивые выражения, имеющие светское значение. Вероятно, это связано с большим пониманием сути фразеологизма как метафорического выражения. На ответ во втором задании религиозные предпочтения не оказали существенного влияния. Таким образом, можно сделать вывод о том, что у современной молодежи низкий уровень знаний народной мудрости с данным концептом, особенно остро эта проблема стоит у школьников, ведь они привели только религиозные словосочетания.

В ассоциативном эксперименте предлагалось дать любое количество словесных реакций на слово-стимул «святой» и его словоформы (святая, святое, святые). Мы не ограничивали информантов в количестве возможных ассоциаций. В ходе эксперимента лишь 12% респондентов испытали затруднения, большинство опрошенных справились с заданием за 5 минут и дали в среднем по 2 – 4 реакции на словоформу. В основном ассоциациями были существительные, которые сочетаются с обозначенной словоформой, также встретились реакции-прилагательные, синонимичные исследуемому слову. Полученные реакции можно распределить на семантические группы, имеющие сакральную / несакральную направленность, и те реакции, которые можно отнести сразу к обеим группам, т.е. имеющие неопределенную направленность. Итак, к слову-стимулу «святой» мы получили следующие ассоциации:

1. Сакральные: источник (16), дух (7), отец (8), храм (3), священник (3), Николай (3), канон (2), угодник (2), монах (2), Бог (1), мученик (1), юродивый (1), ангел (1).

2. Несакральные: добрый (3), светлый (2), долг (1).

3. Неопределенные: человек (44) – можно отнести и к сакральному смыслу (праведный человек, безгрешный) и к светскому (добрый, чистый душой), фонтан (1) – светлый или освященный, старец (1) – юродивый или мудрый, в годах.

Приведенная диаграмма 1 (рис. 2) наглядно демонстрирует частотные колебания реакций респондентов, дифференцируя их по возрастным категориям. Мы видим, что реакция «человек» самая распространенная как среди школьников, так и среди студентов. Вторым по популярности ответа пиком у школьников является «храм», а у студентов «отец». Остальные колебания менее значимые.

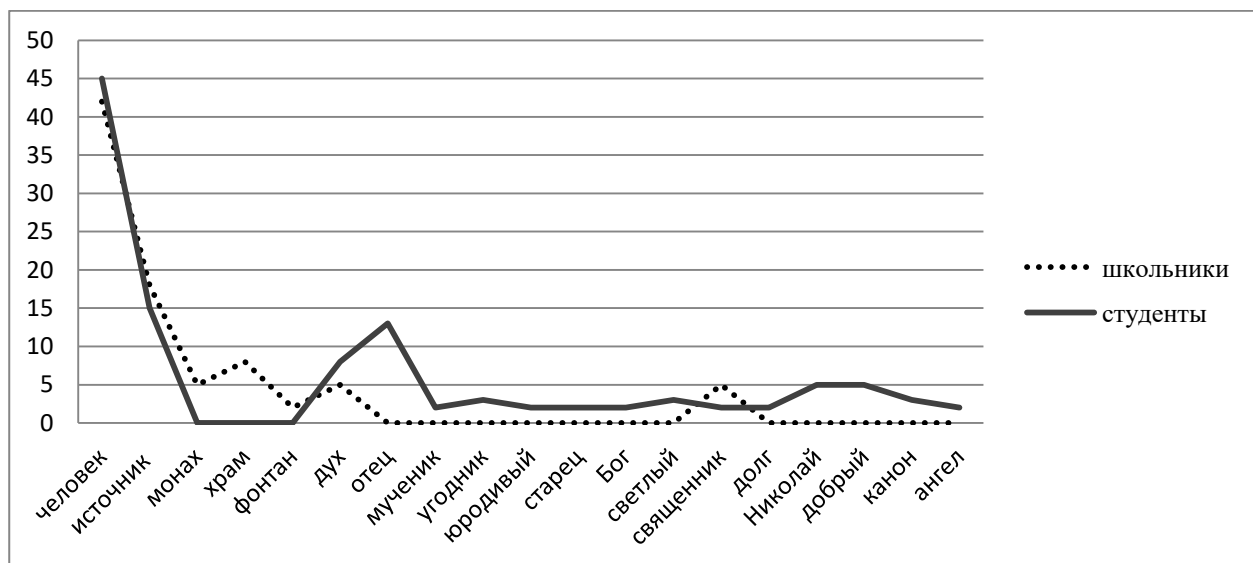

Рис. 2. Ассоциативный эксперимент на слово-стимул *святой*.
Дифференциация по возрастным категориям

Результаты опроса и ассоциативного эксперимента позволяют сделать некоторые выводы о смысловом наполнении исследуемого концепта. Подавляющее большинство респондентов (76%) в ответ на вопрос, что означает слово «святой», указывают только религиозные значения. Данные ассоциативного эксперимента поддерживают эту тенденцию, в основном преобладают ассоциации сакрального типа. Всё сказанное подтверждает рабочую гипотезу. Действительно, в современном мире наблюдается тенденция к отмиранию несакральных значений. Кроме того, проведенное анкетирование позволяет нам предположить, что ядром концептосферы понятия «святой» являются ассоциации с религиозным значением, а слова со светским значением находятся на периферии. Для наглядности мы выстроили концептосферу по итогам проведенного анкетирования (см. схему 1). В схему включали только ассоциации, у которых частотность была от 5 и выше. Итак, ядро составили ассоциации, которые были включены в религиозную семантическую группу: вода (19), источник (16), икона (14), отец (8), дух (7), верующая (7), Мария (7), Богородица (6), Борис и Глеб (5), апостолы (5), мученики (5). К периферии были отнесены ассоциации, входившие в несакральную семантическую группу: место (21), дело (21), женщина (8), искусство (8), глаза (8), слово (5). Ассоциации «человек» (44) и «люди» (38), которые можно отнести сразу к обеим группам, указали как пограничные.

К словоформе женского рода «святая» мы получили 30 ассоциаций. Самыми частотными оказались реакции с религиозным значением (*вода, икона, верующая* и др.), но следует отметить, что, в отличие от реакций на словоформу

мужского рода, в данном случае представлено большое количество ассоциаций светского значения (*женщина, жизнь, простота, истина* и др.).

1. Сакральные: вода (19), икона (14), верующая (7), Мария (7), Богородица (6), мученица (2), дева (2), Троица (2), Мать Тереза (1), Ольга (1).

2. Несакральные: женщина (8), жизнь (3), истина (3), простота (3), доброта (2), девушка (3), клятва (2), грусть (2), жемчужина (1), любовь (1), вера (1), добрая (1), семья (1), дача (1), подруга (1), молитва (1), Родина (1).

3. Неопределенные: книга (3) – священная книга или дорогая сердцу, мать (1) – Богородица или родитель, душа (3) – безгрешная или добрая.

Таким образом, можно отметить, что пики частотности у студентов и школьников приходятся на разные ассоциации. У студентов это «вода» и «Мария», «женщина», а у школьников «икона» и «подруга».

Реакции на словоформу среднего рода «святое» менее разнообразны. Респонденты дали 18 разных ассоциаций. Самая многочисленная семантическая группа по разнообразию и по количеству ассоциаций – несакральные значения, что прежде всего связано с грамматической формой слова-стимула.

1. Сакральные: провидение (3), знамение (2), убежище (2), причастие (1).

2. Несакральные: место (21), дело (21), искусство (8), слово (5), сокровенное (4), дорогое (3), время (3), небо (2), семейство (2), море (2), окно (1), зеркало (1), право (1), правило (1).

3. Неопределенные: отсутствуют.

У возрастной группы «студенты» два пика частотных реакций – это слова «место» и «дело», а у группы школьников один пик, который совпадает с первым из представленных у студентов.

Реакций на словоформу множественного числа «святые» меньше, чем на другие словоформы. Самые разнообразные ассоциации у сакральной семантической группы, а самые многочисленные – у неопределенной.

1. Сакральные: Борис и Глеб (5), апостолы (5), мученики (5), Боги (3), угодники (3), деяния (3), мощи (2), отцы (1).

2. Несакральные: глаза (8), родители (3), князя (2).

3. Неопределенные: люди (38) – праведные или добрые, чистые душой, земли (3) – места религиозного поклонения или родные.

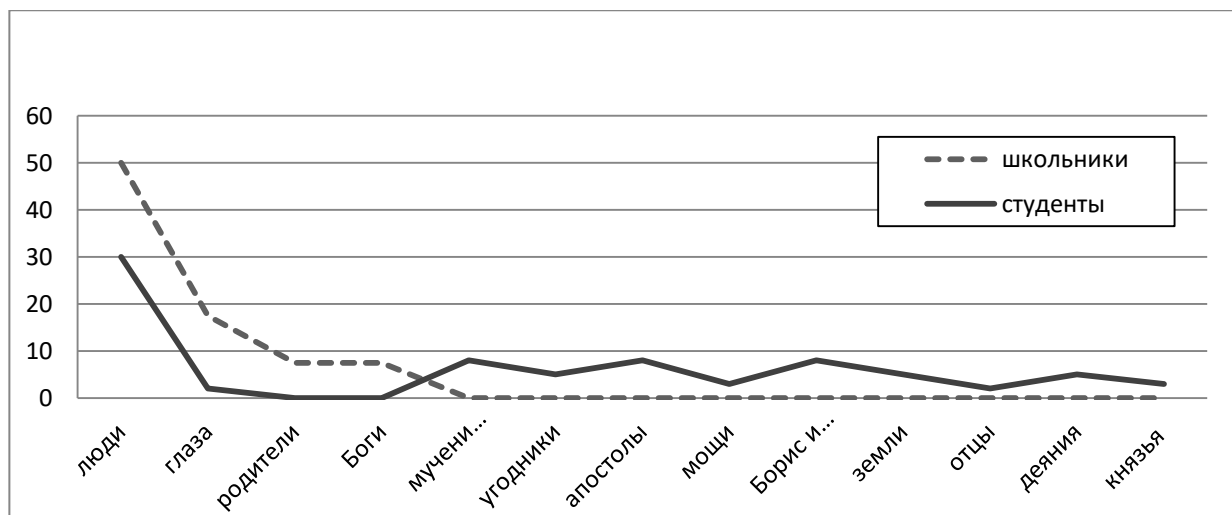

Рис. 3. Ассоциативный эксперимент на слово-стимул *святые*.
Дифференциация по возрастным категориям

На диаграмме 2 (рис. 3) представлен результат ассоциативного эксперимента на слово-стимул «святые», который дифференцирован по возрастному признаку. Частотные колебания обеих групп выстраиваются в две линии, которые рисуют одну траекторию, различаются лишь небольшими отклонениями. Самая частотная ассоциация в обеих возрастных группах – «люди».

Мы не претендуем на полноту получившейся концептосферы, она лишь частично отражает современное понимание концепта «святой». На схеме 1 (см. Приложение) видно, что ядро заполнено плотнее, чем периферия. Концептосфера еще раз подтверждает нашу гипотезу об отмирании светских значений. Ведь тот факт, что несакральные значения удалены от ядра, лишь способствует постепенному их стиранию из речи. Сложившаяся языковая ситуация является проблемной, так как влечет за собой полное отмирание несакральных значений концепта «святой», которые зачастую определяют моральный облик человека.

Проведенное анкетирование позволило установить некоторые различия в понимании концепта «святой» между дифференцированными группами по возрасту (школьники и студенты). Старшая возрастная группа более тяготеет к антропоцентризму (приводят значения, ассоциации, связанные с человеком, например, 'безгрешный, праведный человек'). Важно отметить, что как в опросе, так и в ассоциативном эксперименте преобладали религиозные значения (76%). Показательным в выстроенной концептосфере является то, что светские значения находятся на периферии, что способствует их выходу из употребления в речи.

Мы считаем, что обращение к теме исследования концептосферы и ее ментальных трансформаций в речи молодого поколения культурно значимо.

Необходимо, чтобы такие важные понятия, как *святая душа, святая истина, святой долг, святая честь, святая дружба, святая любовь, святая родина* не исчезли и для людей остались «святые» ценности.

Литература

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1997. – 330 с.

Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Килина Л. Ф., Колосова Е. И. Ценностно-смысловые трансформации в пределах семантического поля «добро» в русском языке // *Филология и культура. Philology and Culture.* – 2016. – № 1 (43). – С.72–78.

Приложение

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ПРООБРАЗ ИМЕН НУЛЕВОЙ СУФФИКСАЦИИ

Т. А. Корнеева

Казанский федеральный университет

В статье рассматриваются предпосылки возникновения образований нулевой суффиксации в русском языке, отражение в них законов и закономерностей, которые легли в основу формирования индоевропейской словообразовательной системы и которые позволяют нулевой деривации оставаться одним из продуктивных способов пополнения словарного состава языка на современном этапе его развития.

Ключевые слова: словообразование, нулевая суффиксация, нулевая морфема.

Образования нулевой суффиксации представляют собой уникальное явление в системе русского, славянского и индоевропейского словопроизводства в целом. На существование в языке материально не выраженных частей слова обращали внимание в зарубежной лингвистике: Ф. де Соссюр, Э. В. Пеннанен, Г. А. Глисон, Ш. Балли, Л. Блумфилд, К. Пайк, М. Хаас, Д. Кастовский; в отечественном языкознании: И. А. Бодуэн де Куртенэ [1963: 314], Ф. Ф. Фортунатов [1956: 137–138], В. М. Марков [1956: 262], Г. А. Николаев [2011: 12], В. В. Лопатин [1976: 76–87], их ученики и последователи. С материально выраженными морфемами нулевую суффиксацию сближает одинаковая типология словообразовательных значений [Лопатин 1966: 82], основа слова как исходная структура словообразования, возможность изменения части речи производного слова, возможность дополнительных формальных средств (изменение ударения, усечение и др.) и некоторые другие черты. Однако, в отличие от нулевых формообразующих показателей (суффикса, окончания, присутствие которых в определенных словоизменительных классах не подвергается сомнению, и префикса (ср.: *делать* – *с-делать*) [Русское: 1985]), нулевая словообразующая морфема обладает рядом специфических особенностей (что до сих пор дает основание отдельным ученым [Шанский 1968:283] сомневаться в самой возможности ее существования в языке).

1. Если материально выраженный аффикс является внешним признаком словообразовательной мотивированности и указывает на направление мотивации, то «при «чистой» нулевой аффиксации отношения обратные: наличие нулевого аффикса вытекает из отношений мотивированности, и, таким образом, установление направления мотивации оказывается первичной задачей анализа» [Лопатин 1966: 82].

2. Нулевая словообразующая морфема (как и формообразующая) выделяется на основе парадигматического принципа (*бегать* > *беготня*, *бег*; *синий* > *синева*, *синь*).

3. Нулевой словообразующей морфемой в русском языке является только суффикс.

4. Нулевая суффиксация характерна для именных частей речи (существительных: *шепот*, *поворот*, *хохот*, прилагательных: *золотой*, *свиной*, *будний*), наречия *жаль*, а в современной русской словообразовательной системе – только для существительных (*дозвон*, *виртуал*, *интенсив*).

5. Многие бесприставочные образования нулевой суффиксации (*ход*, *гул*, *лов*) представляют собой «наиболее архаический пласт в русской лексике, наследующий ранние словообразовательные связи имен и глаголов» [Мейе 2000: 274].

Изучение групп имен существительных с нулевым суффиксом типа *бой*, *умолк*, *лая*, *выпись* и т.п. в языке произведений эпистолярного жанра второй половины XVII в. дает А. Г. Черкасовой основание предположить, что в русском языке образование имен существительных от глагольных тем при помощи нулевого суффикса постепенно сокращается, а в современном литературном языке структурная модель – образование имени от глагола посредством нулевого суффикса – отсутствует [Черкасова 1963: 145]. Аналогично Л. А. Булаховский, анализируя русский литературный язык первой половины XIX века, не приводит ни одного отглагольного суффиксального образования, возникшего в рассматриваемое время [Булаховский 1964: 58–59]. Между тем говорить о полном исчезновении из языка данной модели представляется преждевременным. В частности, «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века» [Новые 2009; Новые 2014 (т. 2–3)] фиксирует немалое количество отглагольных и отадаъективных образования нулевой суффиксации, что подтверждает жизненность, продуктивность и активность данных образований в живой разговорной речи. «Жизнеспособность» образований нулевой суффиксации и моделей их образования кроется в устойчивой взаимосвязи и взаимозависимости имени и глагола (предикатива), сохранившихся со времени их индоевропейской общности, ср.: «...Каждое из этих образований может быть сравнительно нового происхождения. Но как тип, это словообразование имеет очень большую древность, соответствуя аналогичным построениям древнегреческого и санскритского языков и уходя своими корнями в далекие эпохи выработки категории имени и глагола» [Десницкая 1949: 134].

Нулевая деривация (в терминологии Н. М. Шанского *безаффиксный способ словообразования*) сформировалась «на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов *ĩ, õ, ŷ, a (> ь, ъ)*, а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофтонгизации дифтонгов (что вызвало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания) [Шанский 1968: 286; ранее Потебня 1968: 85]. Древние суффиксальные имена, переосмысленные позднее в производные с нулевой морфемой, имели в своей структуре корневую, суффиксальную и флективную морфемы: *бег* (**beg-o-s*), *ход* (**chod-o-s*) [Николаев 2010: 38], таким образом, нулевая морфема имела совершенно определенные материально выраженные прототипы.

Г. А. Николаев, рассматривая имена нулевой суффиксации с точки зрения их генетического отношения к однокоренным глаголам, объединяет слова в три группы: 1) образованные независимо от глаголов и параллельно им от одного древнего корневого слова (*бред, гром, звон* и т.п.), 2) образованные от глагола (*проход, укол, загон* и т. п.), 3) послужившие производящей базой для глаголов (*ход, суд, лов, клад* и т.п.) [Николаев 2010: 39]. Это косвенно подтверждает универсальную словообразовательную модель, характерную для индоевропейских языков, независимо от именного или глагольного характера «исходного» корня: лат. *canõ* (глагол) → *cantus* (имя) → *cantõ* (глагол) → **cantitus* (имя) → *cantitõ* (глагол) → *cantitatus* (имя); **sol-ti* (глагол; лит. *sál-ti* 'делать сладким'; ср. рус. *солить*) → **sold-ti* > **sols-ti* (глагол; лит. *sals-ti* 'становиться сладким') → **sols-tis* (имя; ст.-сл. *сласть*) и далее → рус. *сластить* (глагол); **klã-ti* (глагол; лит. *kló-ti*) → **klã-dos* (имя; лит. *klo-das*, рус. *кла-д*) → **klã-d-ti* > **klãd-ti* > **klãs-ti* (глагол; рус. *клад-у, кла-сть*) → **klãs-tos* (имя; лит. *klos-tai* 'мостки', *klos-te* 'сборка, складка') → **klãst-ĩti* (глагол; лит. *klóst-yti* 'расстилать') [Откупщиков 2005: 110, 145]. По замечанию Г. Пауля, «с течением времени в психике говорящих многократно изменяется то соотношение этимологически родственных форм, которое имел отражением тех законов и закономерностей, которые легли в основу формирования индоевропейской словообразовательной системы и которые позволяют нулевой деривации оставаться одним из продуктивных способов пополнения словарного состава языка на современном этапе его развития о место в период, когда эти формы были впервые образованы» [Пауль 1960: 289]. В результате утраты первоначальных связей родственных образований оказывается возможным установление новых словообразовательных связей или развитие обратной

соотнесенности, что особенно показательно для образований нулевой суффиксации (см., например, [Откупщиков 2005: 111–112, Марков 1956: 301, Николаев 2010: 39–41]).

Большое количество современных бесприставочных отглагольных образований с материально не выраженной словообразующей морфемой – это некогда производные слова, которые стали производящей базой для образования глаголов. Впоследствии данные существительные утрачивают производность и в результате процесса обратной мотивации переосмысляются как образования нулевой суффиксации: *гуд* → *гудеть*, *виЗГ* → *визжать*, *вар* → *варить*, *говОР* → *говорить*, *гнеВ* → *гневаться*, *вред* → *вредить*, *клёВ* → *клевать*, *криК* → *кричать*, *клад* → *класть*, *мах* → *махать*, *лепЕТ* → *лепетать*, *мерА* → *мерить*, *рокОТ* → *рокотать*, *свиСТ* → *свистеть*, *пиСК* → *пищать*, *росТ* → *расти*, *ропОТ* → *роптать*, *рыК* → *рыкать*, *слуХ* → *слушать*, *треСК* → *трескати*, *стрекОТ* → *стрекотать*, *чиХ* → *чихать*, *шепОТ* → *шептать*, *храП* → *храпеть*, *хохОТ* → *хохотать*, *трепЕТ* → *трепетать*, *щебЕТ* → *щебетать*, *шелЕСТ* → *шелестеть*, а также: *лесть*, *месть*, *клевета* и др. [Фасмер 1986–1987; Шанский 1971].

Бесприставочные имена, восходящие, наряду с глаголами, к одному недифференцированному корню, достаточно редки: *гром* (*греть*), *звон* (*звенеть*), *брод* (*брести*), *воз* (*везу*), *трус* (*трясти*), *бой* (*бить*), *дух* (*дышать*), *жар*, *гарь* (*гореть*), *кровля* (*крыть*), *рок* (*реку*, *речь*), *сон* (*спать*), *стон* (*стенать*), *тварь* (*творить*), *чад* (*кадить*) и некоторые другие. К этой группе, видимо, следует отнести и слова типа *суд*, *лов*, *рез*, *ряд*, *слава*, *срам*, *слуга*, *совет*, *хлоп*, *топ*, *ход*, ставшие производящей базой для образования глаголов. Г. А. Николаев подчеркивает, что смена соотнесенности в словах типа *суд* произошла в результате усиления глагольности в системе индоевропейских языков: имена действия стали мотивироваться глаголом, независимо от их этимологических отношений [Николаев 2010: 40].

Не так много отмечается бесприставочных имен, образованных от глаголов: *гнать* → *гон*, *выть* → *вой*, *драть* → *дёр*, *годити* → *год*, *грабить* → *грабля*, *лететь* → *лёт*, *зевать* → *зев*, *крою* → *крой*, *лезу*, *лазить* → *лаз*, *пускать* → *пущ*, *реветь* → *рёв*, *плакать* → *плачь*, *мереть* → *мор*, *нюхать* → *нюх*, **ordti* → *рост*, **sedti* → *сад*, **tekti* → *течь*, *шити* → *шов*, *хвалити* → *хвала* и другие [Фасмер 1986–1987; Шанский 1971].

Наибольшее количество имен нулевой суффиксации – это приставочные образования (*поток* от *потечь*, *спас* от *спасти* и др.), мотивированные глаголом. Интерес представляют разновременные заимствования: *пост*, *дрейф*,

замок, которые по аналогии начинают осмысливаться как образования нулевой суффиксации.

Отражение в образованиях нулевой суффиксации ранних словообразовательных связей имен и глаголов подчеркивается активным присутствием нулевых словообразующих морфем в других индоевропейских языках. Образования нулевой суффиксации в немецком языке и их словообразовательная синонимия подробно рассмотрены в диссертации О. В. Грицких [Грицких 2005:10], конверсия во французском языке, например, в работе А. Ю. Пшеничной [Пшеничная 2012: 147]. Авторы «Morphologie/Morphology.2.» отмечают продуктивность образований нулевой суффиксации на протяжении всей истории английского языка (“The productivity of zero-derivation has been on the constant increase throughout the history of English” [Booij: 1675]), однако отмечают сложности в определении производящей и производной лексемы (“It is often difficult to decide which of the pair is primary” [Booij: 1258]). То же у Keith Allan: приводя примеры *deverbal substantives* и *denominal verbs* (вслед за Г.Марчандом), автор нередко затрудняется определить направление деривации [Allan: 218]. Нулевую суффиксацию как типологическую особенность славянского словообразования рассматривает Г. А. Николаев в [Николаев 2011: 57 и др.].

Таким образом, несмотря на то что нулевая суффиксация не была изначально присуща словообразовательной системе русского языка и представляет собой более позднее явление, она «генетически» явилась отражением тех законов и закономерностей, которые легли в основу формирования индоевропейской словообразовательной системы и которые позволяют нулевой деривации оставаться одним из продуктивных способов пополнения словарного состава языка на современном этапе его развития.

Литература

Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1985. – 184 с.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. – М.: Учпедгиз, 1954. – С. 58–59.

Грицких О. В. Словообразовательная субстантивная синонимия в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 19 с.

Десницкая А. В. К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – 1949. – Вып. 14. – С. 105–139.

Лопатин В. В. Нулевая суффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С.76–87.

Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / под ред. проф. Г. А. Николаева. – Казань: ДАС, 2001. – 275 с.

Марков В. М. Явления суффиксальной синонимии в языке судебных актов XV–XVI веков // Ученые записки КГУ. – 1956. – Том 116. – Кн. 1. – С. 299–306.

Мейе А. Общеславянский язык: перевод с фр. – М.: Прогресс, 2000. – 500 с.

Николаев Г. А. Русское и славянское словообразование. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 220 с.

Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 184 с.

Новые слова и значения. Словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века: в 2-х т. / сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Голобоблева; отв. ред. Т. Н. Буцева. – Т.1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 815 с.

Новые слова и значения: словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / сост. Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова; под ред. Т. Н. Буцева (отв. ред.) и Е. А. Левашова. – Т. 2: Клиент–банк – Паркетный. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.– 1392 с.

Новые слова и значения: словарь–справочник по материалам прессы и литературы 90–х годов XX века: в 3 т. / сост. Т. Н. Буцева, Е. Н. Геккина, Ю. Ф. Денисенко, О. М. Карева, А. Ю. Кожевников, Н. А. Козулина, Е. А. Левашов, С. Д. Левина, Ю. С. Ридецкая, Е. П. Снегова, Н. Г. Стулова, Е. Н. Шагалова; под ред. Т. Н. Буцева (отв. ред.) и Е. А. Левашова. – Т. 3: Паркомат – Я. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 1360 с.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. – СПб.: Филологический факультет; М.: Академия, 2005. – 320 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.

Пшеничная А. Ю. Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале русского и французского языков) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 1. – С. 145–150.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Фортуатов Ф. Ф. Избранные труды. – Т.1. – М.: Учпедгиз, 1956.– 450 с.

Черкасова А. Г. Из истории образования имен существительных с нулевым суффиксом (На материале произведений эпистолярного жанра второй половины XVII в.) // Исследования по грамматике русского языка. Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук. – 1963. – Вып. 68. – С 237–147.

Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. / под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г.Бархударова. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Московск. ун-та, 1968. – 310 с.

Allan K. Linguistic Meaning. Routledge [Электронный ресурс] // Google Books: [сайт] // URL: <http://books.google.ru/books> (дата обращения: 1.10.2016).

Booij G., Lehmann C., Mugdan, J., Skopeteas S. Morphologie / Morphology. 2. Halbband. Walter de Gruyter [Электронный ресурс] // Google Books: [сайт] // URL: <http://books.google.ru/books?id=wqikmlpNjjYC&dq> (дата обращения: 1.10.2016).

ЖИТИЕ КАК СЛОВЕСНАЯ ИКОНА СВЯТОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЯ КАЗАНСКИХ СВЯТЫХ ГУРИЯ И ВАРСОНОФИЯ)

Т. А. Литвина

Казанский федеральный университет

В работе описываются принципы изображения образов святых в Житии Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев, рассматривается степень следования агиографическому канону, раскрывается соотношение сакрального и мирского, типичного и индивидуального в содержании этих образов, выявляются способы идеализации.

Ключевые слова: агиография, агиографический канон, казанские святые Гурий и Варсонофий, образ святого.

Житие Гурия и Варсонофия – произведение русской агиографии, созданное в конце XVI века первым Казанским митрополитом Гермогеном, ставшим впоследствии патриархом Московским и Всея Руси. Поводом для создания жития послужило обретение мощей казанских святых Гурия и Варсонофия при перестройке Соборной церкви в Казанском Спасо-Преображенском монастыре в 1595 году. Автор Жития – митрополит Гермоген – был очевидцем и участником этих событий.

Данная статья является частью исследования писательского творчества Патриарха Гермогена [Литвина 2014: 146-150] и посвящена рассмотрению принципов создания образов святых в его Житии Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев².

Сопоставляя разные виды древнерусского церковного искусства, в работе «О типологических признаках архитектоники агиографии и иконописи» Л.П.Клименко пишет о том, что принципы изображения лика святого в иконописи, данные в 82-м правиле Пято-Шестого собора (692 год), «остаются единственными и для других способов воссоздания образов святых, в том числе и словесных. Согласно этому правилу, образ не может быть только реалистическим портретом, на нем должна быть передана Слава Божия... С помощью художественного языка, выработанного церковью, в конкретном историческом образе должна быть раскрыта другая реальность – реальность духовная и пророческая...» [Клименко 1997: 213]. Согласно этим требованиям, «словесная икона» – житие святого – должна сочетать в себе две реальности: сакральную и мир-

² Житие Гурия и Варсонофия цитируется по списку, входящему в состав рукописного сборника «Служба Святителю Гурию» (№3655), хранящемуся в фондах научной библиотеки Казанского федерального университета.

скую. Воплощением мирской и временной ипостаси служит воспроизведение исторического фона, обстоятельств рождения, жизни подвижника, выражением же сакральной и вечной сущности является идеализация образа героя.

По канонам агиографического жанра герой – это идеальный образ, содержащий только те качества и черты, которые должны были у него быть как у святого. Личная жизнь героя жития – это жизнь, «возведенная к идеалу, переработанная в тип, с которого корректный агиограф старался стряхнуть все мелкие конкретные случайности личного существования» [Ключевский 1988, 2: 240]. С другой стороны, основой для этого образа всегда являлся реальный человек, и поэтому черты реальной личности не могли не оказать влияния на изображение отвлеченного идеала [Дмитриев 1973: 5]. Так в образе святого сочетались индивидуальные черты, имеющие значение действительных фактов, и общие черты, однообразно повторяющиеся во многих житиях и не дающие ничего нового для биографии святого [Ключевский 1871: 429].

В изображении образов главных героев «Жития Гурия и Варсонофия» преобладают общие традиционные характеристики, выраженные при помощи традиционных словесных формул. Повествуя о службе Гурия в доме некоего князя по имени Иоанн, Гермоген говорит, что «Гурий бѣ нравомъ смиренъ, и тихъ, и безслобивъ, и къ Божіей Церкви прилѣжнѣ притека#, и постомъ и молитвами, и милостынею, и цѣломудріемъ, и протчими дѣлы добрыми тщаніе имѣ# нелѣпостнѣ, какъ бы оугодити Богу...» (с. 125). Оказавшись заключенным в темницу, «преподобный наипаче простирася# на славословіе Божіе, терп# и благодар# Бога во всемъ ...» (с. 145). Выйдя из темницы, Гурий постригается в монахи, о его жизни в монастыре сказано, что он «Божіею благодатию бысть монахъ чуденъ, и жив#ше по монастирскому чину и вобычаю, и игимени и братіи во всемъ повини#с#» (с. 152). Так же, при помощи общих, присущих идеальному образу святого черт описана и дальнейшая жизнь Гурия до самой его смерти.

«Идеальным» предстает перед нами и другой герой Жития – Варсонофий. В Житии говорится о том, что в юном возрасте Варсонофий попадает в плен и «пребыва# въ плѣнѣ и благодар# Бога работал он в плену со вс#кимъ оусердіемъ и со смиреніемъ и крѣтостію, и воздержанію мнѣгу вбича# себе, сна же мало приемл#, и вс#кіа добродѣтели прилѣжнѣ каса#с#, и изъ оустъ по# псалмы Давидовы» (с. 192).

В описании жизни Гурия и жизни Варсонофия прослеживается своего рода параллелизм: автор останавливается на аналогичных эпизодах в жизни героев; таким образом, в рамках одного жития мы можем наблюдать трафарет ситу-

аций, причем словесное выражение этого трафарета во многом сходно. Как князь Иоанн, у которого служил Гурий, «вид# добронравіе егw., смиреніе егw и крwтость и протчіа добродітели», повелел Гурию управлять своим домом, так же и неверные, которым служил Варсонофий, будучи в плену, «див#тс# многоми разуми, и добронравію, и правдѣ егw, и нелицемірнымъ тридомъ егw, и смиренію, и на вс#ку стради безъ хилнагw/ роптаніа, и послушаніе, и во всемъ беззлобіе, и непрекословна послышател#, повелѣвають Василию во wслабѣ жити, и страдѣ не касатис#» (с. 192–193). Автор Жития отмечает, что оба героя, оказавшись в трудных ситуациях, славословят Бога. После освобождения из плена Варсонофий постригается в монахи и «монашеского ради труда и добронравія» так же, как и Гурий, становится известен царю и посылается самодержцем «во игуменьство» Песношского монастыря.

Повествуя о казанском периоде жизни святых, автор Жития Гермоген также не касается конкретных частных эпизодов или деталей. Герои описываются строго в «идеальных» чертах, сохраняется принцип параллельного повествования (деятельность в Казани, болезнь Гурия и болезнь Варсонофия, смерть обоих героев). Например, о деятельности Гурия в Казани сказано: «Жив#ше же преподобный богоугоднw, ниціа корм#, и бѣдныа, и вдовицы, и сироты заступа#, и бѣды изима# и труды къ тридомъ прилага#, и wбношное стоаніе присно въ молитвахъ выни принос# къ Богу ... и вс#кими добрыми дѣлы оугожда# Богу, и крѣпкимъ житіемъ по Бозѣ жив#ше и къ вѣрнымъ слово здраво и нем#тежнw и оучительно имѣ#, и невѣрны# оуча и накази# познати истиннаго Бога и творца всеми, и вѣровати въ Отца и Сына и Святаго Духа, во святую и нераздѣлимую Троицу единосущну, и мнѣги невѣрны# въ вѣру приведе, и крести ихъ мнѣжество и жены и дѣти» (с. 173–175).

О Варсонофии написано более подробно, но, тем не менее, многие из этих характеристик являются типичными для героев большинства житий. Так, о Варсонофии сказано: «монастирь соwрижаеть, и церкви созидаеть, и келліи поставл#еть ... Къ преподобному же святителю Гоурию Варсонwфій архимандрить им#ше во всемъ послушаніе, и духwвный сооузь, и любовь нелицемірни, и во всемъ повини#с# и совопроша#с# ... постwмъ же и молитвою, и слезами и бѣдніемъ, и всенwщнымъ сто#ніемъ тѣло свое оудрича#; нос#ше же преподобный Варсонwфій и вериги на тѣлѣ своемъ ... И бысть во всемъ wбразъ братіи къ добродітели, монахи наставл## и мірскія поуча#,// и невѣрныа привод# во Христови вѣри» (с. 201, 203–205).

Однако в образе Варсонофия наряду с общими чертами, повторяющимися в различных житийных описаниях, присутствуют и индивидуальные черты, имеющие значение действительных фактов и отличающие Варсонофия от других героев житийных произведений. Из жития известно, что будущий святой «знал языкъ и грамоту срацынскую», был «искусен в рачевннй хитрости», «делал клобуки гречестіи еже ношаху свтителие» (с. 211), подробно повествуется о том, что Варсонофий после Казани был епископом Твери, а в старости снова вернулся в Казань, в созданный им монастырь.

В описании образа святителя Гурия индивидуальных черт мало. Гермоген упоминает только о том, что «Гурий любимъ бываетъ самодержцу царю и святителю (Макарию)», а также мы узнаем, что «царь архіепископа Гоуріа по премнѣгу почти и честны# и драгіа церковны# вещи мнѣги вда емоу» (с. 160). Сведения о том, что Гурий, сидя в темнице, обещал постричься в монахи, или то, что болезнь архиепископа Гурия длилась три года, могут носить характер «биографической гипотезы» (термин В. О. Ключевского). Биографической гипотезой В.О.Ключевский называл такие черты, которые необходимы были автору для «полноты картины» и имели условное значение, т.е. могли быть внесены в рассказ о святом даже в том случае, если это не было достоверно известно [Ключевский 1871: 429]. В Житии Гурия есть один очень яркий эпизод, который, казалось бы, имеет значение действительного факта и является поэтому индивидуальной чертой в его образе. Но при детальном рассмотрении этого отрывка можно предположить, что и в нем не столько отражены реальные события, сколько проявляется «чистая литературность». Это эпизод о том, как Гурий, будучи еще в миру, на службе у некоего князя, был обвинен клеветниками в том, что он якобы «сплетшас# съ Госпожею своею беззаконіемъ». При сопоставлении этого фрагмента с историей из книги Бытия об Иосифе (книга Бытия, глава 39) обнаруживаем в них много общего. Гурий, как и Иосиф, служил в доме богатого господина. Об Иосифе сказано, что его хозяин Потифар «поставил Иосифа над домом своим и все, что имел, отдал на руки его». И с того времени «было благословение Господне на всем, что имел он в доме и в поле». Сравните в Житии Гурия и Варсонофия: «господинъ же егѡ повѣле быти Григорію въ дому своемъ строителемъ, и вс# домовна# вложи въ руки егѡ и бѣ стро#с# в дому егѡ вс# добрѣ» (с. 127). Спустя некоторое время, Гурий, как и Иосиф, был обвинен в связи с женой своего господина, после чего «предан горкому и лютому заточенію»: был посажен в темницу и просидел в ней два года, так как был забыт своим хозяином. То же произошло и с Иосифом: «Взял Иосифа господин его и отдал его в темницу», об Иосифе забыли и только по

прошествии двух лет вывели его из темницы (книга Бытия, глава 39: 20). Очевидное сходство между этими двумя историями свидетельствует о том, что Гермоген использовал традиционный литературный прием проведения аналогии к событиям и лицам из книг Ветхого и Нового Заветов. Уподобление нового святого библейским образам служило особым способом изображения его агиологического портрета. В своей статье «Поэтика уподоблений» О. В. Панченко пишет об этом следующее: «Используя уподобление библейскому «образцу», агиограф как бы вводит своего героя в контекст Священной истории, ... помещая его в единый «агиологический ряд» с подобными ему святыми, первым из которых оказывается его библейский «прототип». Таким образом, уподобление библейскому «образцу» становится своеобразным ключом к пониманию агиологической сущности святого» [Панченко 2003: 502-503]. Добавим, что в этой части жития реализуется типичный агиографический сюжет: необыкновенный свет наполняет темницу, в которой был заключен подвижник, после чего святой освобождается из этой темницы. При этом **свет** – это символический образ Божьей Славы, духовного света, обретения святости. Испытание, через которое проходил будущий святой, – один из элементов житийной схемы и довольно часто встречается в произведениях этого жанра, поэтому нельзя утверждать, что эта ситуация действительно имела место в жизни Гурия. Можно предположить, что этот эпизод был включен Гермогеном в повествование о святом с целью создания идеального образа или в связи с отсутствием точных сведений.

Одним из элементов, характеризующих искусственный стиль жития, является определенный отбор биографического содержания. Агиограф изображает только значимые, торжественные события в жизни святого, при этом будничные промежутки он вовсе обходит или «вскользь бросает на них бледный свет» [Ключевский 1871: 429]. В Житии Гурия и Варсонофия мы наблюдаем именно такой выбор биографического содержания. Герои показаны в момент испытания, пострижения в монахи, поставления в церковный чин, в период болезни и в момент смерти. Образы героев в Житии Гурия и Варсонофия соответствуют нормативному идеалу изображения человека, существовавшему в средневековой литературе. Хотя жанр жития и предполагал некую двуплановость – бытовую и сакральную, бытовые детали в изображение героев почти не проникают. Их образы – чистая идеализация, обобщение христианских добродетелей. Герои, согласно выражению Д. С. Лихачева, как бы «ходят на ходулях своего высокого общественного положения» [Лихачев 1973: 152]. И хотя средневековая идеализация человека к XVII веку постепенно разрушалась, в исследуемом

нами Житии мы видим случай «идеального» воплощения этого литературного принципа, вероятно, потому, что дольше всех идеализация сохранялась именно в жанре жития, в силу его церковности.

Таким образом, с точки зрения принципов изображения святых Житие Гурия и Варсонофия – это традиционно агиографическое повествование, в котором наблюдается стремление его автора к созданию идеального образа словесной иконы, к обобщенному и схематизированному изложению, определенному агиографическим каноном.

Литература

Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятник литературы XIII–XVII веков. – Л.: Наука, 1973. – 303 с.

Клименко Л. П. О типологических признаках архитектоники агиографии и иконописи // *Beiträge zur Slavistik*. – Frankfurt am Main, 1997. – Bd. XXXIII. – S. 209–227.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М.: Издание К. Солдатенкова, 1871. – 465 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – 447 с.

Литвина Т. А. Языковая личность Патриарха Гермогена // *Филология и культура*. – 2014. – № 4(38). – С.146–150.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.

Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии // *Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом)*. Отв. ред. О. В. Творогов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 54. – С. 491–534.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК» СТУДЕНТАМ-ЖУРНАЛИСТАМ

Ю. К. Лукоянова

Казанский федеральный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы преподавания лингвистических дисциплин студентам, обучающимся по направлению «Журналистика», на примере изучения темы «Категория рода существительных». Показана важность обращения к текстам художественной литературы и публицистики на занятиях для формирования внимательного отношения к слову.

Ключевые слова: современный русский язык, методика преподавания, категория рода существительных.

Согласно учебному плану, студенты-бакалавры, обучающиеся в университете по направлению «Журналистика», изучают курс «Современный русский язык» на протяжении четырех семестров, на него отводится 120 аудиторных часов. Казалось бы, этого достаточно, чтобы «вооружить» будущего специалиста всеми необходимыми знаниями. Однако речевая ситуация, сложившаяся в современных СМИ, как и в обществе в целом, вызывает тревогу, на что неоднократно обращают внимание лингвисты. «В разных речевых сферах наблюдается заметное оскудение речи на лексическом уровне, ее усеченность – на уровне построения высказывания, небрежность – на фонетическом и морфологическом уровне. Происходит явное снижение общего уровня речевой культуры в средствах массовой информации, в профессиональном и бытовом общении» [Козырев 2012: 15]. Как известно, к речи журналистов общество предъявляет повышенные требования, поскольку именно их речь воспринимается многими в качестве эталона. Поэтому на преподавателей лингвистических курсов возлагается особая ответственность.

В модуль лингвистических дисциплин по направлению «Журналистика», помимо курса «Современный русский язык», преподаваемого на 1–2 курсах, входят также «Стилистика и литературное редактирование» (изучается на 3 курсе) и «Русский язык и культура речи», однако последний является курсом по выбору. Курс «Современный русский язык» дает студентам представление о языке как системе: об уровне организации языка, системных связях и единицах разных уровней, знакомит с тенденциями развития современного литературного языка. Основное внимание направлено на выработку умений и навыков анализа фактов языка, относящихся к разным уровням, корректной их интерпретации и употребления в различных сферах и речевых ситуациях. При

изучении курса «Русский язык и культура речи» студенты знакомятся с нормами литературного языка и правилами публичного речевого общения. Освоение материала в рамках курса «Стилистика и литературное редактирование» приближает студента к будущей практической деятельности, ориентируя на решение профессионально значимых заданий: владение всеми функциональными стилями, умение использовать выразительные средства языка, знание основ редакторской деятельности. Несомненно, содержание этих курсов взаимосвязано.

Курс «Современный русский язык» призван привести в систему полученные в средней школе знания, расширить и углубить их, тем самым заложить основы лингвистической компетенции будущих журналистов. Примечательно, что в рамках курса не запланировано чтение лекций, поскольку журналисту нужны прежде всего практические навыки работы с языковым материалом. Тем не менее, теоретические знания в определенном объеме все же необходимы.

Отличительной особенностью учебников, предназначенных для будущих журналистов, является их практическая направленность: они не перегружены терминологией, каждая тема включает раздел «Использование языковых единиц», где содержатся примеры их употребления, взятые из классической и современной литературы, а также из текстов современной прессы. Кроме того, уделяется внимание типичным ошибкам [см., например, Рахманова 2003].

В процессе преподавания курса «Современный русский язык» приходилось сталкиваться с тем, что у некоторых студентов при изучении отдельных тем возникает ощущение того, что «всё это легко» и что «в школе это изучали». Поэтому, на наш взгляд, необходимо привлекать дополнительный материал, чтобы заинтересовать студентов, показать те стороны языковых явлений, которые не изучались в школе. Продемонстрируем систему нашей работы на примере изучения темы «Категория рода существительных».

При знакомстве с этой темой студенты должны уяснить, что это не словоизменяемая категория (в отличие от категорий числа и падежа), т.е. слова по родам не изменяются (особой оговорки требуют случаи родового параллелизма, например, *ставень – ставня*). Род существительных, как правило, выражается морфологически, однако существует немало слов, у которых морфологический облик не позволяет определить род (отсюда большое количество ошибок, например, *новая тюль* и др.). При рассмотрении существительных общего рода следует акцентировать внимание студентов на примерах авторского использования подобных слов, в частности, по

отношению к неодушевленным предметам, например: *Дынное дерево – большая неженка* [Рахманова 2003: 276].

Кроме того, на занятиях изучаются правила определения рода существительных с размерно-оценочными суффиксами (*лаптица, холодина, зверушка, Ленусик* и др.), сложносоставных существительных (*горе-критик, журавль-красавка* и др.), аббревиатур (*РГГУ, ВАК, самбо* и др.), несклоняемых существительных. При изучении последней темы следует обратить внимание на слова, недостаточно освоенные языком, допускающие вариативное употребление (например, *биеннале* может употребляться как существительное мужского (*фестиваль*) и женского рода (*выставка*), по данным Орфографического словаря, а также среднего, по данным словаря «Русское словесное ударение», о чем свидетельствует портал www.gramota.ru. Перечисленные темы обязательно должны быть рассмотрены на занятиях, однако изучения их в рамках только нормативного аспекта недостаточно.

Во-первых, вначале следует задать студентам вопрос о том, что такое категория рода вообще, какие стороны объективной действительности она отражает, ведь есть языки, в которых эта категория отсутствует. Если применительно к одушевленным существительным всё, казалось бы, понятно – род определяется принадлежностью к мужскому или женскому полу, то как объяснить наличие в языке одушевленных существительных среднего рода? С чем связано распределение по родам неодушевленных существительных? Эти и подобные вопросы должны привлечь внимание студентов на знакомые с детства языковые явления, заставить задуматься о привычных вещах.

Говоря о стилистическом использовании категории рода, можно привлечь богатейший материал художественной литературы: это и детские сказки («Муха-цокотуха»), и поэтические произведения, где с помощью олицетворения созданы незабываемые образы (например, у С. Есенина: *Зеленокосая, в юбчонке белой Стоит берёза над прудом*), и проза (например, у И. С. Тургенева: *Могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы*). Можно предложить студентам прочитать один из рассказов Феликса Кривина из цикла «В стране вещей». Таким образом, у студентов формируется представление о том, что категория рода – не просто абстрактная грамматическая категория, она может выступать как яркое семантико-стилистическое средство.

Кроме того, важно привлечь внимание студентов на немотивированные случаи использования категории рода, когда грамматический род не соответствует полу создаваемого персонажа. Мы предлагаем студентам прочитать сказку Л. Петрушевской «Будильник»: *Жил-был будильник. У него*

были усы, шляпа и сердце. И он решил жениться... Можно попросить студентов прокомментировать, насколько естественными выглядят образы героев сказки (будильник делает предложение графину с водой, очкам, книге...) и сделать вывод о роли грамматического рода в художественной литературе. Также можно познакомить обучающихся с историей создания М. Ю. Лермонтовым стихотворения «На севере диком...», которое представляет собой вольный перевод стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam». Вначале студенты должны ответить на вопрос, о чём стихотворение Лермонтова, какие чувства оно вызывает. Созданные Лермонтовым образы сосны и пальмы не позволяют заключить, что это стихотворение о любви, в отличие от первоисточника, где использовались названия деревьев мужского (*ein Fichtenbaum*) и женского (*eine Palme*) рода. «Как заметил Л.В. Щерба, Гейне создал образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснотушныи мечты» [Голуб 2004: 226–227].

Если позволяет время, можно также обратиться к пародии А. Иванова «Высокий звон» (*В худой котомк поклав ржаное хлебо...*), представляющей собой отклик на стихотворение поэта Валентина Сидорова, где используется слово *облак*. После этого преподаватель может процитировать Ф. Тютчева, А. Блока и других поэтов, использовавших нормативную в то время форму существительного *облак* [см. Еськова 2012: 92]. Таким образом, напрашивается вывод о необходимости внимательного отношения к слову, знания фактов истории языка.

Разумеется, при нехватке времени материал о стилистическом использовании языковых единиц может быть перенесен в курс «Стилистика и литературное редактирование». Но, на наш взгляд, подобный подход к материалу уже на первом – втором курсе должен расширить лингвистический кругозор студентов, побудить внимательнее относиться к слову, научиться видеть удивительное в языковых явлениях. Конечно, нельзя ограничиваться только разбором примеров из художественной литературы. Необходимо анализировать тексты СМИ как в плане иллюстрации удачного использования языковых единиц, так и ошибочного их употребления. Так, применительно к теме «Категория рода существительных» можно привести примеры из газет, подобные следующим: *Его величество посетило страну...* (о короле Испании). Огромное количество примеров ошибок в публичной речи можно почерпнуть из книги «Не говори шершавым языком» [Горбаневский 1999]. Впрочем,

материал для занятий преподаватель может черпать постоянно из текстов СМИ. Главная трудность здесь заключается в том, что материал быстро устаревает, примеры приходится постоянно обновлять, иначе они становятся неинтересны.

В заключение хотелось бы ещё раз подчеркнуть: подобно тому как нельзя стать хорошим писателем, не читая книг, так и хороший журналист должен воспитываться на лучших образцах художественной литературы и публицистики.

Литература

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 448 с.

Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком. – М.: Галерея, 1999. – 215 с.

Гуныко О. Г., Горячева О. Н. Коммуникативная направленность обучения лингвистическим дисциплинам студентов-журналистов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. – С. 54–56.

Еськова Н. А. Популярная и занимательная филология. – М.: Флинта. Наука, 2012. – 176 с.

Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура. М.: Флинта, 2012. – 181 с.

Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». – М.: Аспект Пресс, 2003. – 464 с.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КВАНТИФИКАЦИОННО-ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ ПОЛИСИТУАТИВНОСТИ

Г. Ф. Лутфуллина

Казанский государственный энергетический университет

Статья посвящена рассмотрению основных признаков полиситуативности, обусловленной наличием квантификаторов в составе высказывания.

Ключевые слова: полиситуативность, ситуация, квантификатор.

Полиситуативность – это универсальная семасиологическая категория, имеющая особый статус в языке со специфическим устройством и функционированием. Полиситуативность – семантико-функциональная, когнитивно-языковая категория, обладающая специфическим планом содержания и различными способами выражения. Она находится на пересечении таких общенаучных категорий, как время, количество, смежность (логическая, пространственная, временная), многих лингвистических явлений, в основном глагольных (таксисных, аспектологических, темпоральных, словообразовательных), а также именных (число, одушевленность, субъектность, объектность). В лингвистике множественность ситуаций как явление полиситуативности есть универсальное свойство глагольного содержания. Представление глагольной семантики как полиситуативной структуры вытекает из общего понимания, что отсутствие четкого членения ситуаций и их взаимообусловленность отличают предикатную семантику от идентифицирующей. Глагол в силу метонимической природы своей семантики соотносится с полиситуативным фрагментом действительности. В глагольной семантике она может быть представлена в четырех типах – длительность, сегментированность, квантифицированность, конситуативность [Лебедева 2000: 6].

Семантико-логический анализ категории количества в рамках высказывания позволил обнаружить на глубинном уровне реализацию одного из видов полиситуативности, представленной на поверхностном уровне предметными и событийными количественными показателями. Квантификационно-детерминированная полиситуативность является одним из видов полиситуативности и выражает распределенное во времени и в пространстве множество гомогенных ситуаций. Она выражается имплицитно и эксплицитно посредством ввода квантификационных параметров в содержание высказывания. Полиситуативность предполагает наличие имплицитно проецируемых, исходя из содержания высказывания, равноправных, четко сегментированных ситуа-

ций. Содержание высказывания является амбивалентным. Сущность квантификационно-детерминированной полиситуативности определяется следующими характеристиками.

Объект количественной оценки – гомогенная ситуация

Объекты количественной оценки характеризуются такими признаками, как однородность и наличие границ, благодаря которым они группируются во множества. Однородность предполагает наличие признака объединения предметов в количество, например, все зеленые предметы в комнате. Наличие границ обеспечивает присутствие признака дискретности как главного условия квантификации: нельзя распределить соль в воде, можно только ее растворить. Распределение чего происходит при реализации квантификационно-детерминированной полиситуативности?

Наряду с термином «фрейм», Н. Д. Лебедева вводит понятие ситуатемы как объекта множества. Если фрейм – это структура данных, представляющих стереотипную ситуацию, то ситуатема, по ее определению, относится не собственно к сфере знания, а к области языка. Ситуатема представляет собой отраженные языковым сознанием фрагменты мира, соотносящиеся на лексическом уровне с глагольной синтагмой. Ситуатема является лексикализованной единицей, то есть она соотносится с одной лексической глагольной единицей и органически связана с семантическими процессами и отношениями в лексической системе. Объем информации, заключенной в ситуатеме, не равен знаковому значению глагола, а включает имплицативные смыслы, представленные пропозиционально. Ситуатема содержит в себе макет гораздо большего по объему текстового фрагмента. Слушатель воспринимает глагольный знак и восстанавливает в своем сознании более глубокую полиситуативную картину [Лебедева 2000: 7]. В данном исследовании отказ от понятия ситуатемы объясняется ограниченностью рамками глагольной синтагмы. Основой языковой репрезентации ввелингвистической ситуации является субъектно-предикатно-объектная ситуация (СПО-ситуация), представляющая собой семантико-синтаксическую категорию. На онтологическом уровне она является отражением ввелингвистического отрезка действительности. На синтаксическом уровне СПО-ситуация постулируется как традиционно выражаемая формулой «именные синтагмы + глагольная синтагма» и соответствующая по объему одному высказыванию. На семантическом уровне представляет собой взаимодействие актантов объектного типа и Актанта-Агенса субъектного типа

(обычно одушевленного) на основе предикативного признака. «Специфическая особенность СПО-ситуаций заключается в том, что они базируются на целом комплексе семантических категорий, а не на одной категории. СПО-ситуации отражают ядро семантической структуры высказывания – предикат в его отношении к субъекту и объекту» [Бондарко 2002: 621].

Термины «темпоральное распределение» и «темпоральная квантификация» эквивалентны по содержанию, так как количество ситуаций никогда не представляет собой простое множество, а одновременно имплицитно распределяет во времени. У простого множества (пять яблок) распределение в пространстве выражается отдельно (в корзине, в день). Полиситуативность выражается на уровне высказывания, т.е. речь идет о возможности выражения нескольких онтологических ситуаций в рамках и за пределами одной СПО-ситуации. Объектом количественной оценки темпоральной и пространственной полиситуативности выступает ситуация как отрезок внелингвистической действительности, этот признак является объединяющим для них.

Диверсификация

Диверсификация ситуаций является одним из признаков квантификационно-детерминированной полиситуативности. Данный признак характеризуется обязательной внешней выраженностью. Сравним: *Два мальчика играют на скрипке* (каждый по-своему) или *Два мальчика играют на музыкальных инструментах* (один – на скрипке, другой – на гитаре) и *Два мальчика сосредоточенно думают*. Невозможно типизировать невыраженный предикативный признак и приписать его разным актантам. Если пространственная синхронность разных ситуаций выражается совпадением временных форм глагольных синтагм (*Одни играли, другие пели*), то пространственная синхронность одинаковых ситуаций выражается через квантификацию субъектной группы (*Два мальчика играют на скрипке*). Онтологически обоснованное рассмотрение каждой ситуации отдельно на основе диверсификации допускается в соответствии с фразой, тестирующей выражение пространственного распределения ситуаций: *Два мальчика играют на скрипке, а один из них тоже играет (но лучше, хуже... – по-другому)*. Здесь реализуется принцип диверсификации по образу совершения действия – вариативность исполнения действия компонентом множества, что является характерным для актантов-Агенсов. Этот аргумент представляется достаточным для выдвижения тезиса: если высказывание потенциально имплицитно вычленяет более одной ситуации, то речь идет

об онтологическом множестве ситуаций. Диверсификация может осуществляться по разным параметрам: 1) по месту локализации ситуации – *в городах*; 2) по месту локализации действия – *в альбомах*; 3) по образу совершения действия – *лучше, хуже, быстрее* и т.д.

Вычленение ситуаций происходит на основе принципа диверсификации, допускающего их различие по какому-либо параметру.

Фактор пространственной разобщенности

На первый взгляд деление одной ситуации *Два мальчика играют на скрипке* с совокупным актантом (как его традиционно именуют) и вычленение двух ситуаций из одной может показаться надуманным и излишним теоретизированием. Фактор пространственной разобщенности аналогичен фактору темпоральной дискретности мультипликативных и итеративных ситуаций, дифференциация которых основана на интервале времени между ситуациями (ничтожно малый интервал между действиями не учитывается): *Мальчик подпрыгивал на одной ноге* (единичная дискретная (мультипликативная) ситуация подпрыгивания) или *Мальчик прыгал через заборы* (множество ситуаций перепрыгивания через забор). Принцип пространственной разобщенности предполагает, что ситуации могут рассматриваться как изолированные в случае их дистанционной отдаленности: *Супермаркеты работают в авральном режиме в праздничные дни* (приписывание признака одушевленности). Мы не можем наблюдать одновременно более одного супермаркета, и предполагается, что случаи с остальными супермаркетами можно рассматривать как отдельные пространственно локализованные ситуации.

Яркая выраженность пространственной сегментации посредством номинации (*супермаркеты* имплицитно подразумевают наличие мест их расположения) предполагает удаленность между называемыми объектами, аналогичную внешней пространственной локализации всей ситуации или действия. В данном случае ситуации территориально разобщены в пространстве и онтологически могут рассматриваться как пространственное множество ситуаций. В случае *Два мальчика играют на скрипке* фактор территориальной разобщенности мал, но допускается онтологически обоснованное рассмотрение каждой ситуации отдельно на основе принципа диверсификации.

Фактор территориальной разобщенности семантически значим для пространственной полиситуативности, но не доминирует в ее содержании, так

как реализуется лишь диверсификация пространственной локализации [Лутфуллина 2010: 78].

Формализация на базе единства предикативного признака

Хотелось бы подробнее остановиться на том аспекте, который допускает совместную репрезентацию множества ситуаций, – возможности их объединения в рамках одного высказывания, т.е. обеспечении тесной пространственной связи между компонентами ситуации в рамках единого временного интервала. Существуют несколько способов объединения. Абстрактные глаголы при выражении множества ситуаций предполагают разнородные действия, объединенные, например, единой абстрактной задачей. Это один из видов семантически-обусловленного объединения ситуаций в рамках одного высказывания:

Дети готовились к экзаменам. КАК?

Читали правила. Решали задачи. Повторяли пройденный материал.

Конкретные глаголы при компоновке множества ситуаций в одно высказывание предполагают однородные действия. Представим детскую площадку в садике во время прогулки детей: *Дети играли.* → (конкретизация видов игры) *Дети играли в «жмурки».* *Дети играли с игрушками.* → (конкретизация предметов игры) *Дети играли с игрушками.* *Дети играли с мячом.* → (конкретизация по полу) *Мальчики играли с машинками.* *Девочки играли в куклы.*

На первом этапе происходит объединение двух понятий: *девочки + мальчики = дети и машинки + куклы = игрушки.* На втором этапе происходит объединение понятий «индивидуальный предмет игры» (кукла, машинка) и «коллективный предмет игры» (мяч). На третьем этапе происходит объединение понятий игры с игрушками (игра с мячом) и игры вообще (игра в жмурки) в единое понятие игры. В этом заключается одна из формализующих функций языка – обобщенное восприятие разнородных по составу ситуаций на базе единого объединяющего предикативного признака посредством увеличения объема его семантического содержания.

В языке происходит формализация онтологической диверсификативности ситуаций: разнообразные ситуации благодаря типизации объединяются на основе общности предикативного признака ‘играть’, разные актанты-Агенты объединяются на основе признака ‘являющийся ребенком’. Онтологический подход предполагает, что все стрелки, указывающие пути языковой формализации сверху вниз, напротив, в случае обращения к экстралингвистической действительности, будут направлены снизу вверх, т.е. указывать пути расшифровки, интерпретации формализованного высказывания – от

формализации к диверсификации реальных ситуаций. Языковая СПО-ситуация изначально формальна и типизирована в соответствии с набором языковых средств и со стандартными приемами концептуализации различных ситуаций – типами высказываний. Базовый тип репрезентации реальной единичной внелингвистической ситуации – СПО-ситуация, множества ситуаций – ввод в состав СПО ситуации квантификаторов.

Категория полиситуативности реализует формализующую функцию языка, объединение онтологически диверсификативных ситуаций благодаря типизации на основе общности предикативного признака.

Распределение как общее качество темпоральной и пространственной полиситуативности

Распределение предполагает отношения между двумя дискретными образованиями. По определению С. Г. Татевосова, «интерпретация предложения, которая предполагает наличие пары множеств, связанных отношением дистрибутивности, является дистрибутивной, или DISTR(IBUTIVE), интерпретацией» [Татевосов 2002: 69]. Темпоральная и пространственная полиситуативности предполагают распределение однородных ситуаций во времени и в пространстве соответственно. Возможно также распределение недискретного благодаря средствам измерения: распределить (разлить) вино по стаканам.

Квантификационно-детерминированная полиситуативность

*Темпоральная
полиситуативность*

*Пространственная
полиситуативность*

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ:

1. *Объект количественной оценки – ситуация.*
2. *Наличие распределяемого множества однородных ситуаций.*
3. *Особый вид полиситуативности.*

Функционально-семантическое поле квантификационно-детерминированной полиситуативности имеет два ядра со своим планом содержания и выражения: темпоральной/секвентной полиситуативности и пространственной полиситуативности. Основанием для их объединения в единое функционально-семантическое поле является единство объекта количественной оценки и общность понятия распределения. Распределение ситуаций в пространстве и во времени задается посредством введения квантификационных параметров в состав высказывания. Понятие распределения одинаковых ситуаций является объединяющим для глагольной и именной множественности.

Таким образом, отличительными признаками категории квантификационно-детерминированной полиситуативности являются: онтологическая диверсификативность ситуаций; единство предикативного признака как возможность формализации; гомогенность ситуаций; их распределенность во времени или в пространстве; территориальная и временная разобщенность ситуаций.

Литература

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики: дис. ...д-ра филол. наук / Томский гос. ун-т. – Томск, 2000. – 442 с.

Лутфуллина Г. Ф. Квантификация как средство презентации полиситуативности (на материале французского и татарского языков). – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2010. – 187 с.

Татевосов С. Г. Семантико-составляющие именной группы: кванторные слова. – М.: ИМАИ РАН, 2002. – 240 с.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

Ю. Люй, А. А. Ларионова

Казанский федеральный университет

Статья посвящена разработке научно-методических подходов к реализации одного из важнейших принципов в обучении русскому языку как иностранному – принципу диалога языков и культур. В ходе проведенного исследования автор делает вывод: в современной лингводидактике функционируют два направления в реализации принципа диалога языков и культур: 1) обучение русскому языку в контексте русской культуры; 2) обучение русскому языку через познание русской культуры во взаимодействии с языком и культурой других народов. Второй подход наиболее приемлем для преподавания русского языка как иностранного в китайской аудитории. Обоснована необходимость взаимосвязанного обучения русскому языку и русской культуре с привлечением произведений разных видов искусств: литературы, живописи, музыки, театра, кино, а также различных культурных учреждений, например, музеев и т.д.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, принцип диалога языков и культур, русская культура, китайская аудитория.

Как известно, через язык происходит приобщение к национально-культурным ценностям, к достижениям мировой науки и культуры. Важным становится постижение русского языка как духовной ценности народа, как составной части его национальной культуры. За каждым языком стоит целая культура народа, особое видение мира (языковая картина мира). Как указывает В. А. Маслова, «две национальные культуры (родная культура и культура изучаемого языка) никогда не совпадают полностью, то есть в них есть и универсальное для большинства народов, и национальное» [Маслова 2012: 211]. Таким образом, язык всегда воплощает своеобразие народа, национальное видение мира, национальную культуру. Включение в учебники и учебные пособия сведений о русском языке как средстве выражения национальной культуры, об особенностях русского языка, о его самобытности, своеобразии, об эстетической ценности предполагает представление стереотипов русского речевого поведения, включая речевой этикет, русских слов-реалий, называющих характерные детали русского быта, фольклора, истории; широкое использование текстов, в целом воссоздающих национально-культурный фон России. Соизучение языка и культуры народа представлено через отражение культуры в слове, фразеологизме, в системе текстов. Однако ведущим в нем является познание культуры русского народа в ее встрече с культурами других народов, в диалоге культур – культуры русского народа и других народов.

Преподавателю русского языка как иностранного важно знать о таком принципе в обучении, как принцип диалога языков и культур. Данная проблема получила свое отражение в исследованиях многих ученых-методистов [Тер-Минасова 2008; Шакирова 2008; Лысакова 2014; Замалетдинов, Замалетдинова 2012; Yusupova 2015] и др. Ценные методические решения реализации принципа диалога культур мы находим в учебных и методических работах [Щукин 1999; Балыхина 2010; Лю Хун 2010; Антонова 2013; Ларионова 2012; Юсупова 2012] и др. Авторы предлагают разные формы, методы и приемы реализации принципа диалога культур на занятиях по русскому языку как иностранному, некоторые из которых активно используются на практике. Однако в меньшей степени представлено методическое решение взаимосвязанного использования произведений разных видов искусства в процессе обучения русскому языку в китайской аудитории. Считаем, что на это следует обратить особое внимание при реализации принципа диалога культур в обучении языкам. Для достижения поставленной цели были использованы такие методы, как: анализ, описание, обобщение, сопоставление, классификация, наблюдение, эксперимент. Цель нашего исследования заключается в том, чтобы провести анализ имеющихся методических рекомендаций по реализации принципа диалога культур в преподавании русского языка как иностранного и предложить наиболее оптимальный путь соизучения русского языка и русской культуры в китайской аудитории в условиях обучения в языковой среде. Для исследования привлекались работы по теории и практике лингвокультурологии, лингвистические научные труды по языковой картине мира, по методике преподавания русского языка в иноязычной аудитории, учебники и учебные пособия по русскому языку для китайской аудитории [см.: Балыхина 2010; Верещагин, Костомаров 2005; Маслова 2012; Тер-Минасова 2008; Шакирова 2008; Петрикова 2015 и др.].

В современной лингводидактике функционируют два направления в реализации принципа диалога языков и культур: 1) обучение русскому языку в контексте русской культуры; 2) познание русской культуры во взаимодействии с культурой других народов. Диалог языков и культур реализуется в современных учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному. Как отмечает С. Г. Тер-Минасова, «язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [Тер-Минасова 2008: 122].

По мнению Л. З. Шакировой, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно-речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов» [Шакирова 2008: 68].

Трансляция культуры в первую очередь происходит через текстовый фонд. Текстовая организация учебного материала позволяет авторам заложить в курс русского языка идею взаимосвязанного изучения языков и культур. В первую очередь это тексты о России, об известных людях (ученых, полководцах, композиторах и т.д.), о праздниках, традициях, предметах декоративно-прикладного искусства (хохлома, палех и др.), о живописи, музыке, русском речевом этикете и т.д. Наряду со знакомством о русской культуре, в некоторых учебниках для китайской аудитории даются параллельно сведения о китайской культуре, традициях и праздниках. Например, как встречают Новый год в России и в Китае, как здороваются, как благодарят, какие дарят подарки и т.д. Таким образом, иностранные учащиеся получают возможность более ярко и наглядно увидеть своеобразие родной и специфику русской культуры. Это особенно важно, если китайские студенты русский язык изучают в России, студенты находятся в языковой среде, живут и учатся в российских вузах. Например, в Казанском федеральном университете уже многие годы на разных факультетах учатся китайские студенты-бакалавры, магистранты и аспиранты. Живя в Казани и обучаясь в Казанском федеральном университете, китайские студенты получают возможность знакомиться с русской и татарской культурой. Так, китайские студенты с большим удовольствием пробуют национальные блюда, сопоставляют русские, татарские и китайские традиции, праздники, обычаи, блюда и т.д.

Транслятором диалога культур в первую очередь являются учебники русского языка как иностранного. Достойное место в учебниках русского языка занимают жанры устного народного творчества: загадки, пословицы и поговорки. Как известно, знание пословиц и поговорок приобщает иностранных учащихся к народной мудрости, обогащает их словарный запас. Иностранные студенты с удовольствием знакомятся с русской литературой, читают наизусть стихотворения А. С. Пушкина и других русских поэтов. Например, каждый год в День русского языка – 6 июня (в день рождения А. С. Пушкина) – китайские студенты-филологи читают наизусть стихотворения на русском, английском, китайском языках. Опрос, проведенный среди китайских студентов-филологов 2 кур-

са, которые обучаются в Институте филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого Казанского федерального университета, показал, что знают студенты о русской культуре, как эти знания помогают им в межкультурной коммуникации и т.д.

Диалог языков и культур позволяет преподавателям русского языка как иностранного погрузить китайских студентов в российскую культуру, помочь им в межкультурной коммуникации.

Считаем, что транслятором диалога культур может выступать не только литература, но и произведения других видов искусства, которые, как нам кажется, получили недостаточное применение в практике преподавания русского языка. Речь идет о музыке, живописи, театре, кино, музеях, которые во взаимосвязи с литературой могут помочь китайским студентам преодолеть межкультурную интерференцию, языковой и культурный барьер, лучше понять культуру народа – носителя изучаемого языка. Например, возможны чтение отрывков из произведения А. С. Пушкина «Пиковая дама» и просмотр спектакля с одноименным названием; чтение рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека» и просмотр кинофильма с одноименным названием; посещение музея М. Горького и чтение отрывков из его автобиографических произведений и т.д.

Реализация диалога культур в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в Казанском федеральном университете осуществляется через приобщение к общекультурным и национальным ценностям русского народа и других народов, проживающих на территории России через привлечение произведений разных видов искусств: литературы, музыки, живописи, театра, кино. У китайских студентов формируется представление о русской культуре, получившей отражение в языке и речи. На этой основе происходит диалог русской культуры с родной культурой обучающихся.

Литература

Верещагин Е. М., В. Г. Костомаров. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.

Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень) / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, М.В. Сафронова, А.А. Толстых и др. – СПб.: Златоуст, 2013. – 256 с.

Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С.49–53.

Ларионова А. А. Текст как единица обучения иностранных студентов русскому языку // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – Выпуск № 11. – Т. 15. – С. 342–344.

Лысакова И. П., Янь Цю Цзюй. Русские слова в зеркале китайского языка: лингводидактический аспект // Русский язык за рубежом. – 2014. – № 6. – С.43–53.

Лю Хун. Исследования китайских русистов-методистов по проблемам языка и культуры: новый этап, проблемы и задачи // Слово есть Дело: юбилейный сборник научных трудов в честь профессора И.П. Лысаковой. –Т.1. – СПб.: Сударыня, 2010. – С.474–479.

Люй Ю. К вопросу об изучении русских местоимений (из опыта работы с китайскими учащимися) // Филология и культура. – 2015. – № 42. – С. 290–294.

Маслова В. А. Изучение важнейших концептов русской культуры инофонами (на примере концепта семья) // Русский язык как неродной: новое в теории и методике. III научно-методические чтения: сб. статей. Выпуск 3. – М.: МГПИ, 2012. – С. 211–216.

Петрикова А., Куприна Т. В., Галло Ян. Основы межкультурной дидактики. – М.: Русский язык, 2015. – 376 с.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 344 с.

Учебник русского языка для говорящих по-китайски: Базовый курс / Т.М. Балыхина, И.Ф. Евстигнеева, К.В. Маерова и др. – М.: Русский язык. Курсы, 2000. – 352 с.

Шакирова Л. З. Педагогическая лингвистика: концепции и технологии. – Казань: Магариф. 2008. – 271 с.

Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М.: Высшая школа, 1990. – 334 с.

Юсупова З. Ф. Реализация лингвистического и культурологического принципов в учебно-методической литературе по русскому языку для тюркоязычной аудитории // Филология и культура. – 2012. – № 2 (28). – С.170–173.

Yusupova Z. F. Literary Text as a Unit of Culture in the Classes of Russian as a Second Language // Asian Social Science. – 2015. – Vol. 11. – No. 6. – P. 171–175.

ЭТНОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

Л. А. Мардиева, Т. Ю. Щуклина
Казанский федеральный университет

В статье описаны парадигмы этностереотипных образов, связанных с этнонимом *татары*, в русской языковой культуре. Установлено, что в сознании русского языкового коллектива сосуществуют две парадигмы устойчивых образов татар. Одна из них связана с хранящимися в сознании общества стереотипами восприятия татар-воинов Чингиз хана (XIII – XV вв.) и состоит всего из двух рядов (татары – завоеватели и иные). Другая представляет собой нерасчлененный образ тюркских народов России и включает в себя значимые в культурно-социальном и когнитивно-психологическом аспекте четыре подгруппы.

Ключевые слова: этноним, лингвокультурология, стереотипы сознания и их словесные репрезентанты

В современной лингвистике язык признается основным национально-специфическим феноменом, аккумулирующим и транслирующим из поколения в поколение культурный опыт, традиции, мировидение и систему морально-этических ценностей народа-носителя языка. Способностью этнокультурной интерпретации действительности обладает каждая единица языка: звуковая и графическая оболочка слова [Mardieva 2014], морфема как минимальная значимая его часть [Фатхутдинова 2012; Щуклина 2007], слово и узуально воспроизводимые сочетания [Гилазетдинова, Багманова 2012; Vochina, Miftakhova 2014; Schuklina 2014; Щуклина 2012; 2014], а также и невербальные коды [Харченко 2005; Мардиева 2013; 2014; Ворошилова, Карапетян 2014; Ковшова 2015 и др.]. Однако особая значимость в системе обретающих культурно-символический статус единиц языка принадлежит этнонимам, которые неразрывно связаны с обозначающим его этносом и устойчивыми стереотипами его восприятия в сознании других народов и народностей.

Среди множества этнонимов, существующих в русском языке, название *татары* является, пожалуй, одним из самых сложных. Обращает на себя внимание, во-первых, неоднозначность данного этнонима; во-вторых, осложнение системного значения, фиксируемого лексикографическими источниками, дополнительными значениями и коннотациями, провоцируемыми исторической памятью русского народа. Последний слой семантики слова *татары*, обозначенный в работе термином *этнические стереотипы*, и стал предметом изучения и обсуждения. Этнические стереотипы понимаются в работе как утвердив-

шиеся в сознании одного народа устойчивые, нередко предвзятые оценочные суждения о когнитивных и психических особенностях, моральных и физических качествах, внешнем облике представителей иного народа и его культуры. Этноним *татары* имеет давнюю традицию изучения, в том числе и лингвистов, и неоднократно становился предметом исследования [Баксаков 1969; Бушаков 1996; Закиев 2003]. Вместе с тем в центре внимания ученых находился денотативный уровень семантики данного слова, а семантические наслоения, провоцируемые исторической памятью русского народа, культурно-историческими традициями взаимодействия двух народов (т.е. лингвокультурологическая информация) до сегодняшнего дня не были предметом специального изучения.

Основным источником, а также и средством формирования этностереотипов является язык, поскольку нет «ничего внутри человека настолько глубокого, настолько тонкого и всеобъемлющего, что не переходило бы в язык и не было бы через его посредство познаваемым» [Гумбольдт 1984: 57]. При этом методологически принципиальным для исследования является понимание того, что в основе стереотипов, в число которых входят и бессознательные этнические первообразы, лежат базовые мифологические оппозиции, в частности и дихотомия «свой – чужие» [Mardieva 2014: 635].

Изучение стереотипного образа определенного народа связан с двумя подходами, считает Л. П. Крысин: «Во-первых, важно понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки... Во-вторых, необходимо выделить языковые единицы... которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов» [Крысин 2005: 450]. Более продуктивным в последнем случае представляется выявление несистемных, не фиксируемых словарями семантических наслоений («значением знака в индивидуальной памяти носителя языка, непосредственно связанного с когнитивно-социальным опытом личности» [Салмина 2001: 68–72], «психолингвистическим значением», т.е. реально функционирующим в языковом сознании носителей языка значением [Стернин, Рудакова 2012: 176] и т.д.), которые с достаточной степенью регулярности воспроизводятся в языке данного народа.

Источниковедческой базой исследования послужили пословицы и поговорки, а также фрагменты текстов художественной литературы и публицистических материалов, извлеченных из базы данных Национального корпуса русского языка, в которых отражены стереотипизированные представления об этносе, связанном в русском языковом сознании с этнонимом *татары*.

Результаты исследования.

I. Значение этнонима *татары* по данным толковых словарей русского языка.

В большинстве современных толковых словарей русского языка указывается два значения рассматриваемой лексической единицы: «1. Нация, основное население Республики Татарстан // Представители этого народа. 2. Название различных тюркских, монгольских и других племен, объединенных в XIII–XV вв. в единое государство – Золотую Орду» [МАС 2000: 342]. В словаре Д.Н.Ушакова указаны четыре значения рассматриваемого слова: «1. Название тюркских народностей, населяющих Татарстан, часть Башкирии, живущих в Поволжье и в некоторых местностях Сибири. 2. Тюркская народность, проживающая в Крыму. 3. Неточное обозначение тюркских народностей Кавказа и некоторых других местностей, например, азербайджанцев (закавказские татары), хакасов (абаканские татары) и т.д. (дореволюц.). 4. Название различных тюркских племен, объединившихся в XIII в. под властью Чингис-хана и до XV в. державших в зависимости древнерусские княжества (истор.)» [ТСРЯ 2001: 367]. Обратим также внимание и на толкование этнонима российским тюркологом Н. А. Баскаковым: «Название «татары» и «татарский язык» объединяют множество прежних названий народностей и наречий: крымских татар, астраханских, касимовских, мишарей, или мещеряков, кряшонов (русс. «крещеный»), нагайбаков, а также западносибирских татар: туринских, тюменских, ишимских, ялуторовских, иртышских, тобольских, бухарских, чацких, барабинских, томских» [Баскаков 1969: 12].

Анализ источниковедческой базы свидетельствует о том, что в языковом сознании носителей русского языка этноним *татары*, как правило, употребляется расширительно в двух значениях: 1) ‘тюркские племена, называемые также монголо-татарами, объединившиеся в XIII веке в Золотую Орду’; 2) ‘тюркские племена (поволжские, сибирские, крымские, а иногда, по традиции, и тюркские племена Кавказа)’. Рассмотрим в указанном порядке собранный материал.

II. Этноним *татары* в значении ‘тюркские племена, объединившиеся в XIII веке в Золотую Орду’ и стереотипы его восприятия в русской культуре.

В древние времена татары, или монголо-татары, ‘тюркские племена, объединившиеся в XIII веке в Золотую Орду’, совершали набеги на Русь и наводили страх на ее народ. Поэтому в русской языковой культуре татары – это:

1) воины, а именно завоеватели, вторгшиеся на землю русскую. Оценка в этом случае однозначно пейоративная. Вместе с тем в русском языке немало и примеров употребления данного этнонима в рассматриваемом значении с ме-

лиоративной семантикой, когда подчеркивается сила татар, их военное мастерство (*Татарин и камень разобьет; Татарин и в камень гвоздь вобьет* – посл.; *А теперь я заметил, что татары и воины добротные, и стрелки меткие* (Ян. Чингиз-хан. 1939), их уважение к религиозным чувствам побежденных (*Татары... уважали религию побежденных* – С. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей. 1886); определенный вклад в развитие русской культуры: *Татары ввели Россию в общегосударственную монгольскую сеть почтовых путей.... <которая> сохранялась в России еще долго после татарского ига* (Н. Трубецкой. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. 1929); *Пришли татары, стали Россию угнетать, а попутно и учить* (Н. Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре. 1925); *Татары помогли сохранить русский дух. Через тернии к звездам!* (В. Корнилов. Демобилизация. 1969–1971);

2) иные: *От стены пишет* (т.е. пишет не слева направо, а наоборот); *Что русскому хорошо, то татарину смерть; Что для татарина норма, для русского страх* (посл.).

III. Этноним *татары* в значении ‘тюркские племена (поволжские, сибирские, крымские и др., в том числе и тюркские племена Кавказа)’ и стереотипы его восприятия в русской языковой культуре.

В силу традиции расширительного употребления лексемы *татары* в русской языковой культуре во многих случаях определить, о каком именно тюркском племени или этносе идет речь в тексте художественного или художественно-публицистического произведения, достаточно сложно. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что этностереотип *татары* в сознании носителей русского языка обладает одним существенным качеством, а именно – синкретичностью. *Татары* в таком случае – это обобщенное наименование тюркоязычных народов России, как правило, мусульман.

Объектом рефлексии русскоговорящих становятся внешний облик, интеллектуальные, психические качества, социальный статус и др. характеристики татар, как представителей иного этноса.

1. Внешность рассматриваемого этноса определяется эталонным набором, который предполагает указание на отличительные признаки, а именно:

– узкие, иногда раскосые глаза: *глаза-щелочки* (О. Куваев. Территория. 1970 – 1975); *узенькие глазки* (П. Мельников-Печерский. На горах. 1875–1881; А. Герцен. Былое и думы. 1855); *раскосый парень* (Е. Козырева. Дамская охота);

– наличие бороды: *бородатое лицо* (А. Толстой. Хождение по мукам. 1922); *редкая бородка клином* (П. Мельников-Печерский. На горах. 1875–1881);

белобородый татарин (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1928); *жидкая седая борода* (Г. Алексеев. Зеленые берега. 1983–1984);

– *обритая голова: татарин... с бритой голубой головой* (В. Катаев. Сэр Генри. 1920); *пожилой татарин с жирной обритой башкой* (Славникова. Бессмертный. 2000-2001); *гладко выбритая голова* (П. Мельников-Печерский. На горах. 1875–1881);

– обязательность тюбетейки ‘небольшой шапочки с четырехклинным верхом или в виде усеченного конуса с плоским верхом’ и длинного халата: *татары в тюбетейках и длинных халатах* (В. Осеева. Динка. 1959); *типичный татарин-старьевщик в тюбетейке* (В. Курицын. Томские трущобы. 1906). Внешний вид женщины-татарки представлен в исследуемых текстах очень скупо, он предполагает обязательность двух длинных кос (*девушка-невеста, с длинными змееобразными косами до пят* – Л. Чарская. Записки институтки. 1901) и наличия на голове национального головного убора – *бархатного колпака с каким-то мешком, откинутым набок* (П. Боборыкин. Василий Теркин. 1892).

Этностереотип всегда содержит и информацию о привычках и типичных формах невербального поведения представителя/ представителей иного этноса: *Головин важно сидел на раскладном стуле, татары – на ковре, поджав ноги* (А. Толстой. Петр Первый. Кн. 2. 1993); *Мы конину не едим, а татары – свиной брезгают* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. 1875–1880); *У столов длиннородые татары. Как медленно пьют, как скупо говорят, как важно движутся* (И. Цветаева. Октябрь в вагоне. 1917).

2. Значимым оказывается и род деятельности представителей данной этнической группы. Татары в представлении русских – это (в порядке убывания):

1) воины. Здесь четко выделяются два противоположных образа воина:

– воины-враги, внушающие чувства страха: *за каждым камнем и сидит... татарин, который только и норовит, как бы русского человека подстрелить* (Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера. 1874); *В старину, слышно, Дон татары обижали, шли отнимать землю, неволить* (М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 3., 1928–1940);

– воины, внушающие уважение: *На войне турки и татары хоть и побеждают, но не дадут себя даром убивать, обороняются до последнего издыхания...* (В. Ключевский. Русская история. 1904); *Татарин налетает вихрем и также скоро уходит* (Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера. 1874); *Но татары были хитры и опыты, использовали сквозные ходы, прятались, исчезали* (М. Гиголашвили. Чертово колесо. 2007);

– защитники России: *Служили татары не за страх, а за совесть, приходилось и воевать вместе со всеми россиянами против общего врага* (Зайцев. Служивые люди. 2002); *По количеству Героев Советского Союза татары занимают второе место после русских!* (Ошибка или сознательное противостояние// «Жизнь наций». 2004. 17.03);

2) купцы, торговцы: *Кара Мустафу осадили купцы-татары, привезшие на арбах овечьи и козьи туши* (В.Крашениников. Мальтийский крест// Вокруг света. 1994); *Татары прямо на улицах коврами торгуют, тюбетейки, чувяки продают* (В. Осеева. Динка. 1959); *Первая жена Серезжи, красавица татарка, работала продавщицей в Мосторге* (В. Катанян. Прикосновение к идолам. 1998); *Татарка Айза торговала свежей рыбой в магазине с названием «Продукты»* (Д. Липскеров. Последний сон разума. 1999);

3) земледельцы, крестьяне: *Татары в нашем уезде были превосходной выносливости и честности жнецы...* (К. Петров-Водкин. Моя повесть. 1930); *Татары и турки были великими мастерами орошения* (М. Волошин. Крым. Путеводитель. 1925); *Татары возделывали огороды* (Д. Быков. Орфография. 2002); *Татары издревле долбили ямы в скалистом грунте, возили плодородную землю из-за Яйлы и выращивали груши и яблоки, каких более нигде не встречал* (Б. Васильев. Оглянись на середине// Октябрь. 2003).

3. В парадигму этностерейотипа татары включается и образ татарина-гражданина, как правило, законопослушного и смиренного: *Есть в Касимове мечети, татары чисто и зажиточно живут, смиренны очень...* (Д. Волконский. Дневник. 1812-1813); *Татарин - спокойный человек, ему Коран запрещает жадничать и суетиться* (М. Горький. Жизнь Климса Самгина. 1928);

4. Психологический портрет татар отличается некоторой противоречивостью, поскольку в русской языковой картине мира татары хитрые и вместе с тем честные: *Татарин не обманывает татарина; но обмануть иностранца считается похвальной хитростью* (Н. Карамзин. История государства Российского. Т.4), *...Хитрый татарин, стрелой вынесший барышню от зазорного зрелища, взял вожжи в правую руку* (Б. Пастернак. Детство Люверс. 1918); *Татары же, это всяк знает, в деле гораздо честнее нас* (М. Горький. Лето. 1990); *Татары служат, главным образом, в еврейских торговых фирмах, которые охотно принимают их к себе на службу в виду их трезвости, честности и трудолюбия* (От наших корреспондентов // Одесский листок. 1912). Кроме того, татары трудолюбивые и в целом люди хорошие: *Взять хоть татарскую слободу под Костромой, – татары живут, все у них есть, во всем порядок* (Ф. Сологуб. Публицистика разных лет. 1904–1918); *Работали татары на высоко опла-*

чиваемых, но и самых тяжелых работах, большею частью в горячих цехах, жили меж собой дружно, сплоченно... (В. Астафьев, Зрячий посох: 1978-1982); *Отличный народ татары, все они честны, верну слову, опрятны, смелые, прекрасные, прирожденные всадники и первоклассные воины* (А. Куприн. Последние рыцари. 1934).

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить две парадигмы этностереотипа *татары* в русской языковой культуре. Одна из них связана со стереотипами восприятия татар-воинов Чингиз хана и включает в себя два образа (татары – воины-завоеватели и иные). Другая представляет собой нерасчлененный образ тюркских народов и племен России и представлена в русском языковом сознании достаточно полными рядами образов, охватывающих значимые в культурно-социальном и когнитивно-психологическом аспекте прямо противоположных в оценочном отношении эталонов восприятия народов, объединенных этнонимом *татары*. В целом этностеротип *татары* отличается высокой степенью противоречивостью (*Он татарин, а хороший* – Л. Толстой. Хаджи-Мурат. 1896). Признавая иной этнос ‘иным’, представители русской языковой культуры вместе с тем признают его национально-культурное своеобразие и относятся к нему с уважением, что и является основой мирного проживания и взаимодействия в России многочисленных этносов. Полагаем, что результаты и эмпирический материал исследования могут лечь в основу Словаря этнических стереотипов, лингвокультурологических, лингвострановедческих и др. справочников; будут востребованы в практике преподавания дисциплин гуманитарного блока в вузе и школе; внесут определенный вклад в этнокультурное образование, в развитие мультикультурализма и толерантности.

Литература

Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1969. – 384 с.

Бушаков В. Этноним «татар» во времени и пространстве // Сквозь века: Приложение к журналу «Крымский контекст». – 1996. – Вып. 2. – С. 41–52.

Ворошилова М. Б., Карапетян А. А. Националистическая атрибутика и символика в современном молодежном экстремистском дискурсе: из практики определения // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург, 2014. – С. 51–53.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

Гилязетдинова Г. Х., Багманова Л. Н. Репрезентация лингвокультуры «пища» в романах И.С.Шмелева «Богомолье» и «Лето господне» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2012. – Т. 154. – № 5. – С. 151 – 155.

Закриев Н. З. Происхождение тюрков и татар. – М.: Инсан, 2003. – 495 с.

Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – М.: Гнозис, 2015. – 368 с.

Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – М.: ОЛМА_ПРЕСС, 2005. – С. 450 – 455.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (дата обращения: 20.10.2016).

Словарь русского языка / Гл. ред. А.П.Евгеньева: В 4-х т. Т.4. – М.: Русский язык, 1988. – 796 с. – МАС.

Мардиева Л. А. Вещь-знак *тюбетейка* в коммуникативном пространстве Татарстана // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 232 – 245.

Мардиева Л.А. Коды визуального поведения и прецедентные визуальные феномены в составе семиотически осложненных текстов средств массовой информации // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 246–250.

Салмина Л. М. Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 169 с.

Стернин И. А., Рудакова А. В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. – М.: ИЯ РАН, 2012. – № 2 (16). – С. 174 – 183.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 3-х т. Т. 3. – М.: Мир книги, 2001. – 672 с. – ТСРЯ

Харченко В. К. Поведение: от реального к идеальному. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2005. – 197 с.

Фатхутдинова В. Г. Этнолингвистическая интерпретация словообразовательного типа // Филология и культура. – 2012. – № 2. – С. 137–140.

Щуклина Т. Ю. Новое слово как результат творчества языковой личности // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение: Материалы III Междунар. научно-практ. конф. (19-1 ноября). – Казань: КФУ, 2014. – С.386–390.

Щуклина Т. Ю. О роли социокультурных факторов в семантическом развитии прилагательных в русском языке // Вестник Бурятского государственного университета. – Вып.10. Филология. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – С.47–51.

Щуклина Т. Ю. Экспрессивная деривация собственных (личных) имен в художественном тексте как феномен русской культуры (на материале произведений Ф.М.Достоевского) // Филология и культура. – 2007. – № 1 (8). – С. 79–83.

Bochina, T. G., Miftakhova, A. N. (2014). Gender interpretation of man's figure in the Runet // *XLinguae*, 7(1). – P. 2–14.

Mardieva L .A. From sensual framework of a word to social stereotypes of consciousness // *Life Science Journal*. – 2014. – № 11(10). – P. 634–637.

Schuklina T. J. Binary oppositions as a way of representing the Slavic culture (in the context of the Russian proverbs) // *Life Science Journal*. – 2014. – № 11(10). – P. 638–641.

ФОРМЫ СЛАВЯНО-РУССКОГО ПЕРФЕКТА И АКСИОЛОГИЯ ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЛОГА XVI ВЕКА)

Т. Д. Маркова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

Статья посвящена грамматической семантике перфекта, которая отличается от семантики других претеритов наиболее высоким аксиологическим «градусом». Именно по принципу наличия в глагольной форме ценностно-модальных оттенков и был в конечном счете выбран универсальный претерит. При этом ведущим средством семантической эволюции перфекта являлся контекст. Особенно это касается такого подчеркнуто назидательного, а следовательно, модально насыщенного текста, как Пролог. В формах перфекта, используемых в Прологе, просматриваются смыслы, которые можно назвать этернальными (вечностными), а сам перфект соответственно – этернативом.

Ключевые слова: перфект, грамматическая семантика, аксиология, модальность.

«Было время, когда идеи литературные и художественные составляли в сознании народа одно нераздельное целое, будучи в своих зародышах сосредоточены к религиозному созерцанию и набожному чувству верующего благочестия. Религия поглощала тогда все другие духовные интересы человека...» [Буслаев 2001: 209]. Именно к такому времени относится Пролог, на материале которого строятся дальнейшие рассуждения. XVI век – время, когда еще живы в памяти народа и духовный подвиг святого преподобного Сергия, и ратные подвиги святых благоверных князей, и невыразимая благодать икон святого преподобного Андрея Рублева. Это время, когда в центре внимания древнерусского книжника оказываются не только биографические детали, но человеческая душа, ее эмоциональные характеристики. «Здесь каждый поступок обретает не только яркость, осмысление, но и оценку; анализируются мотивы и значимость действий человека, проявляется их нравственная перспектива» [Лихачев 1970: 72–77]. Таким образом, **действие, совершенное во времени, оказывается в фокусе Вечности**. Подобные уникальные черты литературы той эпохи напрямую связаны с живописью периода Русского Возрождения – иконописью. Причем, как рассуждает далее Д. С. Лихачев, ни живопись, ни музыка, ни литература того времени не развивались сами по себе, в своих собственных пределах. Все виды искусства были теснейшим образом связаны именно идеей человека, идеал которого *не придумывался, а создавался в жизни и находил свое воплоще-*

ние в искусстве, ведущим направлением которого в тот период была живопись, а точнее – иконопись. Вместе с ликами в жизнь каждого русского пришло осознание того, что нас видят, иконы смотрят на нас. *Эффект присутствия наблюдателя* усилил **эвиденциальные оттенки** в семантике наиболее активной, в аспекте модальности, глагольной формы – **перфекта**. Ощущение присутствия Наблюдателя из мира Вечности закрепило вечностные смыслы в соответствующих глагольных формах, зафиксировало новую, особую семантику русской темпоральности. Эта семантика проявлялась, в первую очередь, в книжных текстах, частично проникая в дальнейшем в тексты повседневные. Если ранее Русь постигала, что такое Вечность, училась чувствовать Вечность во времени, воспринимаемом как вектор, устремленный из настоящего в будущее, то с XIV века приходит осознание того, что *Вечность видит нас*, смотрит на нас. Безусловно, без иконописи эпохи Рублева такого эффекта в полной мере не наблюдалось бы. **Синкретичное пространство культуры позволило ощущению присутствия Наблюдателя отразиться и в языке.** Взгляд человека встретился со взглядом Бога – и потоки надмирного света полились в душу [Лихачев 1970: 93].

Претериты в текстовом пространстве рассматриваемого Пролога функционируют слаженно, как компоненты единой функционально-семантической парадигмы, каждый из которых не только реализует свойственное ему грамматическое значение, но и выполняет определенную художественную функцию, поддерживая общую коммуникативную установку соответствующего текстового фрагмента. Зависимость выбора и распределения грамматических и лексических компонентов от соответствующей *цели высказывания, художественной и коммуникативной задач текста*, обычна для древнерусской литературы [Меречина // http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=451]. Так, Е. Е. Серёгина, рассматривая зависимость выбора грамматической глагольной формы от литературной формулы (на материале летописей), подчеркивает, что *выбор временной формы определяется не жанром, а темой текста*. Приводя убедительные примеры, исследователь пишет, что летописец *констатирует аористом, а сопереживает имперфектом* [Серёгина 2006: 5, 14]. Таким образом, «выбор временной формы зависит от общего коммуникативного задания текста, а смысловая нюансировка ее значения определяется творческим заданием автора. <...> Грамматическое значение каждый раз рождается заново в условиях художественной задачи» [Там же: 21]. Наблюдения над употреблением и семантикой глагольных форм в Прологах не позволяют усомниться в справедливости такого вывода. Применительно же к перфекту добавим: авторы

Пролога *оценивают перфектом*, то есть перфект функционирует как **форма, указывающая на максимальную аксиологичность действия.**

Смысловой потенциал перфекта, его функционирование в тексте и далее – историческая судьба этой формы во многом изначально определены собственно спецификой этой формы: перфект по значению не был собственно прошедшим временем, «поскольку он выражал действие, отнесенное и к прошлому, и к настоящему» [Кузнецов 2005: 245]. Поэтому, если «аорист обозначает самое различное действие до момента речи с точки зрения его длительности или недлительности <...>; имперфект же специально характеризует действие до момента речи длительное, обычное, повторяемое», то перфект «обозначает отношение и к моменту предшествующему, и к моменту одновременному с моментом речи, а именно: он обозначает состояние, одновременное с моментом речи, но являющееся результатом действия, осуществленного до момента речи». Причем именно перфект, как никакой другой претерит, имеет способность передавать экспрессию, категоричность и другие стилистические оттенки [Кузнецов 2002: 83].

Именно с феноменальностью перфекта связана и его эволюция, в которой отражена попытка этноса зафиксировать *необратимость осевого времени*: полученное *в результате* действия *качество* (выражаемое элевым причастием) мыслится как *необратимое* именно потому, что это качество, которое становится *постоянным признаком* того или иного предмета, лица, фрагмента действительности или мира как такового. Форма перфекта, как никакая другая форма, способна максимально полно отразить неуловимую, динамичную и вместе с тем стремящуюся к устойчивости природу человеческой личности, в которой «ее «сначала», «затем» и «наконец» должны быть и «сразу»», так, что «пространственность личности выводима из «сразу» ее онтического порядка» [Карсавин 1992: 44–45].

Что касается функционирования перфекта в рассматриваемом нами Прологе, то указанная ранее особая роль перфекта в тексте может быть актуализирована следующими сопутствующими условиями функционирования формы:

- 1) статусом субъекта действия (зачастую это Бог Отец или Господь Иисус Христос);
- 2) отнесенностью действия к важнейшим установкам христианства;
- 3) неоспоримостью, достоверностью обозначаемого действия;
- 4) необратимостью результата, который принесло обозначаемое действие, или особой значимостью результата, который принесло обозначаемое действие, для души персонажа в контексте его жизни;

5) особым статусом действия в общей композиции сюжета.

Рассмотрим примеры по каждому из названных случаев.

1. В «Памяти преподобной матери нашей Тасии» одна из употребленных форм перфекта обозначает действие Бога, который простил все грехи Тасии за ее слезные молитвы и покаяние. Старец Пафнотий возвещает Тасии: «...**Протилъ ты естъ Богъ**».

Подобным же образом функционирует форма перфекта в «Слове Иоанна Златоустаго о пуцающих жен»: ...*Но яко же Самъ положилъ естъ законъ* (о Евангельском запрете Христа отпускать жену и жениться на отпущенной).

В «Поучении о труде и о Царствии Небесном» форма перфекта встречается один раз в предложении: *Не на сию жизнь избралъ ны естъ Христос*.

2. В «Поучении о труде и о Царствии Небесном» форма перфекта используется как ключевая в формулировке, обосновывающей одну из важнейших установок христианства: *Не на сию жизнь избралъ ны естъ Христос*. В этом предложении перфектом передана идея избранности христиан для жизни, имеющей особую цель и особый смысл. Причем, с точки зрения грамматического значения формы, здесь более подоше бы плюсквамперфект. Однако указанное формой перфекта действие не остается «за рамками сюжета» (как было бы в случае употребления формы плюсквамперфекта), а распространяется из прошлого через настоящее в будущее и в далее – в жизнь Вечную. Такая семантика могла быть передана только формой перфекта.

3. В «Поучении святого Климента на Преображение Господа нашего Иисуса Христа» формами перфекта обозначены действия пророка Илии: ... *Яко и Илья вшелъ естъ. Но глаголаху еда то естъ съшелъ наки во инъ образъ*. В данном контексте у форм перфекта актуализирована эвиденциальная семантика, так как речь идет о том, в чем сомнений нет и быть не может. Именно абсолютно достоверные действия обозначены в данном случае формами перфекта.

4. Еще одна форма перфекта, употребленная в уже рассмотренном ранее тексте («Память преподобной матери нашей Тасии»), обозначает действие, совершенное Тасией, бывшей прежде блудницей. Старец Пафнотий вопрошает ее: «*Почто души человечьски потопила еси*». Данной формой обозначено действие, необратимо исказившее душу Тасии. И лишь многолетняя молитва, сопряженная с постом и покаянием, позволила очистить душу Тасии, вернуть ей первозданную чистоту, результатом чего, в свою очередь, и стало прощение, полученное от Бога. По существу в данном тексте формы перфекта соотносятся с двумя «пограничными» состояниями души Тасии – *наивысшая точка греха* (потопила много человеческих душ) и *наивысшая точка благодати* (простил Бог).

Похожий случай употребления формы перфекта наблюдаем в «Слове о монахе, хотевшем впасть в блуд». Главный персонаж повествования – монах, много лет молившийся в монастыре и стяжавший душевную чистоту, – попадает в дом богатого человека, у которого есть красавица дочь. Монах воспылал страстью к девушке. Она же, не желая его гибели, задает монаху вопрос: «*Брате, хочещи единого для часа погубити толико летъ дело и колижды аще **излияль еси** слезы да безъ греха плоть несквернену поставиши предъ Богомъ*». Форма перфекта в данном случае обозначает как раз то действие, которое монах совершал много лет (слезная молитва) и которое привело к достижению наивысшей точки в духовной жизни монаха. *Аксиологическая составляющая действия* здесь очевидна, а в повествовании это выражено с помощью формы перфекта.

Нельзя не отметить также и то, что нередко формы перфекта в указанных функциях встречаются *в прямой речи персонажей*, что, возможно, связано со стремлением повествователя имитировать особенности устной разговорной традиции употребления перфекта как ведущей, наиболее частотной претеритальной формы.

Действия, которые могут необратимо изменить душу человека, так как противоречат Закону, обозначены формами перфекта в «Слове Иоанна Златоустаго о пуцающих жен». Статус действий как «беззаконных» подчеркнут соответствующими лексическими единицами контекста: *...Ибо ко оному совокупленное поправши ко другому **пришла есть** беззаконно; ...Ея бо ни **видела** ни **слышала** от нея же ничто же люто **пострадала** то и ненавидитъ* (здесь у форм разрушенного перфекта появляется **добавочное уступительное значение**: новая жена ненавидит прежнюю, **даже несмотря на то что** не видела и не слышала ее и никак от нее не пострадала).

В «Слове о уставе мнишеска жития» формы перфекта встречаются дважды. Монах, на которого была наложена епитимья за нарушение монастырского устава, умер без покаяния и без святого Причастия, то есть случилось **непоправимое и необратимое** (заметим: *необратимость – одна из ярких характеристик времени как феномена, подчеркивающая векторность времени*). Итак, этот монах «*умерль*». Но явился во сне игумену монастыря. Игумен спросил умершего: «...*Где **еси былъ** доселе*». Здесь мы вновь видим форму перфекта в прямой речи персонажа. При этом перфект обозначает *действие чрезвычайно важное в контексте сюжета*: посмертная судьба умершего монаха очень волновала игумена, так как монах умер без покаяния и без Причастия.

Аксиологическая окраска действия, обозначенного формой перфекта, ярко проявляется и в «Слове Григория Двословца о Карпе епископе». Перфектом обозначена здесь **главная жизненная заслуга** епископа Карпа, благодаря которой он попал после смерти в Царство Небесное. Господь говорит Карпу: «...*Приидеши ко мне и отдамъ ти мзду въ Небеснемъ царьстве и со всеми еже молитву приносишь ми еси*».

5. Формы перфекта, подчеркивая **аксиологический статус обозначаемого действия**, могут быть использованы для расстановки своеобразных *внутренних границ сюжета*. Действия, обозначенные перфектом, являются в сюжете **наиболее значимыми**, делящими сюжет на относительно самостоятельные части. Так, в «Слове о святом Аполинарии» формы перфекта используются в наиболее волнующей части текста. Святой Аполинарий решил помочь доброму бедному юноше, родители которого когда-то были богатыми и милостивыми людьми, благоукрашавшими святые храмы. Щадя самолюбие юноши, святой Аполинарий дает юноше деньги под видом возврата долга. Причем оба собеседника заметно взволнованы: юноша доведен до последней черты бедности, и эта встреча жизненно важна для него, а Аполинарий тревожится, как бы юноша не догадался о его задумке и не отказался от денег (поэтому Аполинарий разыгрывает целую историю о пропавшей и найденной долговой расписке). Именно в этом диалоге святого Аполинария и юноши и встречаются формы перфекта: ...*Взя папа грамоту и прочте и глагола ему где еси былъ доселе отецъ твои и мать боле 10 летъ умеръ. Се же рече папе во истину бо владыко не имехъ азъ у себе. Но икономъ се имель у себе и ведаль*. <...> ...*паки папа понося ему глагола почто еси удръжалъ преже даль ми еси грамоты*. Подчеркнем еще раз: эмоциональность диалога, скрываемое собеседниками волнение и значимость обсуждаемого события переданы здесь именно формами перфекта.

Перфектные формы в пространстве славяно-русских Прологов, несомненно, представляли собой синкреты, семантику которых регулярно проявлял и обновлял контекст. Развитие семантики перфекта напрямую связано, с одной стороны, с развитием духовно-ментальной составляющей этноса, а с другой – с эволюцией семантики футурума. В формировании нового претерита и нового будущего времени отражено формирование христианского сознания как такового, которое, в частности, рассматривает **прошлое как проекцию эсхатологических ожиданий, связанных с будущим**. То есть не будущее осмысливается исходя из прошлого, а наоборот – аксиологический и значимостный статус действия, совершенного в прошлом, определяется тем, какова **перспектива ре-**

зультата этого прошедшего действия. Совершенно очевидно, что формирование такого взгляда на вектор человеческой жизни, устремленной в Вечность, закономерно привело к выбору на роль универсального претерита перфекта, как формы с наиболее актуализированной аксиологической составляющей.

Литература

Буслаев Ф. И. Древнерусская литература и православное искусство. – СПб.: Лига Плюс, 2001. – 352 с.

Карсавин Л. П. О личности // Религиозно-философские сочинения. Т. 1. – М.: Ренессанс, 1992. – С. 3–232.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 148 с.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. – М.: Наука, 1970. – 180 с.

Меречина С. И. Взаимодействие грамматической и лексической семантики в глагольных формах времени (на материале произведений Кирилла Туровского) [Электронный ресурс] // http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=451 (дата обращения: 12. 02. 2013).

Серёгина Е. Е. Прошедшее время глагола в древнерусском тексте: грамматическое значение и литературная формула: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГОУ. – М., 2006. – 21 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА «МУЗЫКА» В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

Н. Н. Матвеева

Казанский федеральный университет

Статья посвящена описанию основных способов вербализации семантической сферы «музыка» в поэтических текстах Булата Окуджавы. Результаты исследования позволяют ответить на вопрос, какое место занимает музыка в ценностной и языковой картине мира поэта. Установлено, что Окуджава вкладывает в понятие «музыка» особые, личностные смыслы, значительно расширяющие соответствующую семантическую сферу.

Ключевые слова: семантическая сфера, Булат Окуджава, музыка, концепт, вербализация.

Предметом нашего исследования стала семантическая сфера «музыка» в поэтических текстах Булата Шалвовича Окуджавы – советского и российского поэта, прозаика, кинодраматурга и композитора, одного из ярчайших представителей жанра авторской песни 50-80-х гг. XX века. Его творчество ознаменовало собой целую эпоху в русской культуре, став своего рода «камертоном для интонационной атмосферы времени» [Чудакова 1998: 12].

Примечательно, что уже в ранних стихах Булата Окуджавы обозначились основные черты его поэзии: удивительная простота и естественность изложения мысли, напевность и лиричность каждой строки, обязательное обращение к собеседнику и всегда искренний, дружеский диалог с ним. Особенно интересно то, что многие стихи Окуджавы, «рожденные», по словам самого поэта, вместе с музыкой, легко укладываются в песенный ритм и размер. Иными словами, стихотворения Булата Окуджавы – это чаще всего песни, созданные по законам этого жанра [URL: http://www.russian-romance.ru/Okud_rom.htm]. Стихи и песни Булата Окуджавы охватывают самые разные темы: это война и солдатская дорога, дружба и любовь, культ женщины и искусство; особенно трепетное отношение поэт испытывает к музыке.

Изучением творчества Окуджавы занимались в основном литературоведы: М. О. Чудакова, Р. Б. Гуль, В. И. Новиков и др. В лингвистическом аспекте его поэтические тексты исследованы гораздо меньше.

Цель нашей работы – выявить основные способы вербализации семантической сферы «музыка» в творчестве Булата Окуджавы. Представляется важным ответить на вопрос, при помощи каких языковых средств объективируется

понятие «музыка» как часть макроконцепта «искусство» и какое место занимает музыка в ценностной и языковой картине мира поэта.

Следует отметить, что понятие «семантическая (или номинативная) сфера» сформировалось в науке сравнительно недавно. На сегодняшний день в лингвистике существуют разные подходы к пониманию термина «семантическая сфера». Так, например, И. Е. Ким под семантической сферой понимает специфическую область моделируемой действительности, внутри которой свойства объектов одного семантического класса принципиально различны и имеют слоевую структуру [Ким 2011].

Многослойная внутренняя устроенность семантических сфер предполагает их сложную классификацию. Первой о делении семантических сфер на классы заговорила Н. Д. Арутюнова [1976]. Она различает внешнюю, наблюдаемую, и внутреннюю, закрытую от наблюдения, сферы. Из исследования Н. Д. Арутюновой вытекает, что явления внутренней сферы (психической, эмоциональной) обозначаются в языке по модели внешней сферы [Арутюнова 1976: 139–140].

Т. В. Шмелева предлагает различать четыре вида сфер: физическую, психическую / эмоциональную, интеллектуальную и социальную, каждой из которой присущи пять типов событий: существование, состояние, движение, действие и восприятие [Шмелева 1988: 14-15].

Примером столь же дробной системы сфер может послужить классификация, предложенная М. Н. Янценецкой и Н. Б. Лебедевой [1991]. Ученые выделяют физическую, физиолого-психологическую, ментально-речевую и социальную сферы. Нужно отметить, что предложенное деление касается только существительных конкретно-предметной семантики.

Особенно актуальным для науки является представление о семантических сферах в теории метафоры. Под метафорой понимается такой семантический сдвиг, который объединяет в одном языковом выражении две различные реалии, две разнородные области действительности. Так, по отношению к языковой метафоре Г. Н. Складаревская выделяет следующие семантические сферы: «предмет», «животное», «человек», «физический мир», «психический мир», «абстракция». Распределение по сферам носит у автора естественный характер: в разные сферы входят явления разных семантических классов, сферы пересекаются, не всегда логично выглядит отнесение тех или иных типов явлений действительности к той или иной сфере [Складаревская 1993].

Несмотря на разнообразие научных взглядов, в лингвистике при определении понятия семантической сферы используется преимущественно онама-

сиологический подход: от смысла к форме, от реального мира к его отражению в знаке. Все существующие классификации также сходны в том, что в них на первый план выходит внутренний мир человека. В этой связи особую актуальность представляет изучение теории и практики описания семантических сфер в контексте художественного, индивидуально-авторского творчества.

В семантической сфере «искусство», представленной в поэтических текстах Б. Окуджавы, мы выделяем следующие объекты: музыка, хореография, изобразительное искусство, сценическое искусство, кинематография, словесное искусство и некоторые другие.

Слово *музыка* характеризуется широкой лексической сочетаемостью и полисемией. Для определения его значений мы обратились к данным известных толковых словарей: Д. Н. Ушакова [1995], С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [1992] и словаря Т. А. Ефремовой [2000]. На основании этих данных мы выделили несколько значений слова *музыка*, на которые будем опираться в процессе нашего анализа. Итак, «музыка» – это: 1) вид искусства (в широком смысле); 2) исполнение и звучание музыкальных произведений; 3) звучание чего-либо вообще (переносное, метафорическое значение).

Какое же из значений лексемы *музыка* раскрывается в поэтической картине мира Булата Окуджавы? Совпадает ли оно с каким-либо словарным значением или же является индивидуально-авторским? Чтобы ответить на эти вопросы, перейдем к более детальному анализу исследуемой семантической сферы.

Ключевым понятием здесь является лексема *музыка* – в текстах стихов Б. Окуджавы встречается 36 ее употреблений. Данное понятие представлено следующими лексическими слоями:

1) ключевым словом – *музыка*, синонимми, расширяющими его значение: *мелодия*, *мотив*, *напев*, *звук*, а также их производные: «...**мелодия**, как дождь случайный...» [1: 15]³; «...трубит музыкант забытый **мотив**...» [1: 18]; «...А **звуки** вальса льются...» [1: 131]; «...**звучит** какая-то струна...» [1: 143]; «...я слышу: выводит **мелодию**...» [1: 145]; «Целый век играет **музыка**...» [1: 131];

2) словами *хор*, *песня*, *петь* (и их производными): «...вы **пропойте**, вы **пропойте** славу женщине моей...» [1: 32]; «Холодный **хор** хвои хранит молчание...» [1: 23]; «...твои руки, твои **песенки**, твои вечные глаза» [1: 55]; «...та самая главная **песенка**, которую **спеть** я не смог» [1: 145];

3) наименованиями музыкальных инструментов, их частей, их совокупностью (а также производными словами): «Когда внезапно возникает еще неясный голос **труб**...» [1: 15]; «...надежды маленький **оркестрик** под управлением

³ Здесь и далее: Окуджава Б. III. Так природа захотела. М.: Эксмо, 2006. 256 с.

любви» [1: 15]; «...**фагот**, как старый посох, стерт...» [1: 15]; «...и ударим по **струнам** тугим...» [1: 106]; «...когда я шагнул с **гитарой**...» [1: 74]; «...шли **барабанных палок** колдуны...» [1: 92]; «...в свои тихие **трубы трубя**...» [1: 29]; «В **Барабанном** переулке...» [1: 133];

4) наименованиями музыкантов / исполнителей: «Но **кларнетист** красив, как черт...» [1: 15]; «**Флейтист**, как юный князь, изящен...» [1: 15]; «...трубит **музыкант** забытый мотив...» [1: 18]; «...когда **трубач** отбой сыграет...» [1: 21]; «**Барабанщик** пестрый бантик к барабану привязал...» [1: 133]; «А в соседнем переулке **барабанщицы** живут...» [1: 133]; «**Джазисты** уходили в ополченье...» [1: 92];

5) наименованиями музыкальных жанров и форм: «...под майский **марш**...» [1: 93]; «Музыкант в лесу под деревом наигрывает **вальс**...» [1: 131];

6) музыкальными терминами: «Все **ноты** звонкие органа...» [1: 141].

Как видно из приведенных примеров, наиболее концентрированными являются 1, 3 и 4 слои семантического пространства «музыка» в поэзии Б.Окуджавы. Из этого следует, что лексемы, близкие по содержанию ключевому слову, а именно наименования лиц, входящие в семантическую сферу через понятие «музыкант / исполнитель», и наименования музыкальных инструментов входят в ценностную картину миру автора и являются для него особенно значимыми.

Кроме того, в семантическую сферу включаются также наименования, обозначающие «пространственное существование» музыки (или номинации места), среди которых наиболее частотные: *сад* (5 употреблений), *двор* (4), *переулок* (4), *улица* (3) и некоторые другие: «В городском **саду** флейты да валторны...» [1: 27]; «В Барабанном **переулке** барабанщики живут...» [1: 133]; «Веселый барабанщик с барабаном вдоль по **улице** идет...» [1: 133].

В поэтических текстах Окуджавы часто встречаются художественные тропы и устойчивые сочетания, связанные с ключевым понятием исследуемой семантической сферы. Это, например, метафорические сочетания («надежды маленький оркестрик под управлением любви», «музыкант, соорудивший из души моей костер», «большой трубы простуженная глотка»); сравнительные обороты («песенка, короткая, как жизнь сама», «мелодия, как дождь случайный», «флейтист, как юный князь, изящен»); фразеологические сочетания («музыка души», «музыка побед», «музыка печали», «музыка любви»).

Среди языковых средств, объективирующих музыкальное пространство в стихах Б. Окуджавы, можно выделить индивидуально-авторскую сочетаемость лексических единиц: «музыка атаки», «мелодия в ночи», «музыка целебная»,

«прощальные мотивы», «заезжий музыкант», «чудится музыка», «играет музыка» [Окуджава 2006].

Следует обратить внимание и на названия стихотворений Окуджавы. Примечательно, что многие его стихи носят «музыкальные» названия: «Веселый барабанщик», «Старый флейтист», «Сентиментальный марш», «Заезжий музыкант», «Арбатский романс» и многие другие. Отдельно выделяются стихи с подзаголовком «Песенка...» (38 употреблений): «Песенка об Арбате», «Песенка о бумажном солдатице», «Песенка о дальней дороге», «Песенка о моей душе» и другие. Названия сборников стихов Окуджавы также носят «музыкальный» характер: «Веселый барабанщик» (1964), «Песни» (1989), «Песни и стихи» (1989).

Исследование богатой и насыщенной в музыкальном отношении лексики в стихах Булата Окуджавы позволило нам выяснить, какие именно смыслы вкладывает автор в понятие «музыка» и как они соотносятся со словарными дефинициями. Музыка в поэзии Окуджавы – это не абстрактный вид искусства. Это преимущественно звучание музыкальных инструментов, виртуозная игра самых разнообразных исполнителей, иными словами, конкретное явление человеческой жизни. Через это восприятие поэт выходит на метафорическое осмысление музыки: музыка для него – это то, с помощью чего раскрываются глубины человеческой души.

Таким образом, анализ семантической сферы «музыка» в творчестве Б.Окуджавы позволяет утверждать, что поэт вкладывает в данное понятие особый, личностный смысл, значительно расширяющий традиционное для носителей языка толкование слова *музыка*. Разнообразные лексические средства, формирующие слои исследуемой семантической сферы, свидетельствуют об индивидуальном, «музыкальном» почерке Булата Окуджавы.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.

Гуль Р. Б. Голос надежды. Новое о Булате Окуджаве. – М.: Булат, 2004. – № 1. – С. 112–114.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 546 с.

Ким И. Е. Семантические сферы и языковое членение мира// Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 217–224.

Лирико-романтическая традиция в поэзии Б.Ш. Окуджавы. Связь поэзии Окуджавы с традицией русского романса [Электронный ресурс] // http://www.russian-romance.ru/Okud_rom.htm (дата обращения: 17.08.2016).

Новиков В. И. Авторская песня как литературный факт. Булат Окуджава // Авторская песня. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ», 2002. – С.5.

Ожегов С. И., Шведова Н. А. Толковый словарь русского языка / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.

Окуджава Б. Ш. Так природа захотела / Булат Окуджава. – М.: Эксмо, 2006. – 256 с.

Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993. – 152 с.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н.Ушакова. – М.: Русские словари, 1995. – Т. 1. – 844 с.; Т. 2. – 523 с.; Т. 3 – 714 с.; Т.4 –754 с.

Чудакова М. О. «Лишь я, таинственный певец...» // Литературное обозрение. – 1998. – № 3. – С. 10–12.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». – Красноярск, 1988. – 339 с.

Яценецкая М.Н., Лебедева Н.Б. Лексическое значение и семантические категории языка // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. – Томск, 1991. – С. 56–93.

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
ЦЕННОСТНО-ЗНАЧИМЫХ СМЫСЛОВ
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»)**

Л. Н. Мингазова, Ф. У. Галиханова
Казанский федеральный университет

В статье рассматривается языковая концептуализация ценностно-значимых смыслов, отражающих языковую картину мира. Описываются особенности языковой репрезентации ценностных смыслов.

Ключевые слова: картина мира, ценностные ориентации, языковая личность, ценностная картина мира, личностно-ориентированный дискурс.

Антропоцентрическая парадигма в качестве одного из ключевых понятий рассматривает «картину мира», определяемую в общем виде как упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном сознании. Согласно мнению В. Карасика, тот факт, что языковая картина мира включает в себя элементы действительности, оценочно осмысленные, отфильтрованные языковым сознанием, позволяет выделить ценностную картину мира в качестве аспекта языковой [Карасик 2004: 30] Он же определяет ценности как «наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения» [Карасик 2002: 167].

В современной науке о языке речемыслительная деятельность предстает в виде способа переживания, освоения, оценивания опыта в известных ситуациях жизненного мира и его материализации через дискурсивно-текстовые образования в их воздействующем качестве социальных практик через процессы формулирования значимых смыслов.

Изменения в обществе не могут не отразиться на мировосприятии человека и системе его ценностей. К примеру, конец XX века характеризуется тенденцией индивидуализма, разрыва связи времен, рост числа новых форм объединения людей на базе определенных ценностей. Именно ценности способствуют принятию решения в многочисленных ситуациях социального выбора, побуждают человека к социальной активности, выработке внутренних действий в повседневной жизни. Таким образом, в воображении человека создается субъективно значимая и понятная картина мира.

Исследователи предлагают понимать ценностные ориентации как базисный элемент культуры, источник выбора нормы поведения, основы социального взаимодействия. Ценности и их значения проявляются в языковом поведении людей.

В нашей работе в рамках личностно-ориентированного дискурса мы рассматриваем ценностно-значимые смыслы главного героя произведения «Над пропастью во ржи» Д. Сэлинджера. В романе актуальна проблема противостояния героя-подростка с его идеалами и максимализмом жестокости и подлости окружающего его «взрослого» мира.

И зарубежные, и российские критики по-разному характеризуют данный роман. У одних он вызвал положительные отклики, у других – отрицательные. В произведении показан юноша в момент становления его как человека. У подростка складывается своя система ценностей, свое мировосприятие, понятное только ему.

Для советских читателей рубежа XX века Холден Колфилд выступил символом нонконформизма, неприятия стандартного образа жизни, стандартного мышления. Например: *...I got pretty run-down and had to come out here and take it easy, this crummy place* [Salinger 1968: 27]. В переводе Р. Я. Райт-Ковалевой: *...я чуть не отдал концы, и меня отправили сюда отдыхать и лечиться, треклятого санатория; madman stuff - сумасшедшая история; David Copperfield kind of crap – Давид-копперфилдовскую муть* [Райт-Ковалева 2014: 7].

Исследователь Т. Л. Морозова в работе «Образ молодого американца в литературе США» (1965) отмечает богатство воображения Холдена. По ее мнению, «его отличает сложная духовная организация, глубокая впечатлительность и обостренная чувствительность... Герой живет обостренной духовной жизнью» [Морозова 1969: 64]. Например: *D.B. asked me what I thought about all this stuff I just finished telling you about. I didn't know what the hell to say. If you Want to know the truth, I don't know what I think about it. I'm sorry I told so many people about it. About all I know is, I sort of miss everybody I told about. Even old Stradlater and Ackley, for instance. I think I even miss that goddam Maurice. It's funny. Don't ever tell anybody anything. If you do, you start missing everybody* [Salinger 1968: 212]. – *Д. Б. меня спросил, что же я думаю про то, что случилось, про то, о чем я вам рассказывал. Я совершенно не знал, как ему ответить. По правде говоря, я и сам не знаю, что думать. Жаль, что я многим про это разболтал. Знаю только, что мне как-то не хватает тех, о ком я рассказывал. Например, Стрэдлейтера или даже этого Экли. Иногда кажется, что этого подлеца Мориса и то не хватает. Странная штука. И вы лучше тоже никому ничего не рассказывайте. А то расскажете про всех – и вам без них станет скучно* [Райт-Ковалева 2014: 192].

Автор вступительной статьи к одному из изданий романа (1998) А. Зверев обратил внимание на «простодушие, наивность, этическую незрелость» героя

Дж.Д. Сэлинджера. Например: *I don't hate too many guys. What I may do, I may hate them for a little while, like this guy Stradlater I knew at Pencey, and this other boy, Robert Ackley. I hated them once in a while-I admit it-but it doesn't last too long, is what I mean. After a while, if I didn't see them, if they didn't come in the room, or if I didn't see them in the dining room for a couple of meals, I sort of missed them. I mean I sort of missed them* [Salinger 1968: 189]. – Я очень мало кого ненавижу. Бывает, что я вдруг кого-нибудь возненавижу, как, скажем, этого Стрэдлейтера, с которым я был в Пэнси, или того, другого парня, Роберта Экли. Бывало, конечно, что я их страшно ненавидел, сознаюсь, но всегда ненадолго, понимаете? Иногда не видишь его долго, он не заходит в комнату или в столовой его не встречаешь, и без него становится скучно. Понимаете, даже скучаю без него [Райт-Ковалева 2014: 170]; ...you start missing everybody – ...и вам без них станет скучно [Райт-Ковалева 2014: 193].

Согласно отзывам отечественных критиков, характер Холдена Колфилда отмечается следующими чертами. В своих поступках он отличается живостью, смелостью, честностью, высокой нравственностью, великой любовью к людям, открытостью, равнодушием. Его внутреннюю жизнь характеризуют глубокая духовность, стеснительность, ранимость, впечатлительность, чувствительность, наивность. Поскольку ценности, которых придерживается Холден, не соответствуют ценностям, принятым американским обществом, герой становится стеснительным, обидчивым, нелюбезным.

В социальном плане, характеризуя Холдена как языковую личность, следует отметить, что это школьник, учащийся привилегированного учебного заведения, соответствующего стандартам высокого или среднего класса буржуазии.

Холден – сын преуспевающего юриста, но в осмыслении своей социальной роли герой старается выйти из рамок социальной принадлежности, стандартов, которые характерны для американского общества, оперировать общечеловеческими христианскими ценностями.

Стремление рассказчика отделить себя от мира социальных стандартов, принятых форм поведения, общения в американском обществе находит выражение в речи героя. Рефлексия героя, который приходит к высоким истинам в процессе самопознания, связана с его очищением от «нечистоты» жизни. Это сопровождается многоплановым комментарием героя, использующего различные регистры речи: от высоко пафосного до низкого грубого. Вульгарной лексики в романе немного, но сленг с различными неодобрительными значениями употребляется часто. В ходе повествования рассказчик использует разные сте-

пени оценочных значений слов. Действительность осмысливается им, в основном, негативно, поэтому оценочная лексика имеет сниженный характер.

И так как его состояние можно определить как состояние на краю пропасти, то его оценки, как правило, носят негативный характер, речь эмоциональна, экспрессивна. Этому способствует как раз использование разговорной лексики и сленга.

В финальной части романа герой пытается стереть со стены школы вульгарную надпись «Fuck you». Это важный эпизод для понимания процесса примирения героя с миром, который вызывает в нем тошноту и боль: *Some-body'd written «Fuck you» on the wall. It drove me damn near crazy... I hardly even had the guts to rub it off the wall with my hand, if you want to know the truth.... But I rubbed it out anyway, finally* [Salinger 1968: 201]. – *Кто-то написал на стене похабщину. Я просто взбесился от злости.... По правде говоря, у меня даже не хватало смелости стереть эту гадость... Но потом я все-таки стер* [Райт-Ковалева 2014: 182].

Эта надпись для героя символизирует пошлость действительности. Холден воображает, как она становится поводом для гнусного рассказа подростка, появляется во всех местах, где он пытается скрыться, даже на могильной плите. В конце концов герой приходит к выводу: *If you had a million years to do it in, you couldn't rub out even half the «Fuck you» signs in the world. It's impossible* [Salinger 1968: 202]. – *Будь у человека хоть миллион лет в распоряжении, все равно ему не стереть всю похабщину со всех стен на свете. Невозможное дело* [Райт-Ковалева 2014: 183]. Приведенное высказывание героя – одно из ключевых в романе.

Текст оригинала «The Catcher in the Rye», а также его перевод на русский язык несут на себе печать эпистемологической ситуации, то есть связанной структуры идей своего времени. Особенности языка романа стали причиной для негативной реакции многих американских читателей и литературных критиков. В тексте произведения Дж. Д. Сэлинджера присутствует большой корпус сниженной лексики, рассказчик ведет откровенные разговоры об интимных отношениях, подробностях частной жизни различных людей. Произведение, отображающее культурную и языковую среду американских подростков, многими читателями и критиками США не было принято. В то же время в СССР роман получил доброжелательные отзывы, стал символом нонконформизма, хотя мог быть запрещен как содержащий «неприкрытое неприличие» в языке рассказчика.

В процессе становления героя происходит ряд диалогов, в ходе которых имеет место рефлексия как проявление контроля над собой.

Самопознание героя осуществляется именно в процессе рефлексии над причинами коммуникативных неудач. Об этом говорит рассмотрение основных тем разговоров, определение инициаторов словесных конфликтов, выявление точек коммуникативных неудач, анализ метавысказываний рассказчика. Герой постепенно преодолевает ложь, пытается говорить правду, становится самим собой и в итоге совершает поступок, который делает другого человека – сестру Фиби – счастливым.

В зависимости от того, как меняется восприятие и оценочная квалификация индивида, меняются и особенности его ценностной концептуализации, которые отражают динамику типов ценностей в ценностной картине мира, которая зафиксирована в семантике языкового знака и выражается в дискурсе.

Литература

Вара Н. Г. Модусы ценностной концептуализации в английском рекламном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – 2(18). – С. 110–114.

Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – С. 28–32.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Лобанова А. С., Чутова Н. П. Ценностные ориентации: концептуализация понятия в контексте социальных изменений [Электронный ресурс] // Nbuu.gov.ua:сайт[/URL:http://www.nbuu.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Grani/2009_3/S3.pdf] (дата обращения: 19.10.2016).

Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

Сэлнджер Дж. Д. Над пропастью во ржи/ перевод с англ. Р. Я. Райт-Ковалевой– М.: Эксмо, 2014. – 336 с.

Salinger J. D. The catcher in the rye. – United States: Little, Brown and Company, 1968. – 214 p.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НАЗВАНИЯМИ ГРИБОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Г. А. Николаев

Казанский федеральный университет

Названия грибов в говорах и литературном языке представляют показательную составляющую языковой картины мира, отражающую культурную традицию в истории носителей языка. В статье рассматриваются основные способы номинации в микологической лексике – морфологическое словообразование и семантическая деривация. Вскрываются взаимосвязи и взаимодействие между отдельными языковыми процессами внутри цельно организованной группы слов. Научно-исследовательская методика и полученные результаты могут быть использованы при изучении других лексических микросистем. Этим определяется актуальность проведенной работы.

Ключевые слова: названия грибов, способы номинации, морфемное словообразование, семантическая деривация, синонимия, омонимия.

Грибы основательно изучены.

В. Солоухин. Третья охота

Писатель, возможно, имел в виду изученность грибов в биологической науке. Что касается названий грибов, изученности их с лингвистической точки зрения, то здесь нет пока оснований для таких оптимистических заявлений. Можно сказать, что языковеды лишь приступают к этой проблеме. Наиболее известны две работы, в которых с современных научных позиций определены основные направления лингвистического исследования названий грибов: книга В. А. Меркуловой «Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды)» [Москва 1967] и статья В. М. Маркова «Народные названия грибов» [Ижевск 1988]⁴. В. М. Марков так определяет эти направления: «Приемы образования исследуемых названий (грибов – Г. Н.), закономерности формирования синонимических рядов, лексическая омонимия, диалектная приуроченность отдельных образований, их структура, утрата начальных этимологических связей, сосуществование и взаимодействие фонетических вариантов – все это представляет большой интерес как специфическое отражение типовых отношений» [Марков 1988: 10]

По целому ряду лингвистических и экстралингвистических причин значительный интерес для науки представляют диалектные названия грибов.

⁴ Известно, что В. М. Марков обладал, кроме филологических, глубокими знаниями в области ботаники. Особенно его интересовали проблемы микологии. Он автор работ не только по особенностям номинации грибов, но и по их биологическим особенностям, типологии и т.д. [Николаев 2012: 19].

Именно здесь с наибольшей полнотой проявляются принципы и мотивы номинации грибов, словообразовательные средства и другие способы номинации в сфере этой относительно замкнутой группы слов, формирование разного рода отношений в пределах данной лексической микросистемы и т.д.

Языковым материалом для нашего исследования послужили показания «Словаря русских народных говоров» (далее: СРНГ), а также полевые записи автора, проведенные во время экспедиций в Новгородской, Псковской, Владимирской областях и в Подкавказье. Общение с живыми носителями диалектов показало, что их «грибной лексикон» шире, чем тот, что отражен в словаре, и включает общерусские названия грибов в их общенародных значениях (*гриб, груздь, волнушка, подгруздок, опенок* и др.), в то время как в словаре отражены слова, в том числе и указанные здесь, только с диалектными значениями.

В первую очередь нас, естественно, заинтересовало слово *гриб* как своего рода гипероним по отношению к названиям всех грибов. В СРНГ это гиперонимическое значение отсутствует. Слово *гриб* выступает здесь в качестве гиперонима названий грибов, используемых для сушки, варки и жарения: «*Всякий гриб с мягкой шляпкой, годный для сушки, в противоположность волнухам, груздям и рыжикам, которые имеют твердую шляпку и которых солят*» [СРНГ 1972, VII: 139]. Нередко этим словом называется белый гриб (*Boletus edulis*): *Грибов засушили мы на зиму фунтов десять, да обабков фунтов двадцать, а губ насолили ведер десять, все грузли да волменки* (Перм.); *Нонеч груздов и обабков много было, а грибов совсем не было* (Луж. Петерб.).

Этим грибам противопоставляются в говорах *губы*, грибы, идущие в соленье: *Грибы жарить, губы солить* (Ульч. Хабар., Оленина, 1956). Для таких грибов в говорах существуют своего рода собирательные названия – *соленушки* (Казан.) или *солонухи* (Твер.), *солонушки* (Моск.): *Наберешь грибов; какие жарить можно, а солонушки тока солить, грузди там, рыжики* [СРНГ 2005, XXXIX: 302]. Нередко, прежде чем солить грибы, их мелко рубили. Такие соленые грибы называли *рублянки* (Казан.). В ряде говоров «под именем гу'бы ... разумеют все роды грибов, употребляемых в пищу» (Шенк. Арх., Шикунев 1846) [СРНГ 1972, VII: 191].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово *гриб* известно в говорах и в общенародном значении. Ср. также: *Губы мало теперь называют. Все грибы больше говорят. Разны оне бывают: грузди, рыжик, масленок, бычок, еловичок, опеньши*. (Краснояр.); *Ну каки у нас грибы: белянка, рыжик, опенка* (Том.). Как видим, наряду со словом, передающим родовое понятие,

здесь присутствуют слова и с видовыми наименованиями грибов, многие из которых в этом значении не отражены в словаре.

Отсутствует в словаре и название *белый гриб* в значении *Boletus edulis*, хотя в говорах оно присутствует [Меркулова 1967:191]. «Белый гриб» – это, безусловно, фразеологизированное сочетание (фразеологизированная номинация), так как его значение не равно сумме значений, входящих в него слов. Может быть, поэтому в говорах используют для наименования белого гриба разные слова. В. М. Марков приводит в своей статье 65 наименований белого гриба в говорах [Марков 1988:25]. В то же время белыми грибами называют в говорах грибы белого цвета, а это в основном несъедобные грибы (*поганки*). Так же по цвету шляпки выделяют красные грибы, куда могут входить как грибы на жарение (белые, подосиновики и др.), так и грибы типа рыжиков и волнушек. Отдельное наименование имеется в говорах для мухомора, так как он не относится к съедобным «красным» грибам, в то же время он не относится и к «поганкам» белого цвета.

Не исключено, что в сочетании *белый гриб* вошло прилагательное *белый* в значении ‘хороший’ (ср. в СРНГ: *белая жизнь* = хорошая жизнь). И в литературном языке слово *белый* несет в своей семантике положительную (не эксплицитную) коннотацию в противоположность прилагательному *черный* (*белая кость, белая грудь, белый свет, белая горница, белая кухарка*, готовившая обед для господ и т.д. [ССРЛЯ]).

В связи с названиями белых грибов возникает необходимость рассмотреть название *испрацкий* (гриб). Ни в одном справочнике и СРНГ такого названия не отмечено. Его мы услышали во время диалектологической экспедиции во Владимирскую землю (деревня Коршуниха Вязниковского района). В СРНГ отмечены два слова, которые могут пояснить значение нашего образования: *исправский* – ‘настоящий, действительно такой, какой должен быть, представляющий собой образец’ (Нижегор.) и *працкий* – ‘настоящий, подлинный’. Мы знаем такие сочетания, как *настоящий груздь* и т.п. Скорее всего, оно обозначает действительно лучшие виды элитных грибов: *белых* (например, *боровиков*), *груздей*, *рыжиков*. В польском языке белый гриб именуется *prawdziwy grzyb* или универбатом на основе этого сочетания – *prawdziwek*. Наверное, это подтверждает высказанное предположение по поводу значения слова *испрацкий*.

В приведенных выше контекстах можно было встретить такое название гриба, как *обабок*. В говорах оно выступает как родовое по отношению к видовым названиям грибов «с губчатой нижней стороной шляпки, годящихся для сушки, жарения» [СРНГ 1986, XXI: 339]: *Те грибы, которые сушат, – обабки*

называют» (Пинеж. Арх.). К ним относят: *подберезовики*, *подосиновики*, *маслята* и даже *боровики*. В ботанической номенклатуре название *обабок* тоже является родовым (*Lecanium*) [Грибы 1980: 156]. В род *обабок* входят *подберезовики* и *подосиновики* разных видов. В народе *обабками* чаще называют *подберезовики*. У ученых нет единого мнения относительно происхождения слова *обабок*. В. А. Меркулова считает, что оно образовано от глагола *обабиться* ‘сморщиться, обмякнуть’ [Меркулова 1967: 176]. Но мы, вслед за В. М. Марковым, полагаем, что слово *обабок* образовано от слова *баба* ‘столб’ (Даль) при помощи конфикса *о...ок*, как и название гриба *опенок*; ср. *омховик* (конфикс *о...овик*), *оскор* (конфикс *о...о*). Все эти образования называют грибы, растущие вокруг того, что указано в производящей основе (*баба*, *пень*, *мох*, *скора* ‘кора’). Такая интерпретация слова *обабок* нашла подтверждение в реальной жизни: в лесу под Казанью на широкой просеке, вдоль которой шли телеграфные столбы, автор статьи обнаружил вокруг одного из столбов группу *подберезовиков*, которые образовали почти правильный круг. После этого уже не было сомнения, что *обабок* – это действительно *подберезовик*, который может расти вокруг столба («бабы»), в чем сомневалась В. А. Меркулова.

Слово *волнушка* в СРНГ тоже называет не гриб, а кушанье из запеченных соленых грибов *волнушек*. В словаре приведено 34 наименования *волнушки*, но среди них нет общенародного названия этого гриба: *во́йденца*, *во́лванец*, *волванка*, *во́лвеник*, *во́лвеница*, *во́лвенцы*, *волвёня*, *во́лвпеница*, *во́лвянец*, *волганка*, *во́лганцы*, *волгари*, *во́лгинка*, *во́лгонек*, *во́лгонка*, *во́лденица*, *во́лданцы*, *во́лденка*, *во́лденца*, *во́лдянка*, *волжаник*, *во́лжанка* *во́лжемка*, *во́лженица*, *во́лженка*, *волк*, *во́лмейя*, *во́лменка*, *во́лменца*, *во́лминка*, *во́лмяжник*, *во́лмянка*, *во́лнейка* и *волнёйка*. Конечно, большинство этих наименований связаны с определенной территорией и редко встречаются в пределах одного говора. В русских поселениях Подказанья этот гриб имеет прочное название – *во́лженка* или *во́лжанка* (их произношение одинаково – [во́лжънкъ]).

Можно предположить, что в наименовании этого гриба, известного в ботанической номенклатуре как «*волнушка розовая*, *волнянка* (*Lactarius torminosus*)» [Грибы 1980: 232], имела место так называемая «народная этимология» как в литературном языке, так и в диалектном. Этимологи связывают происхождение слова *волнушка* (*волнуха*) с праславянским **vьlna* ‘шерсть’, так как шляпка гриба покрыта волосками [Меркулова 1967: 172]. Однако, несмотря на наличие в языке слова *волна* ‘шерсть, волосы’, связь его с названием гриба отсутствует. Разрушение этимологических связей этих двух слов констатирует и В. А. Меркулова, объясняя причину появления большого количества вариантов

названия гриба в диалектах [Меркулова 1967: 173]. На основании народно-этимологического сближения слова *волнушка* со словом *волна* 'волнистая линия' название гриба стали толковать как «гриб с волнистой розовой или белой шляпкой» [ССРЛЯ; то же в КрЭС].

Что касается названия *во́лженка* или *во́лжанка*, широко распространенного в говорах Владимиро-Поволжской группы, оно (через народную этимологию), возможно, связано с названием реки Волги (грибы в волжских лесах), о чем косвенно свидетельствует другое наименование волженок – *волгари* [СРНГ].

Обилие в местных говорах грибных названий связано, как мы видели на примере наименований *Lactarius torminosus*, с разными названиями одних и тех же грибов на разных территориях, занимаемых носителями русского языка. Возникает вопрос о синонимических отношениях в сфере этих номинаций. Наиболее тесные синонимические отношения наблюдаются в пределах одной группы говоров. Но можно говорить о синонимии названий грибов и в плане общедиалектном на материале СРНГ, связывая его показания с фактами литературного языка. Кстати, мы не имеем пока ни одного исследования, сопоставляющего общерусские и диалектные грибные номинации.

Как уже было отмечено, в СРНГ нет среди названий грибов слова *опенок*. Здесь оно обозначает корень гнилого зуба. Название гриба замещают слова: *опенка, опеныш, опенышек, опеньки, опенята* (!). Последнее название весьма показательно для грамматического оформления этого слова. Существительное *опенок* образовано, как было замечено, на базе слова *пень* при помощи конфикса *о...ок* и имело словообразовательное значение 'расположенный вокруг того, что указано в производящей основе' (т.е. вокруг пня). Закономерная форма множественного числа этого слова – *опенки*. Она присутствует и в литературном русском языке, и в говорах. Ср.: *Иван Иванович подошел к водке и, закусивши хлебом с солеными опенками, оборотился к Ивану Федоровичу* (Гог. Ив.Фед.Шпонька); *Опёнки – сушат, суп варят, пироги пекут* [СРНГ 1987, 23: 249]. Однако в последнее время она скорее является архаичной по сравнению с более регулярной формой *опята*. И эта форма зафиксирована во всех языковых сферах. Ср.: *...лукошко рыжичков да опят набрала в осинничке* (Леон. Русск.лес); *Опята отварят, порубят и с луком едят* [СРНГ1987, 23: 325].

Известно, что аналогией для формы *опята* стали имена типа *телята, поросята* (бывших славянских **t*-основ), получившие в ходе развития системы русского склонения суффикс *-онок* в единственном числе. Слово *опенок*, в котором нет такого суффикса, а финаль его включает часть основы (*-ен-*) и аф-

фикс *-ок*, подверглось ложной грамматической аналогии. Не исключено, что образцом для этой аналогии стало название гриба *масленок* – *маслята*, в котором действительно есть суффикс *-онок*. Но и для этого слова форма *маслята* не является закономерной, так как она выделяется в словах со значением детенышей животных. Грамматическими особенностями отдельных лексических единиц занимается разработанный казанскими историками языка раздел науки – *грамматическая лексикология* [Грамматическая 1978]. Объектом ее могут стать и грамматические формы названий грибов.

Исследователи отмечали наличие в сфере названий грибов модели семантического словообразования «животное → гриб», которая «может выражать отношение сходства по любому признаку: форме, цвету, свойствам и т.д.» [Меркулова 1967: 157]. В некоторых случаях эти отношения сильно затемнены и пока не поддаются осмыслению: *бычок* (валуй), *волк* (волнушка), *кобыла* (съедобный, но невкусный гриб), *козел* (масленок), *конек* (белый сухой подгруздок), *корова* (белый гриб), *курочка* (съедобный гриб), *лисичка*, *свинушка* и др.

Известны и другие модели семантического словообразования в названиях грибов, среди которых продуктивна модель «не гриб → гриб», т.е. название гриба на основе чаще всего метафорического переноса с названия конкретного предмета: *волна* (волнушка), *колтак* (один из видов шампиньонов), *копытцы* (черные грибы), *кринка* (сыроежка), *пальцы* (вид грибов), *поплавок* (диал.: сыроежка – Петерб., шампиньон – Калуж., белый гриб – Калинин.; в ботанической номенклатуре – особый род съедобных грибов) и др. Безусловно, здесь мы имеем дело с омонимией, а не полисемией, поскольку составляющие этих пар входят в разные лексические группы и различаются денотативно.

Основным способом образования названия грибов является, однако, морфологический, морфемный способ, и в первую очередь – суффиксация. В. А. Меркулова обстоятельно описала все способы суффиксации в названиях грибов, поэтому мы остановимся на конфиксальном и префиксальном способах образования грибных названий. Выше мы уже рассмотрели один конфиксальный способ в именах типа *о-баб-ок*. Наиболее продуктивными являются конфиксальные типы с препозитивным элементом *под-*: *подберезовик*, *поддубовик*, *подореховик*, *подосиновик* (конфикс *под...овик*); *подъёлочник*, *подолешник*, *подосинник*, *подорешник* (конфикс *под...ник*); *поддубовник*, *подольховник* (конфикс *под...овник*); *поддубень* (конфикс *под...ень*), *подъельши* (*под...ьши*), *поддубешка* (*под...ешка*), *подолешница* (*под...ница*); *подольховка* (*под...овка*). Все эти слова мотивируются названиями деревьев и «называют грибы по их отношению к породам деревьев, под которыми они вырастают» [Русская грамматика 1980, I:

238]. Названия грибов, у которых постпозитивная часть конфикса включает элемент *-ов-*, могут мотивироваться также и прилагательными (*подольховник* – гриб, произрастающий в *ольховом* лесу), на уровне неединственной мотивации. Можно предположить, что генетической основой этих образований (в «доконфиксный» период) были предложно-падежные формы творительного падежа (под чем: *под березой* и т.п.).

В связи с тем, что под деревом, указанным в производящей основе, могли вырасти разные виды грибов, соответствующее производное слово могло обозначать разные грибы (особенно на разных территориях). Так, *подореховиком* называют белый гриб (Новг.) или пластинчатый гриб (Нижегор.), *подосён* (конфигкс *под...ø*) – белый гриб (Твер.), *подосиновик* (Калин.), *подъельши* – рыжик, растущий в ельнике (Новг., Олон.), белый гриб (Калин.), гриб, растущий под елками (Онеж.) и т.п. Мы относим эти факты к омонимии, возникшей в результате случайного совпадения номинаций разных, хотя и родственных, реалий.

Отмечен в говорах префиксальный способ образования названий грибов с участием приставки *под-*, которая присоединяется к слову со значением гриба; производное слово называет гриб, «подобный названному мотивирующим словом, но не являющийся им в полной мере» [Русская грамматика 1980, I: 234]: *подгрузд*, *подгруздь*, *подкоровник*, *подмолочник* и др. То же значение оформляется и конфиксальными формантами: *под-грузд-ок*, *под-груз-ень*, *под-гриб-ень*, *под-гриб-ец*, *под-груз-ник*, *под-груз-ок* и т.п. В данном случае генетической основой этих образований (в древний период) были сочетания предлога *под* с винительным падежом имени (подо что: *под груздь*).

Возвращаясь к вопросу об омонимии в сфере названий грибов, отметим, что она могла возникать в результате выбора мотива номинации какого-то общего признака у разных грибов. Например, цвет шляпки положен в основу названия целого ряда грибов: *белянка* – 1) белая волнушка (Казан.), 2) белый гриб (Арх., Пенз., Тамб.), 3) белая поганка, растущая около белых грибов (Яросл.); *желтушка* – 1) волнушка (Ср.Урал), 2) лисичка (Волог., Ряз. и др.), 3) гриб горянка (Твер.). Грибы, названные по времени их появления, когда колосится рожь, – *колосовики*: 1) белый гриб (Новг., Пск. и др.), 2) ранний подберезовик (Петерб.), 3) любой ранний гриб (Моск., Воог. и др.). Словом *молочник* названы на основании особенностей строения гриба: 1) сыроежка (Арх.), 2) груздь (Пск., Петерб.), 3) белый гриб (Вят.), 4) рыжик (Курск.), 5) любой гриб, выделяющий на разломе млечный сок (Прикам., Ср.Урал).

В заключение отметим, что за рамками данной статьи остались многие проблемы, связанные с лингвистическим изучением грибных названий. Здесь

же укажем, что микологическая лексика представляет весьма яркий фрагмент языковой картины мира, отражающий культурную традицию в истории носителей русского языка.

Литература

Грамматическая лексикология русского языка (коллективная монография) / Науч. ред. В. М. Марков, И. Э. Еселевич. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1978. – 190 с.

Грибы СССР / Отв. ред. М. В. Горленко. – М.: Мысль, 1980. – 304 с.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1961. – 404 с. – КрЭС

Марков В. М. Народные названия грибов // Синонимия и смежные явления в русском языке: межвузовский сборник. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1988. – С. 9–26.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). – М.: Наука, 1967. – 260 с.

Николаев Г. А. Виталий Михайлович Марков (1927-2010) / К 200-летию Казанского университета / Выдающиеся ученые Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2011. – 24 с.

Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. I. – 784 с.

Словарь русских народных говоров. – Л. (СПб): Наука, 1965–2006. – Т. I. (Продолжающееся издание). – СРНГ

Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950–1965. – ССРЛЯ

**САКРАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ
В РОМАНЕ Г. СЕНКЕВИЧА «КРЕСТОНОСЦЫ»
И В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

М. О. Новак, В. М. Берестова
Казанский федеральный университет

В статье сопоставляются сакральные номинации в романе Г. Сенкевича «Крестоносцы» и его переводе на русский язык. Выявляются и интерпретируются случаи лексической лакунарности, различия, обусловленные богословскими предпосылками религиозной картины мира, а также факты расширения текста в переводе как результат обращения переводчика к церковнославянскому узусу с целью придать тексту дополнительную стилистическую окраску.

Ключевые слова: Генрик Сенкевич, исторический роман, перевод, религиозная картина мира

Статья посвящена проблеме отражения элементов религиозной картины мира в художественном тексте и его переводе. Объектом изучения является роман выдающегося польского писателя Генрика Сенкевича «Крестоносцы» и его перевод на русский язык.

Польша в конце XIX – начале XX века была зависимой от соседних государств. Генрик Сенкевич, писатель с активной гражданской позицией, решил, «к укреплению сердец» («ku rokrzerieniu serc»), напомнить соотечественникам об эпохе могущества и расцвета страны с помощью исторического описания конфликта Ягеллонской Польши конца XIV – начала XV вв. с Тевтонским орденом и последовавшей за ним Грюнвальдской битвы (1410 г.). Хронотоп произведения потребовал использования специальной лексики: архаичной, воинской, бытовой и т.д. Важное место в романе Сенкевича занимает церковная лексика – упоминание святых и Бога, прямое и не прямое цитирование Библии, поскольку в Средневековье христианская вера и церковные практики занимали большое место в жизни европейцев.

Нас заинтересовало соотношение религиозного мироощущения в католической и православной традиции, выраженное в сакральных номинациях, представленных в оригинальном тексте романа и переводе Е. В. Егоровой. Мы ставим целью проанализировать русские и польские сакральные номинации и составить представление о религиозной картине мира двух славянских народов. Для выполнения поставленной цели требуется отобрать и классифицировать материал и соотнести его, по мере необходимости, с текстами христианской литературы. Актуальность выбранной темы обусловлена глубокой культурной

связью религии и мышления, сильным влиянием церковных текстов на мироощущение и миропонимание славян. Стоит отметить, что в ходе анализа научной литературы подобных работ обнаружено не было.

Для переводчиков понимание смысла как свободного, так и идиоматического сочетания возможно посредством проникновения в языковую картину мира автора. Из-за сложности лингвистических и экстралингвистических процессов порой непросто найти эквиваленты для передачи, прежде всего, идиоматических выражений. Вместе с тем при переводе возникает потребность в сохранении единого смыслового фона для передачи «народного духа», особенностей культуры.

Достаточно яркую этнолингвистическую специфику имеет, как правило, форма приветствия. В романе «Крестоносцы» в приветствиях активно упоминается Христос, что говорит о глубоко религиозном мироощущении средневековой Европы.

Рассмотрим структуру польского приветствия и его генезис.

Первая фраза *Niech będzie pochwalony Jezus Christus!* и ответ *Na wieki wieków, amen!* имеют несколько вариаций, где могут отсекаются составляющие:

Pochwalony Jezus Chrystus!;

Niech będzie pochwalony;

Pochwalony;

Na wieki wieków.

Русский коррелят в грамматическом плане не равен сложной конструкции польского императива со страдательным причастием и представляет собой номинативное односоставное предложение: *Слава Иисусу Христу!*, где глагольную составляющую с позиции наклонения проанализировать не представляется возможным.

С исторической точки зрения *Niech będzie pochwalony Jezus Christus!* восходит к латинскому *Laudetur Jesus Christus*, где изначальное выражение использует глагол в *praesens conjunctivi passivi* 3 лица ед.ч. и переводится как «Хвалил бы он / пусть он хвалит Иисуса Христа». Идиоматическое сочетание в значении призыва (*conj. imperativus*) стало широко распространенным и осталось функционировать в качестве приветствия в католическом мире.

Не менее интересна и другая форма, частотная у Сенкевича, – идиома *Bóg zapłać*, выражающая благодарность. Она переводится как «Спасибо»; «Да вознаградит вас Бог».

Вариантность объясняется тем, что в русском языке прямого аналога такой формулы благодарения нет. Русское *спасибо*, образующееся по формуле:

спаси + *бог* подразумевает душевное спасение, а не вознаграждение, как в польском. Такое расхождение во внутренней форме объясняется на концептуальном уровне.

В католичестве на протяжении столетий происходило отождествление духовных даров с материальными благами. Учение о спасении в западной традиции предполагает, что для получения спасения после смерти его нужно «заработать», заслужить. Восточная же традиция учит, что спасение, как обновление человеческой природы во Христе, избавление от греха и смерти, дается по благодати – по милости и любви Божией (подробнее об этом см. [Огицкий// <http://www.portal-slovo.ru/theology/37692.php>]). Таким образом, богословские импликации отражаются в узусе оригинала и перевода.

Для христиан молитва является одним из самых важных аспектов жизни, поэтому в романе Г. Сенкевича многочисленны эпизоды, где герои обращаются к Богу либо упоминают Вседержителя.

В первой главе романа упоминается идиоматическая форма: *Tak mi dopomóż Bóg i Święty Krzyż*, которая означает желание заручиться поддержкой Бога и Святого Креста, а также выражает непереносимость и аксиоматичность этой поддержки. Из-за варьирования контекстуальных смыслов польский оборот переводится по-разному.

Так один из главных героев – рыцарь Мацько из Богданца, говорит про французов: *Они всех переговаряют, а наши, как Бог свят, всех побьют (Tak mi też dopomóż Bóg i Święty Krzyż, jako tamci przegadają, a nasi pobiją)*. Перевод отражает значение неопровержимого, правдивого факта, однако следует заметить, что во второй главе племянник Мацька – Збышко из Богданца, употребляет идиому в совершенно ином контексте: *Так да поможет мне господь Бог и крест святой, свой обет я повторю ксендзу в костеле (Tak mi dopomóż Bóg i Święty Krzyż; którego ślub w kościele przed księdzem powtórzę)*. Видно, что переводчик на этот раз более строго следовал оригиналу, и мы наблюдаем явное желание героя исполнить задуманное.

Частотны также случаи, когда переводчик романа Е.В. Егорова вводит в текст церковнославянские элементы, не имеющие прямых эквивалентов в оригинале, с целью усилить стилистическую составляющую перевода. Например: *«Бог везде может послать счастье, – смягчился, наконец, Мацько, – помолись, чтобы ниспослал тебе свое благословение» («Bóg wszędzie może poszczęścić – rzekł wreszcie udobrunachym głosem Maćko – proś, żeby ci błogosławił»)* (глава 2).

В польском оригинале используется форма: *...żeby ci błogosławił (...чтобы тебя благословил)*, тогда как русский перевод расширяет текст: *чтобы ниспо-*

слал тебе свое благословение. Глагол *ниспослать* (*низъпослати*), сложная структура которого обусловлена, как правило, структурой греческих соответствий, известен славянской книжности с древнейших времен, где употреблялся по преимуществу в молитвословиях, например: *щедроты твоя низъпосли на ны* [SJS II, 2: 426]. Архаичность и принадлежность данного глагола к высокому стилю очевидна для носителей русского языка. Симптоматично, что, по данным Национального корпуса русского языка, в большинстве случаев формы глагола *ниспослать* используются в сочетаниях *ниспослано Богом*, *ниспослано свыше* (*Высшими силами*), *ниспослано доброй силой*, *ниспослано с небес*, *ниспослано судьбой*, *ниспослано природой*, при этом наблюдается некоторый рост употребления этих форм в начале XXI века⁵.

При обращении к княгине Мазовецкой Анне Дануте в третьей главе аббат в Тынце желает ей: *Да ниспошлют тебе здравие, благоденствие святой Бенедикт из Нурсии, святой Маурус, святой Бонифаций, святой Бенедикт из Аниана и Иоанн из Фтоломеи, покровители наши, вкушающие вечное блаженство, и да благословят тебя семь раз на дню во вся дни живота твоего!* В оригинале находим: *Niechaj św. Benedykt z Nursji, św. Maurus, św. Bonifacy i św. Benedykt z Aniane, a także i Jan z Tolomei – patronowie nasi w światłości wiekuistej żyjący, obdarzą cię zdrowiem, szczęściem i niechaj błogosławią cię po siedem razy dziennie, przez wszystkie czas żywota twego!*

В ходе параллельного анализа отрывков выявляется ряд особенностей перевода. Во-первых, Е. В. Егорова намеренно использует неполногласную форму *здравия* в целях стилизации, по той же причине наблюдается параллелизм между польским существительным *счастье* (*szczęście*) и русским словосложением, с неполногласным элементом в одной из основ, *благоденствие*.

Во-вторых, формы *...во вся дни живота твоего..* и *...wszystek czas żywota twego!* используют разные временные пространства. В польском оригинале имеется в виду значение «во всякое время твоей жизни», тогда как русский вариант использует формулу, которая является конкретизирующим наращением. Грамматически *во вся дни живота твоего* представляет собой церковнославянский устойчивый оборот с архаическими флексиями. Встречается он, например, в Евангелии от Матфея (28, 19-20): *19 шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, 20 учаще их блюсти вся, елика заповедах вам: и се аз с вами есмь во вся дни до скончания века. Аминь* [Цитата // <http://jesuschrist.ru/software/#.UjHx3MbQmt0>]. Используя такой оборот, пере-

⁵URL: <http://search2.ruscorpora.ru>.

водчик также достигает эффекта архаизации, значимого для передачи речи духовного лица.

Далее Анна Данута сообщает аббату: ...*Мы прибыли сюда к обедне и предадим вся своя и себя в руки их* (вышеназванных святых. – Авт.). Отдельного внимания заслуживает конец фразы. Польский оригинал ...*ich opiece się oddamy* может быть переведен как «отдадимся их опеке», однако предикат: «отдаться» в русском сознании может вызывать двоякие стилистические ассоциации, как высокие, так и иронически сниженные.

Видимо для того, чтобы избежать этой двусмысленности, переводчик использует церковную формулу: ...*предадим вся своя и себя в руки их*. Но тогда княгиня Анна Данута и ее подданные уже выступают не совсем инициаторами действия из-за отсутствия возвратности. Обращает на себя внимание и неполногласная приставка *пре-* в глагольной форме.

Оборот *вся своя* не имеет соответствия в оригинале и представляет церковнославянские формы местоимений (винительный падеж множественного числа среднего рода). Расширение конца фразы *в руки их* также продиктовано высоким церковным стилем и только намекает на «опеку» оригинала.

Превращения *опеки Господней* в *Его руки* наблюдается также, когда Збышко молится о войне с крестоносцами (глава 3). Автор говорит, что он ...*предавал себя в руки господа*, хотя в оригинале он *połecał się opiece boskiej* «поручал себя опеке Божьей».

Когда герои молятся в костеле, Анна Данута *устремляет взор к таинственному и предвечному вседержителю*, тогда как в оригинале она *wznosiła oczy ku tajemniczej i niemerzonej potędze* «возносила очи к таинственной и неизмеримой силе».

Для объяснения разительных, на первый взгляд, отличий следует обратиться к общекультурному контексту. Понимание Бога как Силы восходит к ранней латиноязычной христианской литературе, в частности, толкованиям блаженного Августина на Евангелие от Иоанна. Там встречается форма *Onnipotens*, что значит *Всемогущий* и соответствует греческому *Παντοκράτωρ* [Сергеев 2016]. Русский перевод, и здесь используя потенциал православной книжности, называет Господа *Вседержителем*. Таким образом, для православной картины мира сила Бога не на первом месте; важнее, что Он *держит* весь мир и каждого человека своей любовью.

Один из центральных персонажей – Збышко из Богданца, прося заступничества у Бога, в русском переводе говорит: *А я, грешный раб твой Збышко...*, но в польском оригинале наблюдаем просто *grzeszny Zbyszko*. Перед нами снова

расширение текста, обязанное своим появлением церковнославянскому устойчивому употреблению.

В молитве молодой рыцарь просит Бога стереть крестоносцев *с лица земли*, и это также чисто библейское словосочетание. Так, например, в книге Бытия сказано: *...Но пар поднимался с земли и орошал все лице земли* (Быт. 2, 6). Польский оригинал: *I nam błogosław, a ich zetrzyj...* не содержит лексического соответствия существительного *лицо*.

Таким образом, видно явное стремление переводчика «перенаправить» текст в русло православной церковнославянской книжной традиции.

По дороге из Тынца в Краков в четвертой главе набожная Анна Данута, испуганная рассказами и шутками о Вальгере Прекрасном (по преданию, призрак этого рыцаря можно увидеть на дороге), говорит: *«A słowo stało się ciałem! – zawołała księżna. – Nie powiadajcie byle czego!»* «А слово стало телом! – сказала княгиня. – Не говорите чего попало!». В этом отрывке видна явная аллюзия на Евангелие от Иоанна, где говорится о воплощении Бога (Ио.1). Однако переводчик игнорирует метафорическую составляющую польского контекста и дает идиоматическое выражение, соответствующее русскому узусу: *«Свят, свят, с нами крестная сила! – воскликнула княгиня. – Не болтайте попусту Бог весть что!»*, – дополнительно расширяя текст фразеологизмом *Бог весть что*.

Случаи неточного перевода заставляют задуматься о различиях в русско-польской идиоматике.

Фраза: *Что ж! Все мы под Богом ходим!*, которую произносит со вздохом Збышко в той же четвертой главе, не совсем соотносится с фразой в оригинале: *A cóż! Moc boska nad ludźmi!* «Сила Божия над людьми [есть]!». Буквальный перевод сделал бы контекст малопонятным для носителей русского языка, поэтому переводчик использует здесь более привычную идиому.

Различия католической и православной традиций также обнаруживаются в высказываниях типа: *«Боже мой!»*, *«Господи!»*, *«Иисусе!»*, которые в польском языке обладают большим количеством вариантов (*«Christ!»*; *«Na miły Bóg!»*; *«Boga mi!»*; *«Tak Bóg daj!»*; *«O, jak mi Bóg miły»*; *«Hej, mocny Boże!»*; *«Jezu! Jezu! Jezu!»*; *«Miły Jezu»*; *«O, dla Boga!»*; *«Prawda, jako Bóg na niebie»*; *«Jak mi Bóg miły, prawda!..»*; *«Jak Bóg na niebie...»*; *«Hej! Jezusiczku, coś się dziś narodził...»*; *«W imię Boże»*). Некоторые из них остаются без перевода. Казалось бы, пласт обращений к Богу посредством междометных и идиоматических восклицаний сильно сокращается в русском переводе. Однако такая асимметрия связана с частичным или полным отсутствием интимности в обращениях к Богу в православной традиции. Для носителя русского языка было бы немыслимо

употребить обращение к богомладенцу Христу, какое Сенкевич вкладывает в уста своей героини: *Иисусичек, ты, что сегодня родился...* (*Hej! Jezusiczku, coś się dziś narodził...*) (глава 27). Столь же непривычным для русской традиции был бы буквальный перевод обращения *Miły Jezu* «Милый Иисус». В католичестве нормален более высокий «градус» эмоциональности в молитве, тогда как в восточной ветви христианства преобладает аскетическая сдержанность.

Доказательство собственной правоты выражается в польском тексте посредством выражений *Prawda, jako Bóg na niebie* и *Jak mi Bóg miły, prawda!...*, которые Е. В. Егорова переводит как *Правда, истинная правда; Ей-ей правда!..* или *Истинный Бог, правда!* Когда говорится: «*Как Бог мне мил, правда!..*», подразумевается «Бог действительно любим мною, в этом нельзя сомневаться», то есть подчеркивается личное отношение к Богу. В переводе снова устраняется этот личный момент и на первый план выходит истинность Бога, с которой отождествляется правота говорящего.

В тексте Сенкевича обращения к Богу нашли отражение не только в субстантивных формах, но и в глагольных. Примером тому служит архаическая форма *bogdaj*, представляющая собой сращение (*Bog + daj*, ср. русское *дай Бог*). В современном польском языке осталась только форма 2-го лица, ед.ч.: *bogdajś*, которая, как правило, выражает предположение, пожелание или проклятие. Однако в романе встречаются контексты, говорящие об употреблении формы в полной парадигме лица. Прежде чем рассмотреть их значение подробнее, стоит отметить, что Е.В. Егорова из-за отсутствия прямого или переносного эквивалента переводит фразы с *bogdaj* по-разному, но, опираясь, в целом, на эмоциональную окраску оборота в каждом конкретном случае.

Обратимся к анализу. Форма 3-го лица в пятой главе *Bogdaj na sądzie ostatecznym łaskawej-ć osądzono!* переводится: *Чтоб тебя на страшном суде милостивей осудили!* Некий рыцарь обращается не напрямую к крестоносцу Куно Лихтенштейну, а будто произносит эту фразу про себя. В шестой главе, где Мацько ругается со Збышком, используется форма 2-го лица: *Bogdajeś ty się był nie rodził* «Дай тебе Бог не родиться». На русский язык такое сложное сочетание было переведено наиболее близкой идиомой: *Лучше б тебе на свет не родиться*, подобранной достаточно удачно, без сильного усечения внутреннего смысла.

В случае со значением желательности действия героями используются формы 1-го лица в ед. и во мн. числе, и на русский они переводятся оборотом **дай-то Бог**. Так, в девятнадцатой главе продавец святынь Сандерус говорит: *Дай-то Бог, чтобы я ошибался, но, сдастся мне, он* (выгнавший Сандеруса аб-

бат. – Авт.) заражен еретическим учением Вуклифа (*Bogdajbym niestusznie mniemał, że heretycką nauką Wiklefa zarażon*). В тридцатой главе Збышко говорит: *Дай-то Бог застать их в Сныхове! (Bogdajeśmy ich zastali w Sprychowie!)* про посланников крестоносцев. Рыцари ордена украли его невесту, и теперь молодому рыцарю может помочь только Бог в деле ее спасения.

Таким образом, нами были проанализированы сакральные номинации и апелляции в оригинальном тексте романа Г. Сенкевича «Крестоносцы» и его русском переводе. Было установлено, что переводчик при передаче понятий и идиом религиозной сферы опирается на церковнославянские формы, часто расширяя исходный текст с их помощью, что свидетельствует об актуальности данного стилистического регистра для русского узуса. Отмечены также многочисленные факты лексической лакунарности, которая определяется различиями в религиозной картине мира и преодолевается переводчиком за счет отхода от контекстуального смысла оригинала.

Литература

Огицкий Д. П., Максим Козлов, прот. Римско-католическое учение о спасении [Электронный ресурс] // Слово: Образовательный портал [сайт] // URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/37692.php> (дата обращения: 22. 10. 2016).

Сенкевич Г. Крестоносцы / перевод Е. В. Егоровой. – М.: АСТ, Пушкинская библиотека, 2007. – Т. 1. – 654 с.

Сергеев А. Пантиократор-Вседержитель в Трактатах блаженного Августина Гиппонского на Евангелие от Иоанна как доказательство равенства Бога-Отца и Сына Божия, или Знали ли святые равноапостольные Кирилл и Мефодий толкование на Евангелие от Иоанна блаженного Августина?: Доклад на заседании кафедры библеистики СПбДА 28. 01. 2016 [Электронный ресурс] // URL: <http://bible-spbda.info/researches/20160128-pantokrator/alexey-sergeev-pantokrator.html> (дата обращения: 15.10.2016).

Цитата из Библии [Электронный ресурс] // Софт-твари: бесплатный христианский софт. JesusChrist.ru: сервер христианского общения [сайт] // URL: <http://jesuschrist.ru/software/#.UjHx3MbQmt0> (дата обращения 15.10.2016).

Sienkiewicz H. Krzyżacy. T. I [Электронный ресурс] // Fundacja “Nowoczesna Polska” [сайт] // URL: <http://wolnelektury.pl> (дата обращения: 15. 10. 2016).

Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). – I–IV. – Praha: ČSAV 1966–1997. – 654 с.

СИСТЕМА СЛОВАРНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ БЕЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Г. М. Нуруллина

Казанский федеральный университет

Статья посвящена изучению безэквивалентной лексики на уроках русского языка с целью обогащения словарного запаса учащихся, воспитания толерантного отношения к культуре и традициям изучаемого языка; в работе предложена система словарной работы на уроках русского языка.

Ключевые слова: словарная работа, безэквивалентная лексика, урок русского языка, лингвометодика, русская культура, реалии.

«Взаимосвязь языка и культуры, широкий взгляд на язык как на достояние духовного богатства народа, подход к языку как культурно исторической среде, формирующей языковую личность, – один из основополагающих методических принципов», – справедливо полагает Л. Г. Саяхова [2009: 5]. Вместительность знаний – язык – закрепляет в своих единицах, прежде всего в словах и фразеологизмах, исторический опыт народа, отображает его внутренний мир и своеобразие менталитета, обеспечивает преемственность и единство культурной традиции. «Язык никак не должен преподаваться в качестве формальной системы. <...> Преподавать язык – значит в конечном итоге преподавать культуру» [Леонтьев 2007: 11].

Работа со словом на уроках русского языка направлена на обогащение речи школьников, приобщение к пониманию эстетического качества слова, уважительному отношению к ценностям русской культуры [Килина 2016; Нуруллина 2016]. Ключевыми понятиями современного учителя-словесника становятся такие понятия, как языковая картина мира, национально-культурный компонент значения лексических единиц и фразеологии, безэквивалентная и фоновая лексика, национальные образы и символы, концепты русской культуры, прецедентные тексты.

Безусловно, особое место в этой новой для учителя-словесника терминосистеме занимает безэквивалентная лексика – «слова, план выражения которых невозможно сопоставить с какими-либо лексическими понятиями» [Верещагин, Костомаров 2005: 56]. К группе безэквивалентной лексики прежде всего относятся слова, обозначающие специфические предметы и явления в жизни данного культурно-языкового сообщества, например, слова *спикер*, *эсквайр*, *крикет* прочно ассоциируются с английской культурой; слова *икеба-*

на, сакура, гейша – с японской; слова *изба*, *лапти*, *армяк* – с историческим прошлым России. Особое место в системе безэквивалентной лексики принадлежит слову *матрешка* – символу семейного очага и гостеприимства русского народа, символу России.

Изучение безэквивалентной лексики на уроках русского языка начинается с семантизации самого слова. В специальной методической литературе вслед за М. Т. Барановым указывается: «Тот или иной звукокомплекс (материальная оболочка слова) становится для человека двусторонней единицей – словом, после того как этот звукокомплекс соединяется в его сознании с реалией (предметом, признаком, действием, количеством), приобретая при этом лексическое значение (смысл). В процессе овладения языком происходит постоянное сближение, соединение незнакомого звукокомплекса и реалии, которые приводят к увеличению словарного запаса человека, в том числе ученика» [цит. по: Методика 2001: 244–245].

При изучении безэквивалентной лексики в школе важно разъяснить толкование самого слова в лингвокультурологическом аспекте, поскольку основная цель уроков русского языка – «это погружение в мир русского языка и русской культуры» [Нуруллина 2015: 27]. В этих целях можно воспользоваться данными лингвокультурологических словарей. Так, в словаре «Русское слово – русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум» мы находим следующее определение *матрешки*: «Русская игрушка, деревянная ярко раскрашенная кукла полуовальной формы, полая внутри, в которую вкладываются такие же куклы меньшего размера. Название произошло от уменьшительно-ласкательной формы русского женского имени Матрена, которое было широко распространено в прошлом в крестьянской среде. Матрешка появилась в 90-х годах XIX века. Первоначально ее делали только в Сергиевом Посаде – старинном центре игрушечного промысла. Сейчас матрешку изготавливают на многих фабриках и предприятиях народно-художественных промыслов» [Русское 2010: 62].

Далее важно провести работу над эмоционально-экспрессивными средствами языка, поскольку «работа над выразительностью речи развивает у учащихся языковое чутье, интуицию и образное мышление» [Архипова 2004: 114]. Безусловно, художественное наблюдение над словом обогащает речь школьников, приобщает к пониманию эстетического качества слова, приобщает к толерантности к ценностям русской культуры. По мнению К. Б. Бархина, «в словарной работе необходимо обратить внимание ребенка на то или иное выражение или слово в контексте, метко и сильно обрисовывающее явление или предмет» [Бархин 1937: 286]. В качестве дидактическо-

го материала для лингвокультурологического анализа слова *матрешка* могут быть использованы загадки, пословицы, поговорки, фразеологизмы с олицетворением, с метафорическим переосмыслением, например, следующие **загадки**: «*Алый шелковый платок, / Яркий сарафан в цветок, / Упирается рука / В деревянные бока. / А внутри секреты есть: / Может, три, а может – шесть. / Разрумянилась немножко / Наша русская... (матрешка)*»; «*Так румяны, круглолицы! / Прячутся одна в другой / Очень дружные сестрицы. / Что же за сюрприз такой?*»; отрывки из **стихотворений**: «*Я – матрешка – сувенир / В расписных сапожках. / Прогремела на весь мир / Русская матрешка! / Мастер выточил меня / Из куска березы. / До чего ж румяна я: / Щеки, словно розы*»; «*Матрешка - древняя краса / Сквозь времена дошла до нас. / Ей имя русское дано. / Она красива и мила, / Всем улыбается она. / Одея, как в былые времена, / Одежда традициям верна. / На платке узор замысловат, / На сарафане цветы огнем горят!*»; «*Матрешка пестрая, красивая, забавная / Со всех сторон нарядная. / В косу волосы убраны / У русской красавицы, / И она всем нравится*» [Кныш: [http:// www.ru](http://www.ru)].

В культуре русского народа *матрешка* ассоциируется с румяной русской женщиной (см., например, **частушку**: *Мы – матрешки, мы – кругляшки, / Мы – толстушки невелички. / Как пойдем плясать и петь / Вам за нами не успеть*). Часто в русском фольклоре матрешке приписываются разные социальные роли: *дочки, сестрички, тети, мамы, подружки, барышни* (см., например, в **загадках**: *Рядом разные подружки, / Но похожи друг на дружку. / Все они сидят друг в дружке, / А всего одна игрушка; Детки тихо в ней сидят, / Показать не хотят. / Вдруг их мама потеряет, / Вдруг их кто-то разбросает?!; В этой молодежи / Прячутся сестрицы. / Каждая сестрица – / Для меньшей – темница*).

Продолжая идею К. Б. Бархина о том, что слово необходимо рассматривать в контексте, целесообразно на уроках русского языка организовывать работу с текстом. Анализ текста развивает лингвистические, коммуникативные и творческие способности учащегося; способствует обогащению их лексического и культурного багажа; совершенствует нравственно и воспитывает любовь к слову – прекрасному, уникальному орудию человеческого общения. Думаем, что учащихся заинтересует следующий текст, в котором содержится информация об изготовлении матрешки.

Как изготавливают матрешку

Матрешки изготавливают из древесины лиственных пород деревьев. Самым благодатным материалом является липа. Деревья, предназначенные для выделки матрешек, спиливают ранней весной, обычно в апреле, когда древесина в соку. Спеленные деревья очищают, оставляя обязательно в не-

скольких местах кольца коры. Иначе при сушке древесина потрескается. Подготовленные таким образом бревна с замазанными торцами, укладывают штабелями, чтобы между ними остался зазор для воздуха. Заготовленную древесину выдерживают на открытом воздухе не менее двух лет. Бревна, готовые к обработке, распиливают на заготовки для будущей матрешки. В руках токаря заготовка проходит до 15 операций, прежде чем стать готовой матрешкой. Обычно первой вытачивают самую маленькую неоткрывающуюся фигурку, потом уже все остальные фигурки. Готовые куклы грунтуют крахмальным клеем, сушат, теперь матрешка готова к росписи [История 2016: <http://www.ru>].

Предложенный текст выполняет не только информативную функцию, он знакомит учащихся с новыми словами-терминами. Кроме того, наблюдение над текстом развивает у учащихся речевую деятельность, вырабатывает умение постигать образность, красоту, многозначность слова.

Система словарной работы при изучении безэквивалентной лексики направлена на формирование универсальных учебных действий (далее УУД). Согласно ФГОС основными функциями УУД являются саморазвитие и самосовершенствование учащихся, развитие толерантности в поликультурном обществе, формирование картины мира в предметной области и др. [УУД: <http://www.ru>].

Представим систему работ при изучении безэквивалентной лексики, включающую этапы исследования слова и формирование УУД, реализуемых на каждой ступени, в табличной форме (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Этапы исследования слова и формирование универсальных учебных действий

Этапы изучения слова	Формирование УУД
Семантизация слова в лингвокультуроведческом аспекте	<i>Познавательные УУД</i> (ученик ведет поисковую работу, находит информацию, строит речевое высказывание в устной и письменной форме)
Рассмотрение слова в контексте (в пословицах, поговорках, загадках, фразеологизмах с персонификацией, метафоризацией)	<i>Регулятивные УУД</i> (создание на уроке обстановки творческого поиска, умственного напряжения: решение проблемных ситуаций, наблюдение над материалом с помощью специальных вопросов)

Этапы изучения слова	Формирование УУД
Рассмотрение слова в контексте (в пословицах, поговорках, загадках, фразеологизмах с персонификацией, метафоризацией)	<i>Регулятивные УУД</i> (создание на уроке обстановки творческого поиска, умственного напряжения: решение проблемных ситуаций, наблюдение над материалом с помощью специальных вопросов)
Ассоциации со словом	<i>Коммуникативные УУД</i> (умение ученика полно и точно выразить свои мысли в соответствии с задачами и условиями коммуникации)
Работа с текстом	<i>Личностные УУД</i> (понимание учащимися необходимости сохранять и защищать свой родной язык как часть русской национальной культуры, а также работать над развитием своей собственной речи)

Таким образом, система словарной работы учащихся имеет коммуникативную направленность и ориентирована в первую очередь на формирование у учащихся языкового чутья, лингвистических знаний о новом предмете исследования.

Литература

Архипова Е. В. Основы методики развития речи учащихся: учеб. пособие для студ. пед. вузов. – М.: Вербум, 2004. – 192 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040с.

История происхождения матрешки [Электронный ресурс] // URL: <http://ped-kopilka.ru/blogs/hlustikova-elena/istorija-matr-shki.html> (дата обращения: 21.10.2016).

Килина Л. Ф., Колосова Е. И. Ценностно-смысловые трансформации в пределах семантического поля «добро» в русском языке // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2016. – № 1 (43). – С.72–78.

Кныш Е. Стихи к костюму Матрешка// Что такое любовь [Электронный ресурс] // URL: <http://что-такое-lyubov.net/stikhi-o-lyubvi/kollektsii-stikhov/11858-stixi-k-kostyumu-matreshka> (дата обращения: 21.10.2016).

Леонтьев А. А. Язык не должен быть «чужим» // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 9–13.

Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; под ред. М. Т. Баранова. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 368 с.

Нуруллина Г. М. Словарная работа на уроках русского языка («Живое» слово как отражение языковой картины мира) // Русский язык в школе. – 2015. – № 11. – С. 27–30.

Нуруллина Г. М., Юсупова З. Ф. Антропоцентрический подход к изучению категории рода русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9. – Ч. 1. – С. 192–194.

Русское слово – русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум / под ред. Л.Г. Саяховой. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 202 с.

Саяхова Л. Г. Компетентностный подход к изучению русского языка в учебниках для 10–11 классов школ гуманитарного профиля с обучением на тюркских языках: Пособие для учителя. – СПб.: «Просвещение», 2009. – 127с.

УУД по ФГОС [Электронный ресурс] // URL: <http://gounuor.ru/pdf/УУД-по-ФГОС.pdf> (дата обращения: 21.10.2016).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «СЕМЬЯ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А. В. Пантелеева, О. А. Швецова
Воронежский государственный университет

В статье рассматривается понятие «семья» как одно из самых значимых явлений нашего общества. Эта лексема включает в себя несколько констант мировой культуры и в то же время становится неотъемлемой частью русской языковой картины мира. На примере пословиц и поговорок, романа «Война и мир» Л.Н.Толстого раскрывается вся глубина слова *семья*, некоторые особенности значений, отражающие менталитет русского человека.

Ключевые слова: семья, русская языковая картина мира, роман «Война и мир» Л. Н. Толстого, пословицы и поговорки.

Одним из значимых для русской языковой картины мира является лексико-семантическое поле слова *семья*. Содержание поля как структурированной информационной целостности репрезентуется в русском языке прежде всего именем поля – существительным *семья*, а также лексемами, парадигматически и синтагматически, деривационно и ассоциативно связанными с ядром поля.

В связи с постоянным изменением границ и расширением компонентов лексико-семантического поля «семья» в русском языке данная тема кажется нам крайне интересной и актуальной для изучения. Современный русский язык отражает отношение к семье через постоянное изменение понимания роли семьи в обществе, а следовательно, и передачу этой роли посредством вербального общения.

Та или иная культура на различных исторических этапах порождает определенную нормативную модель семьи. На каждой вехе истории семья имеет различную ценность.

Семья для современной российской молодежи остается значимой ценностью. Сознательное одиночество и бессемейная жизнь большинством российского населения не приветствуется. Главными ценностями семейной жизни по-прежнему считают детей и эмоционально-духовную близость брачных партнеров. Но само представление о семье как неотъемлемой части духовной жизни изменилось. Сейчас семью чаще воспринимают как социальный институт, что приводит к переосмыслению ценностей, изменению жизненных ориентиров.

Многогранность семейных отношений обуславливает полисодержательность сущности, разнообразие форм ее языковых репрезентаций, способность к лингвокогнитивным и социокультурным трансформациям.

«Семья – ячейка (малая социальная группа) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета» [Астахова 2012: 4].

Внутри каждой семьи протекают духовные и материальные процессы. И они характеризуют внутреннюю жизнь семьи. В каждой такой ячейке общества сменяются поколения людей, в ней человек рождается и умирает, через нее продолжается род. Общественные отношения определяют формы и функции семьи. Они также зависят от уровня культурного развития общества. Соответственно, культура семьи и культура общества находятся в прямой зависимости, причем эта зависимость взаимная.

Универсальность феномена «семья» в языковой картине мира, с одной стороны, это его этнокультурная привязанность, с другой стороны – многомерность и многозначность этого явления в любом лингвокультурологическом социуме.

В современном мире *семья* понимается в двух значениях: как социальный институт и как малая социальная группа [Кравченко 1996: 51].

Мы выяснили, что ядро лексико-семантического поля «семья» составляет непосредственно имя поля. Обратимся к контекстам употребления лексемы *семья*.

Для начала остановимся на пословицах и поговорках русского народа. Как известно, русские пословицы и поговорки – это меткие выражения, созданные народом и выражающие в краткой форме его мудрые мысли и наблюдения. На их примере можно рассмотреть структуру лексико-семантического поля слова *семья*, так как народная мудрость отразила отношения внутри семьи на протяжении многих поколений. На основе материалов сборника «Пословиц русского народа» В. И. Даля [Даль 1998: 388–397] мы выделили в основном разделе «Семья – родня» девять смысловых групп (семья, мать и дети, брат и сестра, кумовья и т.д.). Нас интересовала преимущественно первая группа выделенных значений. В нее вошли девять примеров: *В своей семье всяк (отец, дядя) сам большой; На что и клад, коли в семье лад; Вся семья вместе, так и душа на месте; Где мир да лад, там и божья благодать; В семье не без урода, а на урода всё не в угоду; За совет – и в пост мясоед. В своей семье какой рас-*

чет; Ссора в семье до первого взгляда; Любовь да совет – так и нуждочки (и горя) нет; На своем пепелище и курица бьет.

Мы видим, что все эти пословицы подчеркивают важное место семьи в жизни человека. Многие из них объединяются мыслью, что мир и лад, любовь и совет – главные условия благополучия семьи. Кроме того, народная мудрость не идеализирует семью, указывая на некоторые недостатки, она обращает внимание на естественное желание оберегать «свое пепелище».

Таким образом, в пословицах и поговорках лексема *семья* употребляется в своем первом прямом значении ‘группа родственников’. Хотя сейчас, несомненно, некоторые из пословиц употребляются и в переносном значении: *Сказано – в семье не без урода! И в нашем большом офицерском коллективе не мало еще лиц, чьей морально-нравственной красотой никак нельзя похвастаться.*

Теперь обратимся к значению слова *семья* в контексте романа «Война и мир».

Известно, что к проблеме семейных отношений Л. Н. Толстой всегда относился очень серьезно. Он считал, что в семье самое главное – мир, взаимопонимание и любовь. В романе главными героями оказываются не только отдельные личности, но и их семьи, в которых герои живут.

Лев Николаевич Толстой считал, что, работая над произведением, надо любить в нем «главную мысль», сводить к ней все прочие идеи. Софья Андреевна Толстая записала в дневнике его слова о том, что, создавая «Войну и мир», он «любил мысль народную», а в «Анне Карениной» – «мысль семейную». Действительно, «мысль народная» – фундаментальная идея «Войны и мира» как историко-философского произведения. Но сам подход Толстого к истории-искусству включает напряженный интерес к семье, поэтому «Войну и мир» можно рассматривать и как семейную хронику. И новаторство Толстого проявилось не только в его взглядах на искусство, науку и философию, но и в его отношении ко всему, связанному с темой семьи, быта. «Война и мир» – во многом семейный роман. Главная же его мысль – мысль о мире. Мир – это любовь, согласие, но это также и отдельные миры – человеческие объединения, т.е. семьи. Л. Н. Толстой – семейный писатель в том смысле, что он почти не представляет своих героев одиночками. В постоянном развитии наблюдаем мы не только героев романа, но и сами семьи, отношения внутри них.

Склад психологии человека, его взгляды и судьба, по Толстому, во многом определяются семейным окружением и родовыми традициями, которые составляют для него особую почву. И не удивительно, что многие главы

романа-эпопеи посвящены домашней жизни героев, ее бытовому укладу, внутрисемейным отношениям. Хотя Толстой порой и изображает разрыв между кровно близкими людьми (ср. натянутые отношения княжны Марьи с отцом в пору их московского житья; отчуждение между Николаем и матерью из-за его намерения жениться на Соне), главное в семейных эпизодах «Войны и мира» – неподдельно-живое общение между людьми, которые дороги и близки друг другу. Семейный мир на протяжении всего романа противостоит как некая активная сила внесемейному разладу и отчуждению.

В понимании Л. Н. Толстого, семья – это свободно-личностное, неиерархическое единение людей. Эту ростовскую традицию наследуют и вновь сложившиеся семьи, о которых идет речь в эпилоге. Взаимоотношения мужа и жены в романе не регламентированы ни обычаями и привычным этикетом, ни вновь вводимыми правилами. Они естественно устанавливаются каждый раз заново. У Наташи и Пьера совсем иначе, чем у Николая и Марьи: право первого голоса не predetermined ничем, кроме индивидуальных черт людей. Каждый член семьи свободно и полно проявляет в ней свою личность.

Семья, по Толстому, – это не замкнутый в себе, не отъединенный от всего окружающего клан, патриархально упорядоченный и существующий на протяжении ряда поколений, а неповторимо-индивидуальные «ячейки», обновляемые по мере смены поколений, всегда имеющие свой возраст. В «Войне и мире» семьи подвержены качественным переменам, порой весьма значительным.

«Война и мир», – утверждает один из биографов Толстого, – создана в семье, она вышла из семьи. Семья ничем, казалось бы, не способствовала творчеству, а вместе с тем именно она породила его».

Перейдем непосредственно к анализу слова *семья* в романе. С помощью Национального корпуса русского языка мы выяснили, что лексема *семья* и такие ее дериваты, как *семейство* и *семейный*, встречаются в «Войне и мире» 112 раз [Толстой: <http://www.ruscorpora.ru/>]. Из них: 49 раз – лексема *семья*, 39 раз – лексема *семейство* и 24 раза – лексема *семейный*. Проанализировав контекст, мы пришли к выводу, что чаще всего исследуемое слово встречается рядом с лексемами, несущими эмоциональную окраску (*любовь, счастье, забота, родина, мечтанье*): *Ему вспомнилась любовь к нему его матери, семьи, друзей, и намерение неприятелей убить его показалось невозможно; Он смотрел на порхавшие над огнем снежинки и вспоминал русскую зиму с теплым, светлым домом, пушистой шубой, быстрыми санями, здоровым телом и со всей любовью и заботой семьи; Оставить семью, родину, все заботы о мирских благах*

для того, чтобы, не прилепляясь ни к чему, ходить в посконном рубище, под чужим именем с места на место, не делая вреда людям, и молясь за них, молясь и за тех, которые гонят, и за тех, которые покровительствуют: выше этой истины и жизни нет истины и жизни!; В помышлениях о браке княжне Марье мечталось и **семейное счастье**, и **дети**, но главною, сильнейшею и заглавною ее мечтою была **любовь земная**; **Тихая жизнь и спокойное семейное счастье** в Лысых Горах представлялись ему; То, что годами не приходило ей в голову – мысли о свободной жизни без вечного страха отца, даже мысли о возможности **любви и семейного счастья**, как искушения дьявола, беспрестанно носились в ее воображении; Тысячи **мечтаний** о будущей **семейной жизни** беспрестанно возникали в ее воображении.

Интересным является употребление лексемы *семейный* в контексте словосочетания *детский мир*. Эти два несогласованных определения являются однородными членами, таким образом, можно сделать вывод о том, что семья ассоциируется с детством, а следовательно, с безмятежностью, радостью и искренностью: *Сидя в своей прежней классной комнате, на диване с подушечками на ручках, и глядя в эти отчаянно оживленные глаза Наташи, Ростов опять вошел в тот свой **семейный, детский мир**, который не имел ни для кого смысла, кроме как для него, но который доставлял ему **одни из лучших наслаждений в жизни**; и сожжение руки линейкой, для показания любви, показалось ему не бесполезно: он понимал и не удивлялся этому.*

Немногочисленным является контекст слов с отрицательной коннотацией: *смерть, рана, потеря, жертва, горе: **Смерть, раны, потеря семьи, ничто мне не страшно; Надо было жертвовать собой для счастья семьи, которая вскормила и воспитала ее; – Да, есть ли семья без своего горя?***

Если присмотреться внимательно, то можно понять, что данные слова несут совершенно противоположный эффект от того, который можно было ожидать. Они не являются характеристиками семьи, отношением к ней. Они выступают таким образом, что создается ощущение уравнивания горя и утраты семьи.

Таким образом, мы видим, что семья – оплот нации, источник физических и духовных сил, нравственный фундамент личности. Отношение к семье и семейные отношения для Толстого – критерий нравственности. Семья в жизни и творчестве Толстого связана с теплом, уютом. Дом – это место, где все тебе дороги и ты всем дорог. По мнению писателя, чем ближе люди к естественной жизни, тем прочнее внутрисемейные связи, тем больше счастья и радости в жизни каждого члена семьи.

Лексема *семья*, составляющая ядро лексико-семантического поля «семья» в русском языке, употребляется в контексте романа только в прямом значении. При этом только в положительном контексте, который передает отношение Л. Н. Толстого к феномену семьи. Это подтверждает тот факт, что лексема *семья* ставится в один синонимический ряд с такими понятиями, как: «дом», «счастье», «любовь», «родина».

Сравнивая контексты употребления слова *семья* в пословицах и поговорках и романе «Война и мир», можно прийти к выводу о том, что семья в былые времена всегда ассоциировалась с чем-то хорошим, вызывала возвышенные чувства. Подчеркивались неперенные условия благополучия семьи: любовь, лад, мир. Но если пословицы не идеализируют семью, показывают объективные стороны реальности, например, бытовые ссоры, то Л. Н. Толстой высказывает другую концепцию семьи, где главным является дух единения и семья является синонимом счастья.

Литература

Астахова Ю. Г. Социология семьи. – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2012. – 64 с.

Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Диамант, 1998. – 544 с.

Кравченко А. И. Социология. Справочное пособие. – М.: Лицей, 1996. – 275 с.

Толстой Л. Н. Война и мир [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 1.05.2016).

ЛЕКСЕМА «МЕСЯЦ» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕЕ КОНКУРЕНЦИЯ С ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕЙ «ЛУНА»

А. В. Петров, А. В. Баранов

Таврическая академия

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье освещаются особенности толкования лексем «месяц» и «луна» в энциклопедических и толковых словарях русского языка разного временного среза, что дает возможность исследовать динамику развития космической картины мира носителей языка. Для получения исчерпывающих выводов были также использованы этимологические и диалектные словари. Таким образом, исследование проводится в синхроническом и диахроническом аспектах. Такой подход позволил выявить семантические изменения внутри лексической единицы «месяц», обусловленные ее связями с лексемой «луна».

Ключевые слова: лексемы «месяц» и «луна», лексикографические источники, словарные дефиниции.

В современном русском языке ночное светило обозначается двумя лексемами: «луна» и «месяц». Цель статьи – на основе лексикографических источников исследовать семантическую структуру лексической единицы «месяц» и ее отношения с лексемой «луна».

Вначале прокомментируем энциклопедическое, научное понимание «месяца». Обратимся к Большому Энциклопедическому словарю (далее БЭС): «Месяц, промежуток времени 1) синодический – период смены лунных фаз... 2) Сидерический (звездный) – время полного оборота Луны вокруг Земли относительно звезд. 3) Драконический – промежуток времени между двумя последовательными прохождением Луны через один и тот же узел орбиты...» [Большой 1991, 1: 798]. В расширенном формате эта информация представлена в Большой Советской энциклопедии [Большая 1971, 16: 111].

Сразу оговоримся: термин «драконический» связан с легендой древних китайцев о Драконе, съедающем светила во время затмений. По драконическому месяцу астрономы составляют график затмений, поэтому народное представление и закрепилось в научной картине мира [Большая 1971, 8: 478].

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» тоже приводит толкование, основанное на временной роли месяца: ‘период времени, приблизительно равный 30 дням и основанный на переменах фаз луны...’ [Энциклопедический 2002: 372]. В «Новой Российской энциклопедии» (далее НРЭ), в отличие

от предыдущих источников, представлен более широкий семантический спектр лексемы «месяц» и приведен краткий исторический экскурс: «Месяц – календарный промежуток времени, равный 4 неделям или 28 суткам. Название и продолжительность получил по периоду смены фаз Луны, которые носят название «месяц», когда имеют вид серпа. Названия «месяц» имеют также период обращения луны вокруг своей оси (Сидерический месяц...) и средний период смены фаз луны (синодический месяц...)» [Новая 2012, X (2): 301]. Для нашего исследования важно, что в данной энциклопедической статье не только зафиксировано определение месяца как временного промежутка, но и указано, что это значение лексема приобрела во временной период, когда обозначала лунные фазы, имеющие форму серпа. Сам факт переноса значения отмечен в «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова: «... у слова *месяц* есть два значения – ‘1/12 часть года’ и ‘луна’; объясняется это тем, что спутник Земли имеет приблизительно тридцатидневный цикл обращения. Это и послужило поводом для переноса значения: от *месяца* (луны) к временному промежутку, равному циклу ее обращения» [Крылов 2005: 232]. Данное подтверждение свидетельствует об объективности информации, представленной в «Новой Российской энциклопедии». Для научной картины мира значение ‘промежуток времени’ у слова «месяц» является приоритетным. Если обратимся к толковым словарям XX вв., то увидим, что та же тенденция отражена в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: «Месяц – единица исчисления времени – каждая из двенадцати частей, на которые разделяется астрономический год» [Ушаков 2014: 296]. Второе значение в Словаре формулируется следующим образом: ‘то же, что луна (*прост.* и *поэт.*)’ [Там же]. Это толкование является неточным, в отличие от «Современной российской энциклопедии», в которой отмечается, что месяцем, помимо промежутка времени в 28 дней, названы фазы Луны, именно тогда, когда имеют форму серпа. Таким образом, лексемы «луна» и «месяц» находятся в родо-видовых отношениях. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой» наблюдается похожая ситуация: «Месяц – единица исчисления времени по солнечному календарю, равная одной двенадцатой части года (от 28 до 31 суток); срок в 30 суток. *Календарный месяц* (январь, февраль, март и т. д.)» [Ожегов 2006: 352].

В словаре отмечается, что третье значение слова «месяц» связано с лунной: «Месяц – диск луны или его часть. *Полный месяц. Серп молодого месяца*» [Там же]. Сочетание «диск луны», представленное в словарной дефиниции, с позиции зрительного восприятия является синонимичным слову «луна», но с астрономической точки зрения диск является только видимой частью небесного

светила (ср. «диск» – ‘плоская фигура’, спутник Земли имеет форму шара). Отсюда следует, что «луна» относится к «диску луны» как целое к части. «Месяц», в свою очередь, трактуется как ‘диск луны’ и одновременно может соотноситься с ним как часть с целым. По С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой, лексема «месяц» не синонимична слову «Луна» в значении ‘небесное тело’, но соединена с ним посредством ‘диска луны’ без какого-либо уточнения. Т. Ф. Ефремова в «Новом словаре русского языка...» вначале определяет, как и предыдущие лексикографические источники, времяисчислительную функцию месяца: «Месяц¹ – одна двенадцатая часть астрономического года, имеющая каждая самостоятельное название (январь, февраль...). 2. Промежуток времени в 30 дней». Далее приводится омоним: «Месяц² 1. Луна [Ефремова 2001, 1: 858]. Это свидетельствует о том, что в современном русском языке значение лексемы «месяц» ‘промежуток времени’ и ‘Луна, пребывающая в определенных фазах’ никак не связаны друг с другом. Но с точки зрения диахронии временной промежуток был назван «месяцем» потому, что время высчитывали по фазам луны, называемыми «месяцами». Потому связь между значениями очевидна, но с синхронической точки зрения Т. Ф. Ефремова права, так как семантическое раздвоение месяца имеет весьма завершённую форму. Современные толковые словари определяют лексическую единицу «Луна» как ‘спутник Земли’, ‘небесное тело’. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечается: «Луна – небесное тело, спутник Земли, светящийся отраженным солнечным светом: *Полет на Луну. Серп луны. Полная луна...*» [Ожегов 2006: 334]. Никаких отсылок к «месяцу» здесь нет. И в описании лексемы «месяц» составители приводят следующие примеры: «*Полный месяц. Серп молодого месяца*», здесь же: «*Серп луны. Полная луна...*». Исходя из данных примеров, можно утверждать, что «луна» и «месяц» являются полностью взаимозаменяемыми обозначениями ночного светила, однако против этого свидетельствует статья о месяце в НРЭ.

Опираясь на изложенное ранее, подведем итог: в русском языке XX–XXI вв. слово «месяц» обладает только одним научно выверенным значением, отличающим его от лексемы «луна»: ‘промежуток времени’. Благодаря материалу современных толковых словарей мы убеждаемся, что это значение в синхроническом аспекте является для «месяца» первичным. На основании НРЭ и «Этимологического словаря русского языка» Г. А. Крылова мы делаем вывод о постепенном перемещении лексемы «месяц» из одной семантической области (вид луны) в другую (временной промежуток). Предполагаем, что современный процесс отождествления лексемы «месяц» с ‘астрономическим ин-

тервалом» проходил в рамках семантического разграничения и конкуренции с лексемой «луна», которая только в недавнем, как выясняется, времени стала основным обозначением небесного тела, вытеснив из этой семантической ниши слово «месяц».

По данным А. Г. Преображенского, лексема «луна» пришла в древнерусский язык из церковнославянского: «Луна, р. луны, изъ цсл. (въ нар. яз. не употребляется; замен. месяц)» [Преображенский 1959, 1: 477]. Поэтому предположим, что их семантическая конкуренция существует со времен средневековья, но в народном языке лексема «месяц», как бывшая в употреблении до «луны», закрепились прочнее, чем в нормированном языке. Свидетельство тому мы обнаружили в «Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», в котором слово «луна» отсутствует и заменяется лексемой «месячка» [Словарь 1999: 265]. Лексема «месяц» входит в синонимический ряд: «молодик», «месячка», «полник», а лексическая единица «молодик» является компонентом устойчивых словосочетаний: «дождливый молодик», «жаркий молодик», «молодик на рогу» и т. д. [Словарь 1999: 268]. Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля и проследим, как отображена в нем лексема «месяц» и насколько она представлена независимо от лексической единицы «луна»: «*Месяц* м. луна, спутник земли; ночное светило...». Далее формулируются еще два значения: «вид луны, считае́мый по четвертям: новый месяц, старый месяц»; «время обраще́нья луны вокруг земли» [Даль 1989, 2: 370]. Несмотря на то, что в начале словарной статьи приводится синоним «луна», в толкование включается сочетание «спутник Земли». Отсюда следует, что во времена Даля «месяц» был зависим от «луны» в значении небесного тела. Интересно, что и в словарной статье «луна» В. И. Даль использует синоним «месяц», то есть отмечает взаимную синонимию между лексемами «луна» и «месяц»: «*Луна* ж. спутник земли, небесное тело, которое ходит вокруг земли; месяц; иногда принимается за меру времени в четыре недели» [Даль 1989, 2: 273]. Обратим внимание на то, что значение «мера времени», по Далю, применимо и к «луне». Значит, мы можем предположить, что конкуренция между лексемами наблюдалась не только в значении «небесное тело», но и в значении «временной интервал». При этом нужно отметить, что за «месяцем» временное значение даже в ту эпоху было закреплено в большей степени, в противном случае в толкование «луны» В. И. Даль не ввел бы семантический признак «иногда». Чтобы выяснить нюансы в разграничении рассматриваемых нами лексем по форме или стадиям, обратимся к «Словарю русского языка XI–XVII вв.», в котором приводится четкая информация о том, когда «луна» называется

«месяцем»: «месяц (луна в стадии новолуния или ущерба)» [Словарь 1981, 9: 120], и только во вторую очередь подается значение 'единица исчисления времени' [Там же]. Мы считаем это одним из четких определений «месяца» как видового понятия «луны», подобное значение сформулировал Даль в XIX вв., а на современном этапе – НРЭ. В словарной статье о луне (в том же словаре) мы обнаруживаем понимание «месяца» как неполного круга или серпа, который со временем разрастается, расширяется: «...Явися над солнцем месяц и поча полнитися...» [Словарь 1981, 8: 305]. Лексикографы используют цитату из «Жития св. Антония», написанного в 1578 г., что говорит о бытовании данного понимания «месяца» в позднем средневековье. В «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского, в статье, посвященной описанию «месяца», приводится в качестве иллюстрации отрывок из религиозного текста: «И надо всими горе бяше, яко дуга – месяц, особ стояче» [Срезневский 1989, 2, ч.1: 250–251]. Отсюда следует вывод, что в древнерусском языке лексемы «месяц» и «луна» были четко разграничены по форме и носители языка знали, когда применять какое название к небесному светилу из временного вычисления его фазы и зрительного определения формы ночного светила. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского акцентируется внимание на различии в сфере употребления лексических единиц: «луна» функционирует преимущественно в церковнославянском, а «месяц» – в народном языке [Преображенский 1959, 1: 477].

Таким образом, на основании сопоставительного изучения различных словарей и энциклопедий мы пришли к следующим выводам:

1. С точки зрения современной академической науки первостепенным значением для лексемы «месяц» выступает значение 'промежуток времени'. Это подтверждают все толковые словари, начиная с XX вв. и до наших дней.

2. В словарях, описывающих русскую языковую картину мира XI–XIX вв., в отличие от современных толковых словарей, первым всегда указывается значение «месяца» как ночного светила. Это заставляет нас убедиться в том, что только с начала XX в. за лексемой «месяц» окончательно закрепляется основное значение 'временной интервал'. Однако в народном языке «месяц» не заменяется лексемой «луна» и обозначает ночное светило любой формы. Речь идет скорее о преимущественном употреблении лексемы «месяц», так как любая словарная единица, функционирующая в языке множество веков, так или иначе проникает во все его сферы.

3. В завершение мы определим ряд лексикографических источников, в которых толкования лексемы «месяц» являются последовательными и непро-

тиворечивыми: «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Новая российская энциклопедия».

Литература

Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – Т. 8. – 591 с., Т. 16. – 615 с.

Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 863 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 2. – 779 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. 2-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – Т. 1. – 1232 с.

Крылов А. Г. Энциклопедический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.

Новая российская энциклопедия: в 12-ти т. – М.: Энциклопедия, 2012, Т. 10 (2). – 480 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2-х т. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – Т. 1. – 1284 с.

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск: СО РАН, 1999. – 539 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 т. – М.: Наука, 1981. – Т. 8. – 351 с.; Т. 9. – 357 с.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка (Материалы для словаря древнерусского языка): в 3 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 2, ч. 1. – 851 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – М.: Эксмо, 2002. – 672 с.

НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА В ТЕКСТАХ СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. В. Рацибурская, В. А. Торопкина

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

В статье рассматривается специфика языкового выражения категорий оценочности и ценности в текстах современных российских СМИ. Наряду с анализом лексических средств оценки особое внимание уделяется функционированию словообразовательных неологизмов в качестве средств выражения негативной оценки, имеющих воздействующий потенциал и направленных на формирование системы ценностей в поликультурном обществе.

Ключевые слова: негативная оценка, словообразовательные неологизмы, система ценностей, язык СМИ, толерантность.

Вопрос связи категорий оценки и ценности является фундаментальным в науке. Оценка как вид деятельности человеческого сознания, форма познания действительности находит отражение в языке и речи, имеет лингвистическое выражение в разных типах текста. Особенно актуально исследование оценочных структур в публицистических текстах, поскольку оценка как текстовая категория используется авторами медиатекста для воздействия на читателя, сознательного формирования и изменения его системы ценностей в соответствии с утилитарными целями данного издания.

С точки зрения аксиологии объект действительности приобретает положительную или отрицательную оценку в зависимости от способности или неспособности удовлетворять потребности и отвечать интересам оценивающего субъекта, соответствовать эталонным представлениям субъекта. Так, оценка в аксиологическом аспекте – высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта [Ивин 2015: 98]. В языке же находит отражение базовая система ценностей социума, поэтому такой подход актуален и для лингвистики. «В основе денотата медиатекста лежит объективно существующее событие, но эта «правда жизни» проходит через «сито» интерпретирующего действительность сознания автора» [Мардиева 2016: 88].

В текстах СМИ оценка, преимущественно негативная, имеет особое прагматическое значение, поскольку воздействие на массовое сознание, формирование системы ценностей читательской аудитории является одной из ведущих целей современных СМИ. По мнению ученых, «СМИ являются одним

из важнейших общественных институтов, оказывающим решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества но и норм поведения его членов, в том числе и речевого. Это мощный инструмент воздействия на аудиторию и в то же время средство манипуляции общественным сознанием. СМИ играют одну из активных ролей в создании соответствующей атмосферы в обществе» [Рискогенность 2015: 28]. Это проявляется в освещении наиболее актуальных проблем современного общества, в том числе отношений в поликультурном обществе, взаимодействия с носителями иных культурных ценностей.

Несмотря на то, что вследствие принятия определенных мер идеологического, политического, правового характера значительно уменьшилось количество агрессивных высказываний в СМИ по данной теме, в медиатекстах все еще встречаются резко негативные оценки, находящиеся на грани языкового экстремизма. Это выражается, например, в обобщенных негативно-оценочных высказываниях, которые построены на национальных стереотипах, переносят отрицательные черты индивидов на всю национальную группу, абсолютизируют их. Обобщенные негативные оценки часто выражаются с помощью метафор с деструктивной семантикой: *Кавказцы сделали из России сафари* (новостной портал Newsland. 10.02.2012 // <https://newsland.com/user/4297711443/content/kavkaztsy-sdelali-iz-rossii-safari/4296006>), причем отрицательную оценку получают не только действия национальных меньшинств, но и ситуация в современном поликультурном обществе в целом (см., например: Правый взгляд. 14.11.2011 // <http://pravaya.ru/look/22060>). Таким образом оценочные суждения эксплицируют ценностные установки говорящего, публично приписывающего объекту негативные ценностные характеристики, а также отражают потенциальную опасность современной модели межкультурного взаимодействия.

Однако подобные высказывания с эксплицитной негативной оценкой все реже встречаются в современных СМИ, и более востребованными становятся механизмы скрытого воздействия, имеющего манипулятивный характер. Для выражения негативной оценки в имплицитной форме часто используются словообразовательные неологизмы, индивидуально-авторские новообразования, созданные с помощью различных словообразовательных средств.

Крайне распространены новообразования с аффиксом *-изаци(я)* со значением процесса, которому, как правило, приписывается негативный характер. Такие неологизмы часто создаются на базе этнонимов: *"Таджикизация фамилий": власти Таджикистана запретили вносить русские фамилии в новые паспорта* (29. 04. 2016 // <http://www.newsru.com/world/29apr2016/tadjfam.html>) –

*таджик + -изаци(я); «Мягкий ковер жесткой «казахизации»». Как русских выдвигают из Казахстана (Наша планета. 16. 04. 2016 // http://nashaplaneta.su/news/mjagkij_kover_zhestkoj_kazakhizacii_kak_russkikh_vydavlivajut_iz_kazakhstana/2016-04-15-16637) – казах + -изаци(я); Более спорной, неоднозначной тенденцией является тренд к «азиатизации» самого русского большинства (Литературная газета. 13. 03. 2013) – азиат + -изаци(я). В качестве производящих также используются географические наименования, названия республик, стран, областей проживания негативно оцениваемых в СМИ национальных групп: *Вместе с тем такая «дагестанизация» конфликта в состоянии сыграть с федеральной властью злую шутку (Независимая газета. 26.11.2010) – Дагестан + -изаци(я); Кавказизация России. Кавказизации подвезли модные бренды, салоны причесок, городская и загородная архитектура, кафе и университеты. В этом году показательные процессы кавказизации проявились в футболе (Правый взгляд. 14. 11. 2011 // <http://pravaya.ru/look/22060>) – Кавказ + -изаци(я) . Подобные новообразования не содержат в своей структуре элементов с отрицательно оценочной семантикой, стилистически или эмоционально сниженных аффиксов, однако в рамках медиа-дискурса приобретают оттенок неодобрения. Негативная окраска поддерживается за счет контекста: *"Дагестанизация": экстремисты объявили спецслужбам тотальную войну (Regnum. 16.11.2011 // <https://regnum.ru/news/1467798.html>); Продолжились они и во время долгого правления Муртазы Рахимова, взявшего курс на «башкиризацию» республики. Местные студенты рассказали нам, что с русской фамилией попасть на бюджетное отделение Башкирского государственного университета практически невозможно (Русский репортер. 16. 04. 2013 // <http://rusrep.ru/article/2013/04/16/ufa-24>). Оценочные суждения, имеющие манипулятивный характер, влияют на систему ценностей адресата оценки, т.е. читательской аудитории, причем данный процесс не осознается читателями.***

Реже встречаются словообразовательные неологизмы с синонимичным значением процесса, образованные приставочно-суффиксальным способом: *Через педалирование кавказской темы осуществляется своеобразное «окавказивание» самой России – ее «архаизация» или даже «анимализация» – одним словом, романтическая модернизация (Правый взгляд. 14.11.2011 // <http://pravaya.ru/look/22060>) – исходное Кавказ.*

Этнонимы являются продуктивной базой для медийного словотворчества, взаимодействуют и с другими аффиксами, помимо приведенных выше: *"Таджикизатор": Минюст Таджикистана разъяснил запрет на русские*

фамилии (Московский комсомолец. 30.04. 2016) – *таджикизация* +суффикс *-изатор*; В этой статье **антикавказец** и *русофил* с сочувствием пишет о грузинской стороне и с осуждением – о российской (Суть времени. 06.11.2014 // <http://eotperm.ru/?p=2572>) – префикс *анти-*+*кавказец*.

Крайне востребованным средством воздействия в современных СМИ становятся новообразования-гибриды, образованные неузualmente способами, в частности, путем контаминации формально схожих частей: *Как дагестать богатым. Минкавказ предлагает отдельно финансировать Дагестан* (Коммерсант.ру. 16. 05. 2015 // <http://www.kommersant.ru/doc/2728297>) – *Дагестан* + *стать*; **Покупанты** в России <...> *Эстонцы приезжают в наши аптеки с огромным списком и скупают буквально всё <...> Раньше мы у них все покупали – они еще на нас сильно злились, называли «покупантами»* (Собеседник. 2016. № 17) – *покупать* + *оккупанты*. Активно используются приемы заместительного словообразования, при котором в исходном слове заменяется одна из частей (морфемная или неморфемная): *Скромный единогорец. За что боролся обладатель первой российской золотой медали Рио-2016* (Коммерсантъ. 07.08.2016 // <http://www.kommersant.ru/doc/3058212>) – ср. *единоборец*, с заменой на созвучное *горец*; **Поухали тут!** *Количество мигрантов в России убывает: по официальным данным ФМС в 2015 году в страну въехало на 600 000 человек меньше, чем в 2014* (Московский комсомолец. 05. 02. 2015) – ср. *понаехали* (из устойчивого выражения *понаехали тут!*) с заменой приставки *на-* на приставку *у-*. Новообразования-гибриды являются средством языковой игры, выражают не резкое неодобрение, порицание, а мягкую иронию. Шутливый тон, игровое взаимодействие, свойственные современным СМИ, также отражают ценностные установки журналистов: развлекательность становится важнее этики, иронически осмысляются любые события окружающей действительности, даже если это не всегда уместно.

Как известно, понятие толерантности не ограничивается вопросами взаимодействия между представителями разных национальных культур, в современном обществе так же остро стоят вопросы терпимого отношения к иным субкультурным, политическим, социальным, религиозным ценностям.

Оценочные суждения являются средством полемики при столкновении разных точек зрения на культурно значимые вопросы. Полемичность особенно свойственна политическому дискурсу, поэтому в СМИ неологизмы часто создаются на базе названий идеологических направлений, политических объединений, партий, фамилий известных политиков: *фашизм, коммунизм, демократинизм* (Newsland. 28.05.2016, <https://newsland.com/community/6535/>)

content/vot-poetomu-vy-polsha/5183173) – контаминация демократизм + кретинизм; *Материцыны в допущенных на сайт модераторами комментариях читателей, конечно, нет, но там нет и мнений о том, как России преодолеть кризис суверенитета, в который ее ввергли в 1950–1990-е гг. КПСС-овцы и либерал-буржуины* (О текущем моменте. 2015. № 4 (120) // <http://kob.su/articles/ovozrozhdenii-suvereniteta-rossii>); *Новый Кремль: проект «антинавальский»* (Forbes. 25.01.2012); *Американо-бандеровская хунта уничтожает инфраструктуру Донбасса* (<http://poznatelnoe.tv/node/2980>); *...Россия терпела януковичскую Украину, но не хочет более терпеть прозападную, ющенко-порошенковскую* (Ленинская смена. 11. 09. 2014).

В процессе полемики журналисты нередко используют пейоративную, стилистически сниженную лексику для создания наименований своих оппонентов, людей с иными социально-политическими, культурными, религиозными ценностями: *За эти годы «быдлогерой», конечно, изменился <...> В последние годы сформировалась страда (стадо) анонимных «быдлоборцов» с «ненавистным режимом». Весь пыл борьбы – бесстрашный и неутомимый стук по «клаве». Они знают, как «обустроить Россию», и готовы, как в добрые старые времена бороться «за мир во всем мире», но не могут вернуть лампочку в собственном подъезде – не те масштабы борьбы* (Московский комсомолец. 05.05.2011 // <http://www.mk.ru/blogs/posts/esche-raz-pro-teoriyu-byidla.html>) – *быдло* – перен., разг.-сниж. [Ефремова 2000]; *Андрей Мальгин: Фашисты. Реакция на видео с православными, пристающими к людям в кафе «Му-Му», была удивительной* (Новая газета. 20. 08. 2012) – контаминация *православный* с обценной лексемой; *Пущенная было майдаунами ложь ...* (Завтра. 2014. № 19) – *майдан* + *даун*. Такие наименования выражают пренебрежение, неодобрение за счет связи с исходными нелитературными лексемами, создают экспрессивный тип оценочности, вызывающий негативную эмоциональную реакцию.

Итак, в процессах медийного словотворчества отражаются социальные тенденции, противостояние различных культурных групп. Словообразовательные неологизмы одновременно выступают способом импликации авторских ценностных установок и методом скрытого воздействия на массовое сознание, общественную систему ценностей.

В современных СМИ наблюдаются две противоборствующие тенденции в освещении новостей, связанных с инокультурным взаимодействием. Официальные медиа преимущественно придерживаются политики толерантности, подчеркнутой нейтральности во избежание конфликтных ситуаций. Однако существует большое количество оппозиционных СМИ, транслирующих взгляды

ды враждебно настроенных социальных групп, желтой прессы, придерживающейся «скандального» имиджа, разжигающей конфликты для привлечения внимания аудитории: *Впрочем, до момента, когда в Россию хлынут гомофаны Евровидения, <...> еще год* (Собеседник. 2016. № 17). Подобные СМИ, имеющие официальную регистрацию, получили широкое распространение благодаря сети Интернет, стали легкодоступными, приобрели многочисленную аудиторию, поэтому нельзя умалять их влияние на формирование системы ценностей современного общества. Получение дохода, приобретение популярности для многих современных СМИ оказывается важнее соблюдения этических норм.

Одним из самых частотных нарушений этических норм в СМИ, по мнению ученых, является пренебрежительно-ироническое отношение к драматическим событиям: «Это связано как с демократизацией общества (и СМИ, в частности), так и с повсеместным распространением в нем иронии, позволяющей вскрывать противоречия, обнажая зачастую суровую и неприглядную реальность, но, вместе с тем, и шокирующую, вседозволенность форм ее проявления» [Рискогенность 2015: 81]. Другие нарушения этических норм связаны «с оскорблением конкретного лица или каких-либо групп людей, а также с использованием сниженной, грубо-сниженной, нелитературной и даже обценной лексики по отношению к описываемым явлениям, событиям и их участникам» [Рискогенность 2015: 81]. В современном поликультурном обществе, где представлены разные социальные и этнические группы, разные интересы, мнения, позиции, возрастает ответственность журналиста за каждое употребленное или созданное слово. Оценка в медийном тексте должна соотноситься с социально-этическими нормами, принятыми в данном обществе.

Литература

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – М.: Русский язык, 2000 // URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 09.10.2016).

Ивин А. А. Логика: учебник. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 452 с.

Мардиева Л. А. Социальная реальность и ее интерпретации в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 358 с.

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Н. Байкулова и др.; под ред. О. Б. Сиротиной и М. Л. Кормилицыной. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. – 188 с.

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А. А. Романов, О. В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

В статье доказывается, что прагматическая категория коммуникативной справедливости «сопровождает» процесс интерактивного взаимодействия собеседников, участвует в распределении речевых действий, выступает важным регулятором в установлении отношений между коммуникантами и способствует их синергичному продвижению к решению поставленных целей. Каждый участник диалога в состоянии определить на основании языковых, иллокутивных и прагматических знаний коммуникативную справедливость его дискурсивной практики, а также практики, адресованной ему. Данная прагматическая категория применима ко всем типовым сценариям интерактивного взаимодействия и может быть использована для оценки любых интенциональных типов языковых конструкций, что во многом расширяет возможность комплексного описания типовых ситуаций коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: категория коммуникативной справедливости, коммуникативно справедливый дискурс, интерактивное взаимодействие.

В настоящее время особое внимание при функционально-семантическом описании различных дискурсивных категорий уделяется субъективным представлениям коммуникантов о нормах морали, милосердии, правде, добре, вежливости, справедливости и необходимости поступать так или иначе в отношении других в определенной ситуации. Осложняет данный процесс то, что собеседники участвуют в социальном взаимодействии с различными иллокутивными целями, не ставя перед собой задачу поступить, например, коммуникативно справедливо или несправедливо. Так, партнер по диалогу может просить или приказывать не потому, что он несправедлив по отношению к своему собеседнику, а потому, что просьба или приказ являются его коммуникативной интенцией и в пресуппозиционных условиях соответствующего прагматического фрейма «просьба» или «приказ» ему необходимо реализовать свое коммуникативное намерение [подробнее о типовых фреймах см.: Романов 1988].

Тем не менее партнер по диалогу определяет коммуникативную справедливость языковой практики своего собеседника в каждом конкретном случае в рамках некоторого сценария интерактивного взаимодействия, что проявляется в установлении отношений между ними [Новоселова 2015; 2016]. По этой причине представляется актуальным исследование возникающих между коммуникантами отношений, проявляющихся в форме их коммуникативно справедливого взаимодействия, и отношений, возникающих между ними в результате ком-

муникативно справедливого взаимодействия. При этом важно выяснить, какие прагматические факторы объективной действительности влияют на установление коммуникативно справедливых отношений между партнерами по диалогу в ходе их речевого взаимодействия, а также как коммуникативная справедливость отношений между собеседниками влияет на выбор ими языковых средств маркировки коммуникативного намерения и как использование коммуникантом тех или иных коммуникативно справедливых практик влияет на установление отношений между ними.

Будем исходить из того, что под *коммуникативно справедливой социальной практикой* понимается такая естественно-языковая дискурсивная практика, которая основана на учете коммуникативной организации объективных факторов действительности. Однако, несмотря на все многообразие отношений, возникающих между коммуникантами, они являются равноправными участниками интерактивного обмена и находятся в одинаковой для каждого из них прагматической ситуации, так как взаимодействуют *здесь и сейчас* в рамках одного определенного жизненного сценария и каждый из них обладает определенным набором объективных знаний о ситуации, т.е. о пресуппозиции [подробнее см: Романов 1988; 2005]. Так, пресуппозиция не допускает вариантов толкования той или иной дискурсивной практики в процессе типового диалогического обмена и может служить критерием коммуникативного равенства партнеров в понимании типа взаимодействия.

Вместе с тем указанное коммуникативное равноправие партнеров ограничивается наличием распределения коммуникативных ролей в процессе обмена репликовыми шагами. Так, в самой сущности коммуникативного обмена уже заложено неравенство, предполагающее наличие инициатора взаимодействия по тому или иному прагматическому фрейму, а также наличие ведомого коммуниканта. Подобное распределение коммуникативных ролей само по себе не является коммуникативно несправедливым, так как в большинстве случаев оно не происходит произвольно в процессе обмена репликами (за исключением случаев перехвата коммуникативной инициативы), а оправдано рамками жизненных сценариев и основано на знаниях коммуникантов о типе фреймового взаимодействия, в котором каждому участнику необходимо выполнять свои типовые речевые действия. Кроме того, распределение коммуникативных ролей происходит каждый раз в каждом новом фрейме и с учетом пресуппозиционных факторов, поэтому оно (распределение ролей) коммуникативно оправдано и справедливо, а также вовсе не означает, что за собеседником во всех

жизненных сценариях будет закреплена какая-либо одна роль – ведомого или ведущего.

Отметим также, что важной составляющей коммуникативно справедливого взаимодействия является учет собеседниками такого объективного фактора действительности, как социальный статус партнера по диалогу. Основываясь на показателях социального статуса, собеседники выбирают соответствующие языковые средства поверхностной манифестации коммуникативного намерения, например, адресант желает совершения адресатом некоторого действия в свою пользу и может приказать ему выполнить некоторые действия, обладая более высоким социальным статусом, или может прямо или косвенно попросить собеседника выполнить указанные действия, обладая равным или более низким социальным статусом. В каждом случае его речевые действия будут маркированы разными языковыми средствами, но станут коммуникативно справедливыми, если будут основаны на учете такого прагматического фактора, как социальный статус партнера по диалогу.

На выбор коммуникантами языковых средств маркировки своего намерения влияют также и существующие между ними межличностные отношения, основанные на кодексе доверия. При его наличии коммуниканты полностью доверяют намерениям друг друга, каждый из них не выходит за содержательные и функциональные рамки своего сообщения и их толкование объективных условий совпадает. Подобное взаимодействие можно назвать коммуникативно справедливым. Примечательно, что если собеседники имеют одни и те же убеждения относительно происходящих событий, то результат их интерактивного взаимодействия также коммуникативно справедлив, даже в том случае, когда их видение мира не соответствует общепринятому мнению (не путать категорию коммуникативной справедливости с общей идеей справедливости в философии).

Важно учитывать, что коммуникативное взаимодействие представляет собой сложный динамичный процесс интерактивного обмена репликовыми шагами, в котором проявляется эмоциональное состояние партнеров по общению. В аффицированном эмоциональном состоянии, каузированном как положительными, так и отрицательными эмоциями, возможны ситуации, когда один из собеседников под действием аффекта не учитывает прагматическую организацию объективных факторов и его репликовые шаги не соответствуют глобальной цели коммуникативного взаимодействия, например, собеседник может под действием эмоций оскорбить, унижить адресата или угрожать ему (подробнее об актах угрозы см.: [Романов, Новоселова 2013; 2013а]). Очевидно, что такие

речевые действия станут коммуникативно несправедливыми и, скорее всего, повлекут коммуникативное рассогласование или «сбой».

Тем не менее преднамеренный отказ адресанта от введения собеседника в состояние дискомфорта, проявляющийся, например, в выражении жалости или желания умолчать известные факты, также станет причиной несправедливой коммуникативной практики, так как говорящий для ее реализации будет вынужден скрыть известные ему пресуппозиционные условия действительности и изменить содержание своего высказывания. Важно иметь в виду, что и целенаправленные реплики инициатора, способствующие возникновению дискомфортного эмоционального состояния у собеседника из-за необоснованного нагнетания обстановки, будут также считаться коммуникативно несправедливыми.

Итак, обозначенные прагматические факторы объективной действительности, такие как социальный статус коммуникантов, кодекс доверия между ними, тип их фреймового взаимодействия и эмоциональное состояние влияют на выбор языковых средств маркировки коммуникативного намерения и, как следствие, на установление справедливых отношений между коммуникантами. В том случае, если партнеры по диалогу выбирают языковые средства маркировки своего коммуникативного намерения, соответствующие типу интерактивного взаимодействия в определенных пресуппозиционных условиях, их интерактивное взаимодействие коммуникативно справедливо и между ними устанавливаются справедливые отношения. В свою очередь, отсутствие учета инициатором диалога пресуппозиционального фактора, отсутствие между ними кодекса доверия может привести к необходимости толкования высказывания адресатом и возникновению гипотез относительно развития сценарного фрейма. В подобном случае имеет место установление коммуникативно несправедливых отношений между ними.

Немаловажно, что интерактивное взаимодействие собеседников само по себе не связано с их стремлением к коммуникативной справедливости или несправедливости, но вклад в диалогический обмен каждого из собеседников может быть оценен другим по шкале «справедливо» – «несправедливо», и эта оценка будет оказывать существенное влияние на ход дальнейшего взаимодействия, так как коммуникативная справедливость «сопровождает» процесс коммуникативного взаимодействия собеседников, участвует в распределении речевых действий, выступает важным регулятором в установлении отношений между коммуникантами и способствует их синергичному продвижению к решению поставленных целей.

Литература

Новоселова О. В. Модели дискурса-конструкта коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 64–73 [Электронный ресурс] // URL: <http://tverlingua.ru> (дата обращения: 19.10.2016).

Новоселова О. В. Феномен «справедливого слова» или о прагматической категории коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016. – № 1. – С. 62–71. [Электронный ресурс] // URL: <http://tverlingua.ru> (дата обращения: 19.10.2016).

Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов А. А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 153 с.

Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). – Москва – Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

Романов А. А., Новоселова О. В. Топономия психологического пространства вербальных практик-угроз // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2013а. – № 2. – С. 20–32.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Д. Д. Сатикова

Казанский федеральный университет

В статье анализируются способы моделирования рече-жестового поведения персонажей текстов СМИ. На основании проведенного исследования делается вывод, что данный способ воссоздания фрагментов действительности насыщает текст дополнительными значениями и созначениями, формирует у читателей ощущение непосредственного участия в процессе живого общения.

Ключевые слова: глаголы речи, глаголы жеста, газетные тексты.

Одной из центральных задач современной лингвистики становится изучение функциональной значимости вербальных коррелятов невербальных поведенческих знаков. Указанная задача, как правило, решается на материале текстов художественной литературы. Функциональная значимость вербальных репрезентаций невербальных знаков в текстах СМИ за редким исключением (см., например: [Мардиева 2014а; 2014б; 2016]) остается вне зоны научных интересов ученых. Вместе с тем вербальные репрезентации невербальных коммуникативных знаков выполняют в текстах СМИ экспрессивную функцию и вызывают огромный исследовательский интерес.

В прозаических произведениях повествовательного жанра авторская речь не обходится без глаголов *сказал, спросил, ответил, проговорил, вымолвил* и т.д. Такие глаголы составляют особую семантическую группу, называемую глаголами речи. Однако, как справедливо отмечает А.А.Илюшин, глаголы речи не способствуют эмоциональной выразительности текста, кроме того, сами по себе такого рода глаголы кажутся «бесцветными» [Илюшин 1969: 21], чего нельзя сказать о глаголах жеста, которые, по наблюдениям ученого, в текстах художественных произведений нередко заменяют глаголы речи, существенно обогащая тем самым текст множеством смысловых нюансов и оттенков [Там же: 21–22].

Анализ материалов газет «Республика Татарстан», «Вечерняя Казань», «Аргументы и факты. Казань», «Казанские ведомости», «Газета. ru» за период с 2009 по 2016 годы свидетельствует, что данный прием используются не только в текстах художественных произведений, но и в медитекстах. Заметим, что вслед за Г.Е.Крейдлиным [2002: 43] термин «жест» понимается в работе широко: как движения не только рук, но и мимика и значимые движения тела. Необходимо также подчеркнуть, что в роли глаголов речи используются лишь соматические речения, т.е. устойчивые словосочетания и предложения, описываю-

щие жесты, мимику, характерные движения тела, их основная цель – отразить внутреннее состояние человека, его чувства.

Проведенное исследование показывает, что для введения речи в газетных текстах используются структурно-грамматические классы соматических речений, в которых кинемы могут быть выражены: глаголом жеста («*Когда начали встречаться, он не знал, кем я работаю*», – *улыбается* Гульназ (Аргументы и факты. 2014. 6 марта); словосочетаниями, построенными по модели «существительное в творительном падеже с предлогом с/со + глагол речи» («*Мои питомцы не разбежались и выполнили программу*», – *с улыбкой говорит* Анисимов. – Аргументы и факты. 2014. 18 апр.); глагольными сочетаниями, в которых глагол обозначает действие, а существительное – орган, выполняющий данное действие. В последнем случае в роли глаголов речи выступают жесты без адапторов и жесты с адапторами. Под адапторами мы вслед за Г. Е. Крейдлином понимаем материальные объекты и звуки от них, которые принимают участие в акте актуальной коммуникации. Адапторы можно разделить на два основных класса: адапторы тела и адапторы-объекты тела [Крейдлин 2002: 93], например: *Начальник стучит кулаком по столу* <адаптор-объект>, *ругает подчиненных* – Вечерняя Казань. 2011. 11 марта).

В газетных текстах используются два основных семантических типа (по классификации Г. Е. Крейдлина) жестов: коммуникативные жесты (общекommunikативные и дейктические) и симптоматические жесты, которые, в свою очередь, могут быть представлены следующими группами кинесических средств: собственно жестами, телодвижениями, мимикой. Глагол речи заменяется не глаголом жеста в собственном смысле, а многозначным глаголом, который может характеризовать ту или иную особенность речи, но в то же время передавать и психологическое состояние говорящего, и его внешнюю, «портретную черту», и движение, жест [Илюшин 1969: 22].

Первую группу кинем составляют коммуникативные жесты (кинемы, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату):

1) указательные (дейктические) жесты. Как правило, они употребляются в тексте во взаимодействии со средствами пространственно-временного и личного дейксиса [Блинова 1994: 11]. В газетных текстах они представлены описаниями движений рукой, головой, пальцем, глазами и глагольными номинациями (указать, показать и др.): «*Скажите, пожалуйста, почему у вас на этот телефон, – Маша показала пальцем на модель, о которой она давно мечтала, – такая большая скидка. Он что, не новый?*» (Казанские ведомости. 2014. 6 февр.).

2) этикетные жесты, которые сопровождают речь, подчеркивая ритуальный характер коммуникации. В газетных текстах такие этикетные речевые формулы приветствия и прощания единичны: *Пробегаю мимо мужа, она помахала ему: «Папа, привет!»* (Аргументы и факты. 2016. 3 марта).

3) самый большой по объему класс коммуникативных жестов образуют ситуативно нейтральные или общекоммуникативные жесты: *Потерпевшие кивают: мол, что и следовало доказать* (Аргументы и факты. 2014. 17 апр.); *Но Владимир Антонович лишь покачал головой: «Она больше по огурцам да помидорам специализируется, а цветы выращивать, так уж повелось, – моя забота»* (Республика Татарстан. 2013. 21 марта); *Он кивнул: «Нет проблем!»* (Аргументы и факты. 2011. 30 июня).

Вторую группу эмблематических кинем представляют симптоматические жесты, выражающие эмоциональное состояние жестикулирующего. В текстах СМИ данная группа кинем употребляется чаще, чем коммуникативная группа: *Глухой удивленно вскидывает глаза: «Вы помните? Действительно, это была мечта – кафе для глухих людей...»* (Вечерняя Казань. 2013. 3 дек.); *«Мне бы с ним, – досадливо поморщился Олег, – сразу к парням в милицию, а я самостоятельность проявлять начал»* (Республика Татарстан. 2011, 28 янв.); *«Ну что? – оскалится. – И твоя очередь пришла пострадать за правое мое дело. Сам напросился»* (Республика Татарстан. 2011, 28 янв.). Кроме того, ученые отмечают, что «документальное конструирование речевой деятельности персонажей ведется в медиатекстах при помощи глаголов речи с указывающими на жестово-мимическое сопровождение словесной речи уточняющими конструкциями» [Мардиева 2016: 26].

Как видим, жестовые знаки, в отличие от слов естественного языка, воспринимаются по большей части глазами. В основном это зрительные знаки (в редких случаях – тактильные), причем наделенные особыми функциями: они не только описывают явления, ситуации, объекты и свойства реального мира, но и изображают реалии и указывают на них. Жестовые элементы по своей природе демонстративны и выполняют в коммуникативном акте помимо информативной, экспрессивной, регулятивной и пр. изобразительную функцию [Крейдли 2002: 51]. В описаниях невербальных компонентов раскрываются особенности характера говорящего, его настроение в момент речи, степень искренности сказанных им слов, например: *А на выборы, спрашиваю, пойдете? На этих словах человек преображается, человека не узнать, грудь колесом, ухмылка выгнулась в какую-то незнакомую презрительную дугу: «Это меня не касается!»* (Газета. ru. 2016. 13 сент.). «"Осязаемость" описываемых автором медиатекста

речевых и неречевых действий персонажей может усиливаться за счет присутствия в тексте указаний на паравербальные характеристики речи» [Мардиева 2016: 26], см., например, продолжение предыдущего фрагмента: *С такой гордостью, с нажимом сказал, как будто я предложила ему что-то низкое* (Газета.ru. 2016. 13 сент.).

Таким образом, без сообщений о невербальном поведении, сопровождающих звучащую речь, само это сообщение не всегда может быть передано достоверно со всеми ее нюансами и смысловыми обертонами. Вербальные экспликации невербальных средств оказывают существенное влияние на процессы восприятия и осмысления читателем реконструируемых журналистами фрагментов картины мира.

Литература

Блинова А. В. Структурно-семантический анализ невербальных средств коммуникации и их отражение в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: РУДН, 1994. – 16 с.

Илюшин А. А. Глаголы жеста у Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 1969. – № 6. – С. 20–25.

Крейдли Г. Е. Кинесика // Словарь языка русских жестов. – М.-Вена: Языки русской культуры, 2001. – С. 166–174.

Крейдли Г. Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Мардиева Л. А. «Слышимое» и «видимое» в газетных текстах // Русская речь. – 2014. – № 6. – С. 55 – 58.

Мардиева Л. А. Коды визуального поведения и прецедентные визуальные феномены в составе семиотически осложненных текстов средств массовой информации // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 246–250.

Мардиева Л. А. Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов): автореф. дис. д-ра филол. наук. – Казань: КФУ, 2016. – 52 с.

СЕМАНТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

С. Г. Сафонова

Казанский федеральный университет

В статье рассматривается вербальная манифестация концепта *богатство* в художественных текстах Ф. М. Достоевского». Семантика художественного концепта исследуется посредством анализа способов вербализации концепта через его ключевое слово-репрезентант, лексему «богатство». Анализ способов реализации концепта *богатство* в произведениях Ф. М. Достоевского позволяет выявить особенности индивидуально-авторской картины мира и идиостиля писателя.

Ключевые слова: концепт *богатство*, лингвокультурология, художественная картина мира, идиостиль, Ф. М. Достоевский.

Изучение концепта как элемента художественной картины мира становится актуальным в лингвистической науке последнего времени. Те или иные концепты репрезентируются определенными языковыми вербализаторами, изучение которых позволяет воспроизвести картину мира того или иного писателя. Понятие «картина мира» является одним из самых важных и фундаментальных понятий, «выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия существования его в мире» [Постовалова 1988: 11]. Художественная картина мира вторична, опосредована языком, она возникает в сознании читателя при восприятии им текста художественного произведения и является вариантом языковой картины мира. Авторская картина мира отражает взаимодействие общего и индивидуального в языке: поэты и писатели используют общий языковой фонд, внося в него свои собственные средства выразительности. Индивидуальное мировоззрение автора обуславливает выбор тех или иных метафор, создает идиостиль, в котором отражаются семантико-типологические характеристики языка.

Своеобразие художественного текста как объекта исследования заключается в том, что он, имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности; пропущенные через языковую личность писателя. Языковая личность писателя, в свою очередь, формируется под влиянием концептов, сложившихся на протяжении длительного времени в языковом сознании народа, поэтому подобные концепты находят свое выражение в художественном тексте. «В любом художественном тексте встречаются слова, несущие дополнительную смысловую

нагрузку, окруженные особым коннотативным ореолом и нередко получающие символическую функцию» [Арутюнова 2001: 525].

Произведения русского классика Ф. М. Достоевского дают обширный материал для исследования концепта «богатство». Так как Ф. М. Достоевский был глубоко религиозным человеком, то его произведения раскрывают нравственные, духовные стороны человеческого характера, доказывают преимущество духовного богатства над богатством материальным, которое, как показывает писатель, губительно влияет на человеческую душу.

Поскольку реализация концепта прежде всего связана с совокупностью языковых средств его выражения, то их анализ позволяет раскрыть содержание концепта. При анализе языковой репрезентации концепта «богатство» необходимо прежде всего обратиться к зафиксированным в словарях дефинициям. Согласно «Современному толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова лексема «богатство» имеет следующие значения:

1. Обилие материальных ценностей; большое состояние. *Сказочное богатство.*

2. Что-либо, представляющее ценность только для кого-либо. *Дети – вот все мое богатство.*

3. Роскошь, великолепие, пышность. *Богатство убранства дворца.*

4. Природные ресурсы. *Лес – наше национальное богатство.*

5. Совокупность нравственных и культурных ценностей. *Богатство человеческой души. Песенное богатство России.*

6. Множество, разнообразие. *Лексическое богатство языка.* [Кузнецов 2001: 49].

Ключевое слово рассматриваемого концепта, иначе его имя, представлено лексемой «богатство» в значении «обладание материальными ценностями». Можно привести следующие примеры использования этой лексемы в художественном тексте Ф. М. Достоевского. Например, в романе «Униженные и оскорбленные»: *Богатством только и взяли перед нами* [Достоевский 1984: 266], *Ну, да пусть тот, разбойник-то, Петр Александрович, о богатстве хлопочет; всем известно: жестокосердная, злая душа* [Достоевский 1984: 266]. Подобная семантика лексемы «богатство» составляет ядро соответствующего концепта, что и находит отражение в зафиксированных в словарях дефинициях. Но, кроме того, можно заметить, что в приведенных примерах эта лексема имеет также негативную контекстуальную коннотацию. Представление о богатстве в контексте первого примера подразумевает несправедливое социальное разделение людей по признаку материального достатка и неоправданное преимуще-

ство обеспеченных материальными благами людей над другими. Негативная коннотация лексемы «богатство» во втором примере выражается эксплицитно посредством определений «жестокосердная» и «злая», характеризующим душу обладателя богатства.

Следующий пример вербализации концепта «богатство» в языке повести «Село Степанчиково и его обитатели» иллюстрирует соотношенность данного концепта с понятием «мечта», «иллюзия»: *Богатства неслыханные, красота неувядаемая, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральские дети...* [Достоевский 1998: 692]. Эпитет *неслыханные* указывает на иллюзорность и неправдоподобность размышлений героини о богатстве.

В примере из романа «Братья Карамазовы» концепт «богатство» представлен и на понятийном уровне, поскольку в его содержание входят понятия, указывающие на позитивные следствия богатства – влияние и силу: *Люди были немалые, имели богатство, влияние и силу, меня принимали ласково и радушно* [Достоевский 1991: 1, 15]. Таким образом, восприятие богатства, по мнению Ф. М. Достоевского, целиком зависит от нравственных качеств людей, которым оно досталось. Человека с моральными принципами богатство не портит, не оказывает пагубного влияния, так как для него важны другие ценности. Поэтому в данном контексте слово *богатство* не имеет негативной характеристики. В следующем примере Ф. М. Достоевский, как глубоко верующий человек, показывает, что богатство может быть и Божьим даром: *Столько тайн разрешенных и откровенных: восстанавливает Бог снова Иова, дает ему вновь богатство...* [Достоевский 1991, 1: 373].

Представление о богатстве может соотноситься и с конкретным лицом, что отражается в использовании имени собственного, от которого образуется притяжательное прилагательное, выступающее в качестве лексического конкретизатора: *Богатство есть, но не Ротшильдovo; фамилия честная, но ничем никогда себя не ознаменовавшая...* [Достоевский 1984: 410]. В данном случае прилагательное *Ротшильдovo* используется для обозначения размера «большое богатство».

Образная составляющая концепта «богатство» в романе «Идиот» переносится и на другие понятия. Оно может быть представлено как:

– богатство как неотъемлемая часть светского человека: *...Афанасий Иванович Тоцкий, человек высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства...* [Достоевский 1984: 35];

– идеальный супруг: *Будущий муж Аглаи должен быть обладателем всех совершенств и успехов, не говоря уж о богатстве* [Достоевский 1984: 36].

В составляющие образа идеального мужа богатство входит как часть обязательная и не поддающаяся обсуждению или сомнению;

– успех, успешное развитие. Во времена Достоевского личный успех, карьерный рост часто связывали с признанием индивида в высших кругах общества. *Впоследствии, при богатстве и служебном значении своего супруга, она начала в этом высшем кругу даже несколько и осваиваться* [Достоевский 1984: 16];

– наличие материальных благ: *И не пугайте меня вашим благосостоянием, вашими богатствами, редкостью голода и быстротой путей сообщения!* [Достоевский 1984: 337];

– причина зависти, подлости окружающих: *Вас – слабого, беззащитного – облапошили...из-за вашего богатства, из-за вашего княжества* [Достоевский 1988: 502];

– богатство как источник безнаказанности: *Разумеется, с богатством и со связями Тоцкого можно было тотчас сделать какое-нибудь маленькое и совершенно невинное злодейство* [Достоевский 1984: 39];

– ассоциативное значение «неожиданность», «внезапность»: *И вот огромное богатство вдруг, как бы чудом, упало с неба и рассыпалось золотой россыпью у ног Татьяны Ивановны: она оказалась единственной законной наследницей умершего родственника* [Достоевский 1998: 692]. Определение *огромное* указывает на размер и значимость состояния. Метафоры *упало с неба* и *золотой россыпью* усиливают значение внезапности.

Оценочный уровень концепта представлен в художественном контексте посредством характеристики богатства через призму поведения персонажей. Именно «в слове обнаруживаются ценностные установки своего времени, в том числе и выраженные имплицитно, дающие представление о значимости для человека различных сторон его жизнедеятельности» [Ерофеева 2010: 17-18]. При этом в содержание концепта входят понятия, указывающие на негативное влияние богатства на личность человека: *И вдруг она получает богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернет* [Достоевский 1998: 661]. Отрицательное влияние материального достатка на человека эксплицируется в значении слова «богатство» и в следующем примере: *Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, в которой, по выражению дяди, было нечто фантасмагорическое, которую навязывали ему в невесты и за которой почти все в доме ухаживали за ее богатство* [Достоевский 1998: 593]. В контексте этого примера лезть и двуличие являются негативными следствиями богатства. Гордость и тщеславие также представляются как следствия материального благополучия: *Убедили дядю и в том, что Фома ниспослан ему самим Богом для*

спасения души его и для усмирения его необузданных страстей, что он горд, тщеславится своим **богатством** и способен попрекнуть Фому Фомича куском хлеба [Достоевский 1998: 555].

В русском языковом сознании концепт «богатство» может быть ассоциативно связан и с нематериальными ценностями, прежде всего внутренним миром человека: *«И вдруг приходит случайно минута, в которую душа его невольным порывом открывается наружу, и вы видите в ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое понимание и собственного и чужого страдания, что у вас как бы глаза открываются, и в первую минуту даже не верится тому, что вы сами увидели и услышали»* [Достоевский 1984: 187].

Таким образом, в данной статье рассмотрена реализация концепта «богатство» при помощи ключевого слова-репрезентанта «богатство». Анализ данного репрезентанта позволяет описать концепт на трех уровнях: образном, понятийном и ценностном. На понятийном уровне вербализация концепта «богатство» представлена как обладание материальными и нематериальными ценностями. Образная составляющая соотносит концепт «богатство» с такими понятиями, как: мечта, иллюзия, влияние, сила, Ротшильд, идеальный супруг, успех, зависть, подлость и т.д. Ценностный уровень чаще всего представлен негативной коннотацией концепта «богатство», вербальные репрезентанты концепта часто соотносятся с такими понятиями, как зависть, подлость, безнаказанность. Гораздо реже в произведениях Ф. М. Достоевского отмечается позитивная оценка богатства как Божьего Дара, как силы и власти, несущих добро. Реализация концепта на данных уровнях свидетельствует об отражении в творчестве писателя как общеязыкового представления о богатстве, так индивидуального восприятия Ф. М. Достоевским данного понятия.

Литература

Арутюнова Н. Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. – М.: Языки славянской культуры, 2001 – С.525–554.

Ерофеева И. В. Именное словообразование в лингвокультурологической парадигме летописного текста. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 256 с.

Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001. – 960 с.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебrenников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 11–86.

Источники

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: в 2-х т. – М.: Правда, 1991. – Т.1. – 416 с.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: в 2-х т. – М.: Правда, 1991. – Т.2. – 529 с.

Достоевский Ф. М. Дядюшкин сон. Повести и рассказы. Т. 2. – Ленинград: Наука, 1988. С.391 – 518.

Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Униженные и оскорбленные. – М.: Правда, 1984. – 480 с.

Достоевский Ф. М. Идиот. Ижевск: Удмуртия, 1984. – 560 с.

Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Белые ночи: романы, повести. – М.: Эксмо-пресс, 1998. – 854 с.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РИТУАЛЬНОГО ТАНЦА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ

Н. А. Сегал, О. А. Щурик

Таврическая академия

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Исследование посвящено вопросам метафорической репрезентации образа ритуального танца в масс-медийных политических текстах. Анализ метафор, формирующих данный образ, позволил выявить специфику когнитивного воздействия метафоры ритуального танца на современного читателя. В статье доказывается, что указанный образ формирует в сознании адресанта закреплённые метаязыковые коды, которые фокусируют внимание читателя на значимых явлениях социально-политической жизни.

Ключевые слова: метафора, политический текст, политический дискурс, коннотация, картина мира, масс-медийный текст.

Исследование особенностей реализации политических метафор – одно из центральных направлений когнитивной лингвистики начала XXI века. На современном этапе политическая метафора вбирает в себя новые коннотативные смыслы, тем самым расширяя сферу своего употребления и переводя в сферу политики реалии, свойственные другим сферам. Масс-медийные тексты представляются неким коммуникативным мостом между адресантом и адресатом. По словам Ю. М. Лотмана, взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: «...Текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории» [Лотман 1996: 7].

Употребление метафор в масс-медийных текстах репрезентирует действующие реалии политической жизни государства. По мнению В. Г. Костомарова, «весь «арсенал» метафор используется прежде всего для изображения негативных сторон политики, экономики, социальной обстановки, в целом для «разоблачения», точнее – образного обругивания политического противника» [Костомаров 1971: 124]. Таким образом, главной целью политической метафоры является скрытое манипулирование сознанием адресата, вовлеченным в массовый текст. Согласно Е. И. Шейгал политический язык – это прежде всего «язык, применяемый в манипулятивных целях» [Шейгал 2004: 31]. Уникальность метафоры, по убеждению И. М. Кобозевой, состоит в том, что метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на кото-

рую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата не общепринятые мнения» [Кобозева 2000: 135].

Ценность и значимость метафорического потенциала языковой картины мира, как отмечают исследователи, является бесспорной. Так, «метафора, на первый взгляд, чрезвычайно расширяет, “расщепляет” пути мышления, но одновременно она задает креативное (интерпретативное) поле смыслов, сужает его до известных пределов, а точнее, до заданных структурой аналогий возможных аттракторов» [Герман 1999: 61]. Изучение научной литературы, посвященной исследованию политической метафоры (работы В. Н. Базылева, А. Н. Баранова, Э.В. Будаева, М. Джонсона, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Л. А. Кудрявцевой, Дж. Лакоффа, В. Н. Телия, А. П. Чудинова, Г. М. Яворской), позволяет интерпретировать политическую метафору как инструмент для восприятия, моделирования и оценки политических процессов, воздействующих на сознание читателя в его заданных целевых установках.

Цель данной статьи – выявление и описание метафорического образа ритуального танца в русскоязычном политическом дискурсе.

Одной из безусловных тенденций современного политического дискурса является расширение сфер-источников метафорической экспансии. Так, наряду с привычными сферами в масс-медийных текстах находят свое отражение и сферы, связанные с искусством, в частности танцем. Такое соотношение двух непохожих систем позволяет выделить скрытые семантические элементы, формирующие в контексте уникальные языковые образы. Подобный прием реконструирует привычные ассоциативные связи, позволяющие по-новому воспринимать те или иные политические реалии. Как отмечал С. И. Виноградов, по семантике метафор можно изучать политическую историю страны, по распространенности тех или иных метафорических моделей – составить представление о ситуации, в которой она оказалась [Виноградов 1994: 71]. В современном мире *танец* как лингвокультурный феномен рассматривается в различных аспектах, отраженных в лексикографической практике. В словаре С. И. Ожегова лексема *танец* имеет следующие значения: «1. Искусство пластических и ритмических движений тела. 2. Ряд таких движений, исполняемых в собственном темпе и ритме в такт музыке, а также музыкальное произведение в ритме и стиле таких движений. 3. мн. Увеселительное собрание, вечер, на котором танцуют» [Ожегов 2001: 217].

В современном обществе *танец*, как и много веков назад, характеризует культуру и темперамент народа, выполняя не только эмоциональную, но и контактоустанавливающую функции (при этом адресатом может быть как партнер

по коммуникации, так и высшие силы). Выделяя ядерные компоненты денотата, можно сделать вывод, что из словарного значения лексемы в контекст переходит семантический компонент 'движение', при этом в контексте происходит насыщение коннотативными семами, актуальными для характеристики социально-политического устройства современного сообщества.

Издавна танец и музыка являлись социальной модальностью жизни племени, передающей информацию об устройстве мира, особенностях взаимоотношений и смысле существования. В первобытную эпоху танец представлял собой особый комплекс, состоящий из различных телодвижений (корпусом и ногами), мимических игр, жестикуляции. Считалось, что люди в древности танцевали оттого, что боги дергали людей за веревочки, привязанные к их рукам и ногам. В действительности же танец произошел из-за необходимости первобытных людей в общении, передачи какой-либо жизненно важной информации. Таким образом, наши предки использовали танец для передачи своего эмоционального состояния или какой-либо информации посредством телодвижений.

По делению на стили танец зависит от национальной специфики, которая представляется идентификатором особенностей его исполнителей. Важным фактором танца является то, что его исполнителями являются, как правило, двое или более танцоров.

Метафоризация танца является важным средством категоризации сферы политики в пространстве масс-медиа. Метафора танца все чаще проецируется на политический дискурс, что свидетельствует о семантической дихотомии. Представление политической ситуации или межгосударственных отношений как танца детерминирует данные структуры, создавая новые коннотативные центры, которые в дальнейшем могут складываться в устойчивые стереотипы.

В настоящее время тексты масс-медиа пестрят метафорами со сферой-источником «танец». Одним из наиболее ярких репрезентантов данной сферы является *ритуальный танец*, истоки которого восходят к глубокой древности. Исторически такой танец участвовал не только в построении коммуникационных связей на межличностном уровне, но и в налаживании контактов с иными мирами (на этом построены различные космогонические мифы, поклонение божествам и т.д.). В словаре русского языка слово *ритуал* трактуется как «порядок обрядовых действий при совершении таинства» [Ожегов 2001: 178]. Таким образом, ритуальный танец – это система внешних норм поведения, которые характеризуется достижением какой-либо сакральной цели. Такая трактовка актуальна и сегодня. При употреблении конструкций *ритуальный танец*, как пра-

вило, наблюдается имплицитная внутренняя мотивация ‘проведение определенных действий, направленных на достижение желаемого’: ***Ритуальные танцы вокруг избиркома***. *Грядущие думские выборы многим видятся предсказуемыми и оттого откровенно скучными* (ЦЭРС, 11. 07. 2016); ***Ритуальные танцы власти и оппозиции вокруг тарифов на ЖКХ и рентных платежей*** (ИЗДАТО, 29. 08. 2016).

Отметим, что в политических текстах необходимыми компонентами рассматриваемых конструкций являются пространственный предлог и субстантив с объектным или субъектным значением (*ритуальные танцы вокруг газовой трубы / избиркома /тарифов на ЖКХ и рентных платежей*).

Трехкомпонентная конструкция *последний ритуальный танец* является эквивалентом фразеологизма *последняя капля*, который интерпретируется как «утрата терпения, влекущая к резким и необдуманным решениям» [Бирих 2005: 287]. В политических текстах использование данной конструкции, как правило, свидетельствует о боевой готовности того или иного государства, находящегося в зоне конфликта: ***Последний ритуальный танец***. *Ритуальные танцы вокруг Исламской республики вступают в завершающую стадию* (Газета.ру, 03.03.2010); ***Последний ритуальный танец***. *Вокруг Ирана и его ядерной программы начался новый раунд активности* (Россия в глобальной политике, 03.05.2011).

В современном обществе ритуальные мероприятия характеризуются как пережиток прошлого и воспринимаются как нечто пустое и малозначимое. В политических текстах ритуальные танцы являются некой маскировкой реальной мотивации со стороны политиков, направленной на потенциальный электорат: ***Выборы-2016 в Саратовской области: «ритуальные танцы» вместо агитработы*** (Информационное агентство REGNUM, 29. 08. 2016); ***Практика проведения публичных слушаний в Петрозаводском городском округе вызывает массу нареканий. Это, в свою очередь, превращает публичные слушания в «профанацию», «ритуальный танец», связанный с «бутафорским изображением участия» населения*** (Ника-Пресс, 26. 09. 2014). Последний контекст нейтрализует коммуникационную значимость танца, выдвигая на передний план непрозрачность политической системы, в которой наблюдается фальсификация участия избирателей в предвыборной гонке.

Исполнение ритуального танца, как правило, влечет последствия положительного или отрицательного характера как для его исполнителя, так и для объекта-мишени, на который направляется действие. В приведенном ниже контексте данная аксиома нивелируется и *ритуальный танец* представляется не дей-

ствием с глубоким содержанием, а лишь некой игрой между политиками: *Кремлевский политолог Сергей Маркелов назвал встречу Радия Хабирова с Рустэмом Хамитовым «ритуальными танцами без особых последствий для каждой из сторон».* Он полагает, что «протокольная часть встречи была лишь надводной стороной», так как «все, что связано в республике с фамилиями Хабиров, Рахимов, Хамитов, это отдельная игра» (Уральская независимая газета, 12. 02. 2014).

Культуры разных народов мира характеризуются набором специфических черт, свойственных их верованиям и обычаям на определенном этапе эволюции. Смешение двух разных культур создает абсолютно новую понятийную систему, где новообразованные элементы получают специфические оттенки значения: *Очередной ритуальный самурайский танец* (Макспарк, 25.09.2014). Самурайский танец в японской культуре относится к военному танцу, который выполняет охранную функцию. Соотношение данного танца с ритуальным детерминирует первоначальный образ и конструирует новый, т.е. формирует новую культурную идентичность.

Для передачи максимального накала во время коммуникативного взаимодействия политиков с зарубежными партнерами или внутренними партнерами в политических текстах реализуется конструкция *танцы на углях*. В словаре русских синонимом приводится ряд слов и конструкций, которые сопоставимы с фразеологической единицей *сидеть как на углях*. Среди них необходимо выделить следующие: *ощущать тревогу, не находить места, сходить с ума, беспокоится* [Абрамов 1999: 155]. В данных единицах на денотативном уровне выделяются семы 'беспокойство', 'страх' со значением психологического состояния. В политических текстах конструкция *танцы на углях* сохраняет зафиксированные семантические компоненты обрастает новыми коннотативными смыслами: *Танцы на углях. Как у нас обыкновенно водится, уже после Парижского соглашения по климату разгорелась полемика по поводу обязательств, что взяла на себя Россия, подписав его* (КузПресс, 28.02.2016); *Танцы на углях. На днях Александр Хлопонин общался с жителями Северо-Кавказского федерального округа в ходе «прямой линии». К его чести, он коснулся, в том числе, и довольно острых вопросов, да и ответы, были по большей части, что называется, по делу* (Эхо Москвы, 29.10.2010).

Древние не выделяли танец как отдельный вид искусства, для них это было общее действие, в котором участвовал каждый член племени. В ритме люди пытались соединиться с космосом и вселенной, с ее ритмами. Древние танцы в своей структуре имеют очертания круга, спирали, зигзага. Именно символика

круга перешла в более поздние социальные объединения. Так, при политеизме и в Средневековье круг соотносился с космосом и солнцем. Многие народные танцы разных культур имеют в своей структуре круг; древние хороводы танцевались вокруг статуи божества. В современном мире одним из разновидностей коллективного танца является *хоровод*. По своей природе хоровод относят к обрядовым танцам, распространенным в основном у славян. Во время танца выполняется семь символических фигур (данное числовое единство является отражением времен язычества, в котором число семь было священным). В политическом номинация *хоровод* все чаще реализуется в метафорическом значении, в котором превалирует семантика *протеста, отсутствия результата*. ***Политический хоровод на Площади Революции в Москве***. Не получившие разрешения на проведение акции в форме митинга, представители оппозиции, среди которых координатор «Левого фронта» Сергей Удальцов, решили обличить свое собрание на Площади Революции в форму *хоровода*, выкрикивая во время этого действия, антивластные лозунги (Федеральный сервис открытых писем и отзывов, 26.02.2012).

Древние танцы вокруг божества представляли собой магический ритуал, который заключался в его восхвалении и, как правило, прощении о чем-либо. В эпоху монотеизма подобное отношение к политическим силам отображает сосредоточенность народных масс на смене политических реалий, которые непосредственно влияют на политическую и социальную обстановку в государстве: ***Премьерство: танцы вокруг Яценюка, хороводы вокруг Ярьсько***. Украинский политический кризис вышел на новый виток: если еще неделю назад умы граждан беспокоил вопрос, смениться ли премьер в стране, то сейчас в медиапространстве активно обсуждается вероятность назначения на эту должность министра финансов Наталии Ярьсько (РИА Новости Украина, 10.03.2016); ***Американо-турецкие танцы вокруг курдов и террористов в Сирии***. Курдские бойцы, предположительно поддерживаемые США, пересекли реку Евфрат в Сирии и двинулись фронтом в сторону города Манбидж, удерживаемого самозваным «Исламским государством» (NEO, 16.06.2016).

Для политических текстов весьма частотной является реализация лексемы *хоровод* в адъективных сочетаниях, где адъектив может быть конкретизатором географической локализации, качественно-относительных характеристик или иных признаков. Снижение идеологической значимости танца в современном мире приводит к реализации танцевальных па в виде некой игры, содержащей эффект обмана: ***Пока хоровод иллюзий политики водят с нищими, к власти приходят люди с упитанными лицами*** (Политота, 11.04.2015); ***Минский хоро-***

вод: имитация переговоров продолжается. Первая в этом году встреча трехсторонней контактной группы в столице Беларуси продемонстрировала, что прогресс в выполнении Минских соглашений в ближайшее время не предвидится, но ритуальные танцы будут проводиться регулярно (ГлавВред, 14.01.2016). В политическом тексте метафорический образ хоровода является экспликатором непрозрачного политического метода проведения голосования: **Политтехнология «хоровод» или «круизное голосование».** «Круизное голосование», «круиз», «хоровод» – это разные названия одной и той же очень наглой и очень бессовестной формы использования административного ресурса на выборах (ПолитТех, 30.03.2009).

Развитие танца в истории общества фиксирует отхождение от коллективизации танца до исполнения его сольно с использованием символических или магических атрибутов. Исполнение танца с такими атрибутами еще с древних времен несло сакральный смысл. Так, в древние времена бубен не только воспринимался только как музыкальный инструмент, но и служил главным элементом в шаманской практике. Использование бубна позволяло ввести человека в гипнотический транс. В политическом дискурсе конструкция *танец с бубном* воспринимается как некий манипуляционный ход, воздействующий на адресата для достижения определенной, как правило, завуалированной цели: **Танцы с бубном вокруг бочки с нефтью** (ЖЖ, 19.08.2015); **Танцы с бубном вокруг теории сирийского исхода** (Новости Ислама, 30.11.2016); **Танцы с бубном вокруг «закона Савченко»** начались сразу же после его принятия (FAKEOFF, 21.09.2016); **Танцы с бубном вокруг добывающих компаний** (ИА Regnum, 22.09.2016); **Ритуальные танцы с бубном с целью легитимировать его власть на следующий срок** (by24, 15.08.2015); **Дальше со стороны Кипра были танцы с бубнами для того, чтобы напугать Россию и взять кредит у нее** (Политота, 25. 03. 2013). Подобное ритуальное действие на современном этапе развития общества воспринимается как пустая трата времени или симуляция конструктивных действий власти: **Давайте не принимать танцы с бубном за реформы** (GORDON.UA, 03.08.2016); **Идет продвижение проекта «украинская государственность незыблема», вокруг которого «происходят танцы с бубном»** (ОКИНФО, 26.08.2016).

Таким образом, в текстах политических СМИ метафора танца становится все более сложным механизмом, который, в свою очередь, шифрует текстовую информацию на разные метаязыковые коды, моделирующие когнитивную систему адресата. Частое использование лексики, несвойственной для современного мира, переносит читателя в иные реалии, которые способствуют перера-

ботке информации и переформатирования массового сознания. Масс-медийные политические тексты являются политическим актором, трансформирующим технологию речевого воздействия на адресата через общественный текст. Как показал контекстный анализ, метафорический образ танца является ценным фрагментом политической картины мира, отражающим особенности современного социально-политического устройства и успешно воздействующим на адресата.

Литература

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 431 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

Виноградов С. И. Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – 359 с.

Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с.

Кобозева И. М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 266 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

Ожегов С. И. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (Предварительные наброски) // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – 560 с.

Шейгал Е. Г. Семиотика политического дискурса. – М.: Логос, 2004. – 268 с.

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТОПОНИМИКЕ КРАЯ

А. К. Сулейманова

Уфимский государственный нефтяной технический университет

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности региональных микротопонимов, анализируются способы презентации в них элементов материальной и культурной жизни этноса, выявляется степень влияния лингвистических и экстралингвистических факторов на выбор мотивов для образования географических наименований.

Ключевые слова: ономастическая лексика, топоним, региональная топонимика, материальная культура народа, духовная культура народа.

Современные лингвистические исследования характеризуются все более возрастающим интересом к выявлению и описанию различных фрагментов региональной картины мира, изучению влияния культуры народов нашей страны на языковую картину современного социума. В этой связи особую актуальность приобретают исследования в области топонимикона того или иного региона, выявление их своеобразия и связи с культурой народа, отражение в них языковой картины мира этноса; не менее важным является и круг вопросов, связанный с историей возникновения топонима [Суперанская 2011: 3].

Современная лингвистика ориентирована на исследование активной роли языка в человеческом обществе. Отсюда внимание современной лингвистики к истории этноса, его языку и культурной жизни, интерес к проблемам ономастикона различных регионов страны [Распольшина 1989]. Ономастическая лексика чутко и достаточно активно реагирует на общественно-политические, социальные, культурные преобразования, выполняя своеобразный социальный заказ того времени, в котором она рождается. Изучение имени собственного требует привлечения обширных экстралингвистических сведений (историко-этимологических, мифологических и т. п.). По мнению исследователей, топонимия – это уникальная подсистема языка, «часть культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование» [Панфилов 1988: 47]. «...Почти за каждым ономастическим фактом стоит историческая и живая – вымышленная или вполне реальная – действительность, которая через различные экстралингвистические факторы создает специфический круг многообразнейших ассоциаций» [Ковалев 2000: 134].

Топонимы определенного региона составляют его ономастическое пространство. Данное пространство является значимым элементом в системе языка

и культуры и определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа, где «каждая языковая личность владеет определенным набором их (топонимов), который задает некоторые пространственно-географические вехи и ограничения в этом мире» [Горбаневский 1983: 33–34]. Топоним функционирует на двух уровнях коммуникативного пространства языковой личности – на уровне языка и культуры. Топоним, как и любое имя собственное, представляет собой специфический конгломерат лингвистического и экстралингвистического планов, сведения о слове переплетаются со страноведческой и культурологической информацией об объекте. По справедливому утверждению академика Я. К. Грота, «топонимическое семя редко бывает случайным и лишенным всякого значения. В нем по большей части выражается или какой-нибудь признак самого урочища, или характеристическая черта местности, или намек на происхождение предмета или, наконец, какое-нибудь обстоятельство, более или менее любопытное для ума и воображения» [Грот 1989: 133].

Человек отбирает из внешнего мира и затем закрепляет в названии только то, что коррелирует с его знаниями об окружающей действительности, отражает его личный взгляд на мир и соответствует его бытийным ценностям. Среди таких ценностей «различаются ценности природные – те свойства объекта, какие имеют отношение к физическому здоровью и благополучию человека; формальные – осмысляемые как особенные качества величины, формы ... объекта; познавательные – важные для включения сведений о пространственной реальности в общий фонд энциклопедического и специального знания; потребительские – связанные с владением и практическим использованием объекта; сакральные – относящиеся к различению священных мест; эстетические – отражающие восприятие реалий в свете представлений о прекрасном, гармоническом; исторические – детерминирующие название места по его связи с неординарными событиями прошлого и современности и др.» [Голомидова 1998: 143–144].

Мировосприятие нации в целом определяется не только рационально-логическим осмыслением мира, но и созерцанием, чувствованием, осмыслением и оценкой мира, которые реализуются в наименовании топонимов, в силу чего можно утверждать, что они играют важную роль в культурно-философском восприятии жизни нации. Географические наименования по праву можно отнести к лингвокультурологическим феноменам, функционирующим в коммуникативном пространстве языковой личности, образующим и несущим своеобразный национальный колорит.

Важное место в топонимии Республики Башкортостан занимают микро-топонимы (в частности, микротопонимы Бирска и Бирского района Республики Башкортостан), при анализе которых выявляется целостная картина окружающего мира. Наиболее крупными лексико-семантическими группами региона являются *природа, человек, общество, познание*. При этом каждая из групп состоит из более мелких групп, например, ЛСГ «Общество» представлена следующими семантическими микрогруппами:

– *общественные организации*: улицы *Коммунистическая, Комсомольская, Пионерская* и др.; в топонимах данной группы отражаются политические и социальные события жизни общества. События 1917 года, отречение от старого мира и воинствующее неверие в бога привели к отмене старых церковных названий. Улицам стали присваиваться новые наименования, при этом использовались наиболее популярные идеологические штампы (*Коммунистическая, Советская, Пролетарская*). Наличие единого для всей страны партийного ценза привело к тому, что подобные названия стали даваться улицам в разных городах и селах;

– *административно-территориальное устройство* (названия городов, населенных пунктов, рек): улицы *Ленинградская, Бакалинская, Демская, Черниковская, Дуванская, Краснодонская* и др.;

– *вооруженные силы*: улица *Красноармейская* и др.;

– *образование*: *Школьный* переулок, улицы *Университетская, Школьная*;

– *здравоохранение*: улицы *Больничная, Медицинская*;

– *сфера обслуживания*: улица *Почтовая* и др.;

– *наименования профессии*: улицы *Геофизиков, Рабкоров, Испытателей, Авиаторская, Культработников* и др.

М. В. Горбаневский относит подобные наименования к топонимам «с пустой историко-культурной биографией», называет их «бессодержательными» как по первоначальной мотивации, так и по последующим историко-культурным фактам. В качестве подтверждения исследователь приводит статистические данные – в 86 городах России есть улица Строителей, нередко с дополнительными цифровыми индексами [Горбаневский, Дукельский 1983: 47]. Однако, на наш взгляд, подобные топонимы имеют историко-культурную биографию, поскольку продолжают давние традиции, когда было принято называть улицы по тому ремеслу, которым занимались люди, жившие на данной улице, например, улица *Заводская*. Топонимы данной подгруппы связаны номинацией с экономической сферой жизни общества;

– *политическая жизнь*: улицы *50 лет Октября, 8 марта, Первомайская, Делегатская, Конституции* и др. В эту группу включены топонимы, в наименованиях которых отражаются история страны, политическая жизнь государства.

Топонимы группы «Общество» содержат в себе характеристики общественной жизни, которые включают в себя основные сферы жизни общества: социальную, политическую и др.

В ЛСГ «Человек» можно выделить следующие подгруппы:

– *идентификация человека в обществе*: улицы *Кутузова, Герцена, Дм. Донского, Шумавцова* и др. Топонимы данной подгруппы указывают на фамилии исторических личностей, революционеров, писателей, героев Великой Отечественной войны, летчиков и космонавтов, военных, ученых, деятелей науки, искусства, общественных деятелей, канонизированных святых. Самой многочисленной в этой микрогруппе являются топонимы, получившие свое наименование по фамилиям писателей, что подтверждает тезис о любви россиян к чтению: улицы *Пушкина, Чернышевского, Аксакова, Тукая, Гайдара, Баязита Бикбая, Салавата Юлаева, Достоевского*. Достаточное количество топонимов получили наименование по фамилиям героев Великой Отечественной войны, оставившей неизгладимый след в судьбе каждой семьи нашей страны. Башкиры боролись за свободу родины плечом к плечу с русскими, татарами, украинцами, белорусами и другими народами, закономерно, что фамилии героев войны выступили в качестве мотивирующего слова при образовании микротопонимов: улицы *генерала Шаймуратова, Маршала Жукова* и др. Микротопонимы, образованные от антропонимов, – одна из самых многочисленных и разветвленных групп. Слова этой группы представляют особый интерес, так как являются отражением как индивидуального, так и национального самосознания, в полном объеме демонстрируют взаимодействие топонимической системы с культурой и мировидением народа. Наименования по фамилиям людей являются самой распространенной в группе наименований микротопонимов; каждый топоним несет в себе код эпохи, имеет «историко-культурную биографию» (термин М.В. Горбаневского), содержит и передает последующим поколениям социально и культурно значимую информацию, составляющую когнитивный аспект языковой картины мира человека. Антропонимические микротопонимы содержат также информацию об *эмоциональном мире человека*: улицы *Мира, Дружбы, Активная, Новая, Отрадная, Тихая*. Улицы, «маркированные» эпитетами, демонстрируют отношение жителей к месту, где они живут, передают их любовь

к родному краю и являются важным фактором воспитания в молодом поколении чувства патриотизма к малой родине;

– *быт человека*: улицы *Дачная, Гаражная, Тепличная*.

Топонимы группы «Природа» сообщают нам:

– *о растительном мире*: улицы *Лесная, Луговая, Полевая*; улицы *Вторая Тополиная, Березовая, Вишневая, Кленовая* и др.; *Цветочная, Рябиновая, Сиреневая*. Появление названий-фитонимов на карте мира в целом закономерно. В мифах многих народов говорится о связи человека с землей, солнцем и природой: «...Растения, трава, деревья... обладают сверхъестественной силой – как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений – архетип дерева-тотема» [Маслова 1997: 116]. Так, в микротопонимике Бирского района Республики Башкортостан активны названия плодовых деревьев, которые имеют тесную связь с человеком, олицетворяя собой двойник человека, они более принадлежат миру культуры, чем миру природы. Нельзя не согласиться с тем, что «хотя растительность – низшая форма жизни, но именно в ней можно рассмотреть и через нее постичь изначальные закономерности бытия» [Маслова 1997: 120–121];

– *о водном пространстве*: улицы *Озерная, Прудовая, Речная, Ключевая, Левобережная, Правобережная* и др. Издавна у славян существовал культ воды. Вода в мифологии означала начало и конец всего земного. Наиболее активен в славянской культуре архетип воды как «живительной, очистительной силы, предохраняющей от болезни» [Маслова 1997: 94];

– *о земном пространстве*: улицы *Горная, Овражная, Обрывная*. Вода в древности имела промысловое и жизненно важное значение для кочующих башкир. Топонимы данной группы связаны с обитателями леса, воды, многие из них занимали значительное место в религиозно-мифологических представлениях башкир: улицы *Журавлиная, Соколог* и др. По поверьям древних башкир духи-предки, духи-охранители могли принимать облик животных. Поэтому в башкирской мифологии, обрядах и обычаях мифологическим образам зверей придается особое значение, нередко для номинации географических объектов использовались названия животных, обозначающих родовой или семейный тотем, например: село *Кояново* (башк. куян – заяц). По преданиям, с одной стороны, заяц связан с миром духов, нечистой силой, оборотнями, отсюда его табуированное название «косой», а с другой – это символ солнца, света, отсюда выражение «солнечный зайчик» [Маслова 1997: 132]. В башкирской мифологии, обрядах и обычаях большое количество рассказов о соколе. У башкир сокол символизировал быстроту, ловкость, силу, мощь и защиту от неприятеля: село

Верхнелачентау, село *Нижнелачентау* (тюрк. лачен – сокол), деревня *Алагуш* (башк. *ала* – пегий, башк. *кош* – птица) и др.;

– о небесных телах, космосе и временах года: улицы *Апрельская*, *Весенняя*, *Осенняя*, *Звездная*, *Солнечная*. Топонимы данной подгруппы связаны с такими временами года, как осень и весна, а также с такими месяцами года, как апрель, октябрь. Наименований по другим временам и месяцам года на карте региона мы не встретили. Характеристика дней, временных фаз и их номинанты основываются на народном опыте и отображают особенности хозяйственно-бытовой жизни населяющих территорию народов: весна – посев, осень – сбор урожая.

Топонимы группы «Познание» генетически связаны с архаичным мировидением человека, необходимостью иметь четкую систему координат для определения своего места в пространстве. Здесь можно выделить следующие подгруппы:

– положение: улицы *Набережная*, *Верхняя*, *Дальняя*, *Загородная*, *Заозерная*, *Заречная*. Классификация тех или иных явлений через оппозиции (верхний-нижний, правый-левый, верх-низ и пр.) характерное свойство мышления человека и самый простой и древний способ структурирования окружающего мира, средство ориентации в пространстве. Издавна и у славян, и у башкир существовал миф о трех мирах – верхнем (небесном), нижнем (подземном) и среднем (земном). Считалось, что в верхнем мире живут солнце, луна, звезды, в среднем – сам человек, а в нижнем – страшные существа. И от того, насколько праведную жизнь он проживет, зависит, куда он попадет после смерти. Подобная трихотомия нашла свое отражение в мифологиях многих народов мира: в греческой, шумерской, славянской и др. Подтверждением того, что язык фиксирует особенности национального самосознания, могут служить и исследуемые нами топонимы, в которых отражена указанная оппозиция: улицы *Верхняя*, *Нижняя*. Подобные названия особенно широко распространены в ойконимах (например, села *Верхнелачентау*, *Нижнелачентау* Бирского района Башкортостана);

– направление: улицы *Восточная*, *Северная*, *Южная*. Каждый человек независимо от места рождения, религии, расы и других факторов владеет общепринятой системой координат, поэтому подобные названия есть у всех народов, а, например, улицы *Северную* и *Южную* можно встретить во многих башкирских городах и деревнях – в Уфе, Благовещенске, Челябинске, Бирске и других населенных пунктах;

– форма: улицы *Окружная*, *Кольцевая*, *Короткая*. Микротопонимы этой подгруппы, как правило, мотивированы физико-географическими реалиями.

Активность подобных процессов отмечала Н. В. Подольская, которая называла историческую топографию и ее названия канвой, на которую ложатся другие, городские названия. По мнению исследователя, этот процесс отражает историю возникновения и постепенного роста города на той или иной местности: «Город сначала как бы приспособливается, “присматривается” к ландшафту, а затем большинство физико-географических реалий поглощается городом, вписывается в него, а частично и совсем исчезает» [Подольская 1982: 4].

Таким образом, микротопонимы (названия улиц, площадей, переулков) Бирска и Бирского района Республики Башкортостан составляют сложную разветвленную систему, включенную в общую систему онимов, отраженных на современных картах этого поселения. Эти наименования являются памятниками истории, языка и культуры, отражают традиции и самосознание народа, образуют систему историко-культурных и пространственно-временных вех истории страны и в то же время формируют неповторимый образ города, села, деревни, республики и всей страны в целом. Историко-культурологический подход к региональному исследованию топонимов способствует как более глубокому пониманию языковой специфики топонимов изучаемого региона, так и особенности отразившейся в топонимике традиционной народной культуры.

Литература

Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа: Китап, 2009. – 744 с.

Горбаневский М. В., Дукельский В. Ю. По городам и весям «Золотого кольца». – М: Мысль, 1983. – 192 с.

Иванова Л. А., Самохина Л. А., Сулейманова А. К. Учебный комплексный словарь по лингвистике. – Уфа: УГНТУ, 2011. – 285.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.

Ковалев Г. Ф. Ономастические единицы как фактор идентичности // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: материалы науч. конф. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. – Т.1. – С.134–143.

Панфилов В. З., Керт Г. М., Зайков П. М. Образцы саамской речи. – М.: Кар. фил. АН СССР, 1988. – 186 с.

Распольшина Н. В. Коммуникативно-прагматическая характеристика языковых знаков косвенной номинации (на материале немецкой зоосемии) // Сб.

науч. тр. / Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – М., 1989. – Вып. 338. – С. 68–75.

Сулейманова А. К. Топоним как лингвокультурологический феномен // European Social Science Journal. – 2014. – № 5–1(44). – Р. 287–293.

Сулейманова А. К. Отражение особенностей материальной и культурной жизни этноса в реалиях Башкортостана // European Social Science Journal. – 2014. – № 4–1(43). – Р. 317–323.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 2011. – 182 с.

Супруненко П. П., Супруненко Ю. П. Топонимика. – М.: Терра, 2004. – 480с.

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАГАДКИ

Н. И. Файзуллина

Казанский федеральный университет

Статья посвящена анализу функционального пространства загадки. В работе описаны и прокомментированы имеющиеся типологии функций загадок, дан анализ современного состояния исследуемого жанра, указаны причины утраты некоторых функций загадок.

Ключевые слова: загадка, паремиология, функция загадки, фольклор.

Особенность такого фольклорного жанра, как загадка, была в свое время метко подмечена В. Н. Топоровым: «Загадка – прежде всего о том своем, что до поры скрыто и отрывается только в ответе-загадке, но она также и о загадке, т.е. о самой себе как представительнице этого жанра: авторефлексивность глубоко присутствует в загадке, чаще всего тайно, но иногда она дерзает заявить о себе явно, на поверхности «загадочного» текста» [Топоров 1994: 10]. Данная характеристика вскрывает несколько потенциально возможных аспектов анализа загадки: с точки зрения степени доступности текста загадки отгадчику и загадывающему; с позиций наличия авторефлексивности текста и связи жанра с действительностью, наличия тайного смысла загадки. В приведенном определении загадки обращает на себя внимание и ее формулировка, больше напоминающая образное описание какого-либо фольклорного, сказочного, явления. И это неслучайно, так как именно сложность природы фольклорного жанра позволяет «отгадчику» осознать направление, в котором ему необходимо двигаться, чтобы разгадать предложенный ребус и скрытый смысл, постигнуть телеологию загадки.

В. В. Иванов, рассматривая литературную загадку, в частности загадку, связанную с Эдипом (о беременной женщине, которая предстает в образе существа на четырех ногах, только две из которых касаются земли), отмечал, что содержание загадки основано на априори известном всем противопоставлении людей (двуногих) и домашних животных (четвероногих) [Иванов 1994: 123]. Упоминание подобной метонимической загадки в литературе различных европейских стран свидетельствует о том, что для многих народов первичное восприятие окружающего мира является типичным. Следовательно, загадка как жанр была создана в довольно ранний период развития человечества. Это доказывает и тот факт, что многие загадки, как литературные, так и народные, связаны с ритуальными действиями, которые могут быть метафорически представ-

лены в загадке при помощи указания, скрытого или явного, на предметы, используемые в ходе действия.

Т. Н. Николаева особо выделяет перцептивную сторону загадки и справедливо отмечает, что двучастная структура загадки делает обязательным процессы восприятия и последующего верного понимания информации [Николаева 1994: 144].

А. Н. Журинский указывает на свернутые пропозиции, представленные в загадке полностью или фрагментарно, и выдвигает тезис о ситуативности любой загадки, о сегментировании ею окружающей действительности [Журинский 1989: 140].

Все приведенные толкования загадки и размышления о ее природе нашли свое отражение в определении функционального пространства загадки.

В. Н. Топоров выделяет шесть функциональных блоков загадки:

Первый блок связан с антиэнтропической функцией (попыткой упорядочить хаотическое устройство жизни), которая реализуется в сохранении знаний, упорядочении мира, расширении пространства загадки. Сюда же относятся эвристическая и прагматическая функции загадки. Перечисленные функции блока объединены практической целью – стремлением человека систематизировать имеющиеся знания.

Второй блок связан с логикой и познанием (логико-гностический блок). Здесь выделяются дейктически-идентифицирующая (указание на индивидуальные особенности денотатов), классификационно-таксономическая и аналитико-синтетическая функции.

Третий блок носит информационно-коммуникативный характер. В этом случае речь идет об информационно-кумулятивной функции, верифицирующе-контролирующей, обеспечивающей обратную связь и контроль знаний, и проверочно-испытательной, т.е. направленной на испытание разгадчика, функциях загадок.

Четвертый блок охватывает семиотические, текстовые и языковые особенности загадки, что представлено в описательно-лингвистической функции, функции смыслопорождения, функции текстообразования [Топоров 1994: 10–30].

Представленная совокупность функциональных блоков, на наш взгляд, отражает иерархию потребностей человека. Так, первый и второй блок связаны со стремлением человека как можно лучше познать окружающий мир, для чего производится попытка провести логические связи между наблюдаемыми явлениями действительности, дифференцировать явления на различные группы (например, одушевленное/неодушевленное, верх/низ и т.д.). Третий блок пред-

ставляет следующую по сложности потребность человека – трансляцию полученных знаний и их закрепление. Трансляция полученных знаний, проверка степени их освоенности осуществлялась по-разному на определенных этапах развития человечества. Общеизвестно, что на ранних этапах развития социума повсеместное распространение имел обряд инициации, позволявший осуществить переход индивидуума из одного социального статуса в другой более высокий и значимый. Подобный переход был связан с передачей значимой информации, причем, передавалась она не в прямом, а в завуалированном, закодированном виде. Естественно предположить, что обращение к кодировке при передаче знаний может иметь свои причины: намерение быть доступными только ограниченному кругу людей.

Четвертый блок обращен к форме трансляции знаний, что указывает на многообразие способов репрезентации. К настоящему времени учеными выделены различные формы загадок: вопросно-ответная, повествовательная, диалоговая, вопросная. Формы загадок отражают национальную специфику культуры. Так, германские загадки часто начинаются с вопросов, тогда как для славянских загадок использование вопросительных слов является нетипичным. Неслучайно В. В. Иванов выделяет «довопрсно-ответную» форму загадки, которая напрямую служит реконструкции наивного восприятия мира тем или иным народом [Иванов 1994: 120–125].

Различия в выборе языковых средств при загадывании загадки также обусловлены национальными особенностями мышления и мировосприятия представителей того или иного языкового коллектива, что и позволяет носителю языка моментально считывать заложенное в той или иной принятой у данного этноса форме сообщение. Многообразие форм указывает на остроту ума авторов загадок, сумевших в довольно простой и в то же время завуалированной форме описать тот или иной предмет, явление действительности.

Смена научной парадигмы в конце XX – начале XXI веков привела к некоторым изменениям в выборе аспектов изучения фольклорного жанра. Так, распространение идей о прагматической составляющей любого текста послужило началом прагматического направления в исследовании текстов загадок. При этом, по замечанию А. В. Головачевой, прагматика загадки существенно отличается от прагматики обычного текста, куда не входит априорно заложенный набор определенных стереотипов, доступных для носителя определенного языка заданной исторической эпохи. Ключевым отличием, по мнению ученого, является переход от индивидуальных посылов, представленных в обычном тексте, к посылам целого народа: «Особенность прагматики паремиологических

текстов в том, что они ориентированы на “универсальное знание”, на концептуальные свойства объектов, на стереотип, вне зависимости от того, включен ли данный текст в конкретную ситуацию (как заговоры и причеты), в контекст (как пословицы и поговорки) или этот текст семиотически не связан с контекстом или ситуацией (как загадка)» [Головачева 1994: 195].

Данная характеристика загадки, с одной стороны, вмещает в себя третий и четвертый функциональные блоки, разработанные В. Н. Топоровым, а с другой стороны, позволяет заострить внимание на наивной картине мира, специфике ее содержания у того или иного народа. Индивидуальное знание в загадке противопоставляется коллективному и часто связано с каким-либо фрагментом действительности – чаще всего это определенный сценарий, который требует соблюдения того или иного ритуала, знания его предыдущих и последующих этапов, а также символической роли.

Оппозиция «индивидуальное – коллективное» может быть дополнена, как нам представляется, оппозицией «прошлое – настоящее», так как многие коды, актуальные для прошлых эпох, являются утраченными к настоящему времени, а вместе с утратой культурных знаний наблюдается утрата должного уважения к паремиологическому жанру. Так, если раньше загадка редко загадывалась «всуе», то теперь она носит исключительно развлекательный характер и имеет «современенный» денотат. В качестве примера можно привести следующую загадку: *Без рук, без топоренка построена избенка*. В классическом варианте отгадкой является гнездо. Примечателен тот факт, что для решения загадки современный человек обращается к интернет-источникам и в результате в качестве одного из вариантов отгадки получает ответ – *крупнопанельный дом*. Безусловно, в данном ответе все логично, непривычным является введение современных предметов действительности в поле денотата, который изначально предполагал обращение к природе. Кроме того, такого рода способы решения задачи указывают на отсутствие у современных носителей языка желания или стремления провести логические связи между представленным в загадке описанием и соответствующим ему явлением действительности.

Описанный пример «трансформации» денотата, его расширения естественным образом связан с изменением окружающего человека мира, что позволяет нам либо расширить третий функциональный блок загадок В.Н.Топорова, добавив в качестве подфункции «отражение современных реалий», либо ввести функцию «субъективной оценки» реальности, так как здесь налицо утрата чувства уважения как перед самим процессом загадывания загадки, так и перед предметом загадывания, который, безусловно, привлекал не-

когда сочинителя загадки своей необычностью. Более того, замена истинного денотата загадки денотатом из современной реальности ведет к явному разрушению семиотической функции загадки, утрате ее связи с культурными сценариями архаичного человека.

Проведенный обзор функционального пространства загадки позволяет говорить о подвижности пространстве загадки. В свою очередь эта подвижность может быть расценена различно. С одной стороны, именно совокупность функций указывает на современный статус загадки, с другой стороны, налицо утрата важности, знаковости загадки для становления современного человека.

Литература

Витгенштейн Л. Заметки о «золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 1989. – С. 251–268.

Головачева А. В. К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – М.: Изд-во «Индрик», 1994. – С.195–212.

Жирмунский А. Н. Семантическая структура загадки. – М.: Наука, 1989. – 128 с.

Иванов В. В. Структура индоевропейских загадок-кеннингов и их роль в мифопоэтической традиции// Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – М.: Изд-во «Индрик», 1994. – С.118–143.

Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – М.: Изд-во «Индрик», 1994. – С. 143–177.

Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. – М.: Изд-во «Индрик», 1994. – С.10–117.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БИЛИНГВОВ

Р. Х. Хайруллина

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы

В статье исследуются речевые особенности билингвов на примере жителей Башкортостана. Межъязыковое взаимодействие проявляется в виде наложения языковых картин мира родного, русского и иностранного (английского) языков, что вызывает явления интерференции и интеркаляции в речи билингвов. В языковой картине мира билингвов также находят отражение региональные реалии, обуславливающие социокультурный контекст общения в многонациональном мегаполисе.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая картина мира, интеркаляция, билингвизм.

Поликультурный контекст коммуникации в мегаполисах всегда накладывает свой отпечаток на содержание и форму речи их жителей. Сохранение поликультурности, культурной «мозаики» было и остается одной из главных задач современного общества. В этом смысле толерантность, провозглашенная сегодня одной из центральных общечеловеческих ценностей, формируется не на почве достижения «одинаковости», а на основе уважения, принятия культурных различий как закона и условия жизни современного общества. Межкультурная коммуникация – это адекватное общение представителей разных этнокультурных общностей, основанное на понимании чужих культурных ценностей и уважении системы миропонимания другого народа. На первый взгляд, такое общение не представляет трудностей для интеллигентного, образованного человека, однако на подсознательном уровне стереотипы мышления и поведения порой довлеют над сознательно ориентированной речевой коммуникацией. Кроме того, условия жизни, этнокультурная ситуация и особенности межъязыкового взаимодействия делают узнаваемой речь жителей каждого полиэтнического региона.

В Республике Башкортостан, где проживают по переписи 2010 года более ста тридцати представителей разных народов, сложились благоприятные условия для их развития, расцвета национальной культуры. Межкультурная коммуникация в республике – это успешное общение как между ее коренными народами, так и между коренным населением и большими группами иностранных граждан из разных стран, с разными целями посещающими Башкортостан (политические, экономические и культурные контакты, обучение, туризм и т.д.).

В республике стабильная этнополитическая ситуация. Реализуются государственные программы «Народы Башкортостана», «Возрождение и развитие башкирского народа», «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Башкортостан». Активно функционируют Центры и клубы русской, украинской, польской, башкирской, татарской, чувашской, еврейской, немецкой и др. культур. С 2000 г. действует Ассамблея народов Башкортостана. В школах республики изучается 14 родных языков, на 6 из них ведется обучение. В вузах Башкортостана на филологических факультетах с целью подготовки учителей родных и иностранных языков открыты башкирские, русские, татарские, чувашские, марийские, мордовские, удмуртские, немецкие, английские, французские, украинские отделения. На 9 языках выходят газеты и журналы. В республике 3 национальных театра и 3 филармонии, в составе которых русские, башкирские, татарские, чувашские и марийские коллективы. Функционируют национальные библиотеки, включающие отделы иностранной литературы. Широко представлена в республике сеть ассоциированных ЮНЕСКО образовательных учреждений.

Поликультурный контекст общественного бытия вызвал к жизни, наряду с положительными тенденциями развития, и ряд социальных, идеологических и лингвистических проблем, связанных с изучением национальных языков и с обучением им.

«В рамках антропоцентрического направления современной лингвистики в последние годы в исследованиях большое внимание уделяется феномену «человек говорящий» – *homo loquens*. Изучение различных типов дискурса, несомненно, дает возможность выявить ценностно-смысловое пространство языка, особенности речевого поведения человека, а также менталитет не только отдельной социальной группы носителей языка, но и народа в целом», – характеризуют особенности современного дискурса Р. Х. Хайруллина, Г. З. Минигулова [2012: 1523].

«Человек говорящий» – сложный биопсихосоциальный и лингвистический феномен, в котором как в капле воды отражаются социально-экономические условия общественного бытия. Важными для изучения проблемы межкультурной коммуникации являются ее идеологические, социокультурные и лингвистические основы.

Идеологические основы обусловлены, прежде всего, той языковой национальной политикой, которая ведется в том или ином государстве. Поскольку в современном мире практически нет этнически однородного социума, межкультурная коммуникация имеет место в любой сфере человеческой деятельности –

в деловой, общественной, семейной и т.д. Лингвистическими факторами можно назвать функционирование мировых языков (внедрение английского языка как мирового в разные сферы жизни общества), введение законов о государственных языках в РФ и ее субъектах, изменения в образовательной системе в связи с вхождением РФ в Болонское соглашение и с введением в статус государственного языков титульных наций в субъектах РФ.

Большое значение в процессе межкультурной коммуникации имеет воспитание толерантности, искоренение любых проявлений расизма, шовинизма и национализма. В России исторически сложилась такая социокультурная обстановка, когда русский язык, выступая средством межнационального общения, стал основой межэтнической консолидации. Академик Д.С.Лихачев отмечал, что «великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру» [Лихачев 1981: 48].

В Республике Башкортостан так же, как и в любой многонациональной республике (стране), идет формирование поликультурного, полилингвального коммуникативного пространства. Русско-национальное двуязычие, характерное для субъектов РФ, наложило определенный отпечаток на структуру образовательной системы, вызвало к жизни новые направления исследований в области гуманитарных наук на стыке отдельных наук – лингвокультурологию, этнолингвистику, когнитивную лингвистику, философию языка.

Сегодня «человек говорящий» характеризуется речевыми особенностями, характерными, с одной стороны, для мирового многонационального сообщества, с другой стороны, – для конкретного государства. По мнению ученых, происходит наложение языковых картин мира родного и русского языков, что вызывает определенные процессы в языковом сознании билингвов. «Поиск новых путей исследования, – пишет Н. В.Уфимцева, – привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа этнических сознаний, когда образы сознания одной этнической культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры» [Уфимцева 2000: 5].

Как следствие можно говорить о формировании специфического языка мегаполиса, обусловленного межъязыковым взаимодействием. В Башкортостане, судя по исследованиям лингвистов, также наблюдается, наряду с многоязычием, явление межъязыковой интеккаляции (смесь французского с нижего-

родским), принимающей порой гротесковые формы, которые требуют специального исследования.

Причинами современного «вавилонского столпотворения», на наш взгляд, являются следующие тенденции развития языковой среды в любой многонациональной республике:

1) активное русско-национальное двуязычие;

2) утрата частью молодежи владения родным языком (либо пассивное владение) вследствие русификации образовательного пространства, снижения социального статуса семьи;

3) ориентация на мировые языки, в частности, английский язык, вследствие научно-технического прогресса (компьютеризация, мобильная связь, интернет-технологии).

Все это формирует речевой портрет жителя Уфы как носителя родного языка, русского языка как государственного и средства межнационального общения и человека мира, приобщающего к культурам и языкам разных народов.

Рассмотрим лишь один вид межъязыкового взаимодействия, который получил широкое функционирование в условиях двуязычия, – интеркаляцию.

Интеркаляция – это вкрапление лексических единиц одного языка в речь на другом языке, образование форм слов под воздействием родного языка.

Причинами возникновения интеркаляции являются следующие процессы:

1. Плохое владение русским (сельское население) или родным (городское население) языком: *Администрациянан зур поддержка булды. Узбез тоже тырыштык инде. Беззен хот продукцияһы спрос менэн пользуется* (интервью по БСТ).

2. Установление положительного коммуникативного фона (использование тюркизмов в речи русскоязычного населения – обращения, формулы речевого этикета): *Салям, сосед! Тахира апай, давай помогу. Не сердись, бабай, я не хотел тебя обидеть. Проходите, Марзия-ханум.*

3. Низкая речевая культура, речевая небрежность: *Чего син мне толкаешь? Аняка пришла (разг.речь); Без маманы тыуган коно менэн поздравить итэбез! (поздравление по радио); Минен братьям кадетский корпуска укырга инде. Ничего, нормально укый* (из интервью по БСТ).

Речь молодежи характеризуется взаимодействием русского, родного и английского языка. Это проявляется в:

1) неоправданном смешении русского и родного языков;

2) использовании жаргонизмов, в том числе и английского происхождения.

Например: *Мин скоро приду, короче. Блин, һинэ по секрету ничего һойлэп булмай, трепло! Лох һин, понял? Эх, конспекттар общагала калды бит, вот жесть! Компын бармы? Юк?! Вот лузер.*

Наряду с использованием лексем из другого языка, в речи билингвов наблюдается процесс образования новых слов и форм слова по законам родного языка: *юкнуться* (от тюркск. *юк* – ‘нет’) – ‘исчезнуть, потеряться’, *покисямить* (от тюркск. *кисеу* – ‘резать’), *расхайванился* (от тюркск. *хайван* – бран. ‘скотина’) – ‘вести себя непорядочно, ругаться’.

С использованием интеркаляции создаются тексты народного фольклора: *Мин син яратам, приходи к воротам, не придешь к воротам, все равно яратам!; Килэсэн, китэсэн, расстраивать итэсэн!*

Естественно, что речь жителей региона включает и региональные названия культурных, бытовых и других реалий. В Башкортостане национальную специфику имеет ономастикон местности и городского пространства. Так, отражают национальные реалии такие лексические группы слов, как наименования продуктов (хлеб *Уныш*, лапша *Тукмас*, напитки: *Буза*, *Айран*), названия культурных, торговых, бытовых, развлекательных объектов (магазин «*Айгуль*», бистро «*У бабая*», ресторан «*Ханума*», ателье «*Карлугас*»), наименования механизмов и технических устройств (электробритва «*Агидель*», снегоход «*Буран*») и т.д. Приметой времени в жизни полиэтнического мегаполиса стало также расширение местного ономастикона за счет использования иностранных (чаще английских или французских) лексем. Это прежде всего названия магазинов (бутиков), ресторанов, кафе: сеть магазинов Л’Этуаль, *Воп Joli*, *Рив Гош* и др., которые могут быть представлены как в русском, так и иностранном графическом варианте.

Русское население Башкортостана широко использует регионализмы в речи с целью установления коммуникативного контакта с коренными жителями, социальной ориентации в поликультурном коммуникативном пространстве. «...Сегодня формируется языковая личность нового типа – полилингвально-ментального типа, что находит выражение не только в изменении дискурса, но и в унификации менталитетов народов, живущих долгое время вместе», – отмечают авторы монографии «Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана» [Отражение 2015: 115].

Таким образом, можно отметить, что современное межъязыковое взаимодействие характеризует общую этноязыковую ситуацию региона, которая отличается равноправным функционированием наиболее распространенных на ее территории языков.

Литература

Лихачев Д. С. Заметки о русском. – М.: Сов. Россия, 1981. – 71 с.

Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана / В. В. Воробьев и др. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 206 с.

Уфимцева Н. В. Предисловие // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: САРМА, 2000. – 320 с.

Хайруллина Р. Х., Минигулова Г. З. Лингвокогнитивный анализ русских и башкирских фразеологизмов с деструктивной семантикой // Вестник БГУ. – 2012. – Т. 17. – № 3(1). – С. 1523.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГИДРОНИМА *ВОЛГА* В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XX ВЕКА

Г. А. Хайрутдинова

Казанский федеральный университет

В статье исследуются особенности функционирования гидронима *Волга* как эстетически значимого элемента языка поэтических произведений. С точки зрения дистрибуции рассматриваемого слова выявлено своеобразие его сочетаемости с другими языковыми единицами, в частности с признаковыми лексемами. Проанализированы исторические ассоциации, характерные для «культурной парадигмы» авторов стихотворных произведений. Результаты исследования показывают, что обозначаемый данной лексемой географический объект играет важную роль в поэтическом сознании русских авторов. Гидроним *Волга*, функционируя в стихотворном тексте, способен принимать непосредственное участие не только в организации хронотопа стихотворного произведения, но и в моделировании его этического и эстетического пространства.

Ключевые слова: стихотворный текст, гидроним *Волга*, образно-ассоциативные возможности лексемы, поэтическое сознание, художественная модель мира.

Изучение системных представлений о мире, отражаемых в языке, относится к приоритетным задачам современной лингвистики. Перспективным направлением в исследованиях подобного рода можно считать описание языковой модели, характерной для определенного региона страны. Представители народов, живущих в Поволжье, могли бы назвать немало значимых объектов окружающего мира, играющих важную роль в формировании образа родного края. Одним из таких объектов, вне всякого сомнения, является река Волга. По мнению известного поэта и публициста Н. Е. Палькина, Волга не просто водный путь, это «исключительное явление природы», «уникальный экономический потенциал». «Волга – путь исторический, где сходятся прошлое и настоящее русского народа и всех народов, населяющих волжские берега...» [Палькин 1985: 8-9]. В этой связи вызывает интерес своеобразие функционирования этого гидронима в стихотворных произведениях русских авторов, так как «язык художественного текста в своей сущности является определенной художественной моделью мира» [Лотман 1998: 30].

Основной целью нашей работы, осуществляемой в контексте исследования проблемы эстетики языковых единиц, является анализ особенностей использования гидронима *Волга* в стихотворных произведениях XX века. Изучение функционирования данного слова как элемента языка художественного произведения включало также определение его образно-ассоциативных возмож-

ностей, что составляет один из важнейших аспектов описания эстетических свойств языковых единиц [Хайрутдинова 2009: 11]. Материалом для изучения послужили тексты разножанровых произведений русских поэтов, тяготеющих к разным литературным направлениям. Комплексному анализу было подвергнуто более двухсот текстовых примеров; источником для сбора и систематизации языкового материала был «Национальный корпус русского языка».

Исследование языка стихотворных произведений с ориентацией на классификацию собственных имен по именуемым объектам показывает, что наиболее объемную группу лексических единиц образуют топонимы (хоронимы, астионимы, гидронимы) [Хайрутдинова 2010: 229]. Среди гидронимов как названий водных объектов высока частотность употребления онима *Волга*. Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что обозначаемый лексемой *Волга* географический объект довольно часто является предметом художественного описания, например: ... **Волга-матушка** / *Под сугробами лежит, А кругом ее метелица – / Вьюга буйная шумит* (С. Дрожжин. «Посиделки»). Как видим, в приведенном фрагменте текста использовано личное существительное *матушка*, выступающее в функции приложения. Употребление в художественной зарисовке этой и других подобных лексем (*мать, мама, сестра*), безусловно, подтверждает идею антропоцентричности языка. Кроме того, функционирование в стихотворных текстах терминов родства эксплицирует и определенный тип отношения автора к предмету описания, что позволяет выявить высокую аксиологическую значимость рассматриваемого географического объекта. Гидроним *Волга* используется также для пространственной характеристики явления или события, что имеет непосредственное отношение к организации хронотопа литературного произведения: *Девушки босиком – / Деревенские за водой с расписными / Ведрами – коромыслами / На берегу Волги / (А мимо идет пароход)* (В. Каменский. «Девушки босиком»).

Обратимся к результатам изучения сочетаемости лексемы *Волга* с другими элементами художественного текста. Анализ дистрибуции гидронима позволяет сказать, что живой, полнокровный образ реки формируется благодаря использованию различных языковых средств, среди которых ключевую роль играют признаковые лексемы. Рассмотрим вначале те лексические единицы, с помощью которых передается зрительная характеристика физического объекта. В первую очередь отметим языковую объективацию огромных размеров, силы и мощи описываемой реки, что обеспечивается за счет использования прилагательных и существительных, выражающих отвлеченное значение признака предмета: *Мне помнится – безбрежная Волга... / Мы – рядом двое, склонены к*

рулю... (В. Брюсов. «Вешние воды»); **Сильна в разливе Волга**, / *И Касций шепчет мне: «Ты в Персии бывал?»* (К. Бальмонт. «Воспоминание»); *Нечасто, но с тоскою неизбывной / Я вспоминаю Волги ширь, простор* (Е. Недельская. «Волга»). В аспекте зрительного восприятия объекта обращает на себя внимание его колористическая характеристика, которая создается с помощью цветообозначений, главным образом адъективов и глагольных лексем: **Волга, воды голубые**, / *Дно – серебряный песок...* (А. Платонов. «Сказка»); ... *Силу бурь удестеря, / Волги синяя овчина / На плечах богатыря*. (В. Хлебников. «Уструг Разина»); *Мы помечаем в тишине. / Смотри, как голубеет Волга* (Ф. Сологуб. «Войди в меня, побудь во мне...»). Кроме элементов дескриптивной лексики (*разлив, синяя, голубеет* и др.), применяются и оценочные слова, отражающие особенности авторского восприятия: *Вот отсюда, именно отсюда, / Из глубин лесного родника, / Выбегает голубое чудо – / Русская великая река* (Н. Палькин. «Поэма о Волге»); *О, Волга повсюду красива, / В самом имени светлой царицы так много намеков, / И ее заливные луга, расцветая, победно цветут* (К. Бальмонт. «Две реки»).

Благодаря использованию глагольных лексем получает отражение слуховое восприятие описываемого объекта, например: *Забурлилась, заиграла, / загремела Волга...* (Н. Асеев. «Вот пошли валы валандать...»). При этом интересен тот факт, что нередко шум волн, плеск воды в поэтическом сознании авторов произведений оценивается как пение: *Пой и шуми, Волга!* (С. Есенин. «Сельский часослов»); *Рядом Волга плещет, льнет, / Про бывалое поет* (А. Ширяевец. «Вольница»).

Укорененность объекта в русском языковом сознании подчеркивается благодаря употреблению соответствующего относительного прилагательного: *Повелось уж так издавна: / Волга – русская река, / И от всех земель исправно / помощь ей издалека / полноводно, полноправно / шлет и Кама и Ока*. (М. Зенкевич. «Волжская»); *И я учу их языку родному / И говорю, что мы в гостях пока, / Что мы вернемся к берегу иному, / Где льется Волга, русская река...* (Е. Даль. «Письмо из Африки»); *Ты, Волга, русская река, / Легла врагу преградой* (А. Твардовский. «Огонь»).

Своеобразие функционирования гидронима составляют и те факты его сочетаемости, которые принято рассматривать как явление паронимии. Подобные ассоциативные связи слов детерминированы особенностями фонетической подсистемы русского языка, в то же время они весьма наглядно демонстрируют национальное своеобразие рассматриваемого фрагмента художественной модели мира. Как показывает проведенный нами анализ, на основе

частичного совпадения звукового состава лексических единиц гидроним *Волга* довольно часто сближается со словами *валы, волны, воля, волки*, например: *Будет сниться терем отчий, / Волги буйные валы* (А. Ширяевец. «Старь»); *Волны Волги – точно волки, / Ветер бешеной погоды* (В. Хлебников. «Уструг Разина»); *Развернись, разбежись, расшумись, полноводная сила, / Воля Волги, Оки и пропетого югом Днепра, / Сколько звезд – столько птиц, и бескрайно колдует бродило* (К. Бальмонт. «Северный венец»); ... (*У нас в России – / волки, / снег / и Волга, / дожди растяг мохнатую траву, / леса...*)... (Б. Корнилов. «Моя Африка»).

Обращают на себя внимание исторические ассоциации, характерные для «культурной парадигмы» авторов стихотворных текстов. С Волгой ассоциируются имена народных героев, известные факты истории нашей страны. Например, в разных вариантах упоминается имя донского казака Степана Разина (предводителя восстания 1670-71 гг.), совершившего несколькими годами ранее походы на Волгу и Яик; используются также производные данного антропонима. Подтвердим сказанное фрагментами стихотворных текстов: – *Ой ты, Волга, Волга-матушка! / Верны друзья – Жигули! / Повелел нам атаманушка / Плыть до Шаховой земли!» / Атаманушка-Степанушка / Ломит шапку набекрень...* (А. Ширяевец. «Вольница»); *Ждут они под горкою / Парня кудреватого, / Стеньку, птицу зоркую, / С Волги из Саратова. / ... И с детьми и женами / Вольницу разбойную / Встретим мы поклонами, / Ласкою достойною* (П. Орешин. «Ждут»); *Здравствуйте, Волхов-гусяр, / Степи великих Бухар, / Синий Моздокский туман, / Волга и Стенькин курган!* (Н. Клюев. «Песнь солнценодца»). При описании жизни волжских берегов, относящейся к прошлому, нередко возникает тема тяжелого труда бурлаков («рабочих артели, которые вдоль берега тянули суда бечевой») [Ожегов 2007: 64]. Приведем один из фрагментов поэтического текста: *Не забыть бы, что песня – Волга, / Бурлацкий, катанный сказ!* (Н. Клюев. «Проснуться с перерезанной веной...»). В следующем примере слово *бурлак* использовано в сильной позиции текста – в названии стихотворения: *Уплыву, как только вспенится / Волга-матушка река, / У бродяг душа не пленница, / Не дрожит у кошелька* (А. Ширяевец. «Бурлак»).

В целом ряде стихотворных произведений Волга, наряду с другими географическими объектами, прямо или косвенно ассоциируется с родиной, Россией; особую остроту такие ассоциации, очевидно, приобретают вдали от родных мест, на чужбине: *Что ж кажется жизнь мне здесь бременем долга, / Что ж снится мне Север, Москва моя, Волга?!* (М. Цетлин. «Не все ли равно мне, где жить и томиться...»); *О родине каждый из нас вспоминая, / В тоскующем*

сердце унес / Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая, / Кто заросли ялтинских роз... (Саша Черный. «Весна на Крестовском»); *Через горы, через доли / Вижу родину свою: / Жигули в обновах веших, / Волга... Улица села...* (А. Ширяевец. «На чужбине невеселой...»).

Таким образом, анализ функционирования гидронима *Волга* в стихотворных произведениях XX века показал, что обозначаемому этим словом географическому объекту принадлежит важная роль в формировании русского языкового сознания, в том числе поэтического. О Волге создано много произведений, в которых благодаря использованию преимущественно признаков лексем воспеваются ее сила, мощь и красота. Нередко рассматриваемый гидроним сближается с терминами родства (*матушка, мама, сестра*), что не только подтверждает идею антропоцентричности языка, но и позволяет выявить высокую аксиологическую значимость этого географического объекта. Изучение художественных текстов свидетельствует о том, что река Волга тесно связана с великой историей России. Следует указать и на тот факт, что анализируемый гидроним играет существенную роль при воплощении темы родины.

Обобщая сказанное, отметим: лексема *Волга*, функционируя в поэтическом произведении, принимает непосредственное участие как в организации его хронотопа, так и в моделировании этического и эстетического пространства.

Литература

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство СПб., 1998. – С. 14–285.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-poetic.html> (дата обращения: 12.10.16).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – 944 с.

Палькин Н. Е. О, Волга! – М.: Мол. гвардия, 1985. – 288 с.

Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Казанский гос. ун-т. – Казань, 2009. – 45 с.

Хайрутдинова Г. А. Функционирование собственных имен в художественной речи (на материале стихотворных текстов // Сопоставительная филология и полилигвизм: Материалы Междунар. конф. (Казань, 29 сент. – 1 окт. 2010 г.) – Казань, 2010. – С. 228–231.

ВЗАИМОИНДУКЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ГОРЦЕВ: ФЕНОМЕН АХТЫ

В. К. Харченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Рассматриваются важные для развития прикладной филологии составляющие уникальной культуры Ахты – населенного пункта на юге Дагестана, а именно: слияние культуры горцев с мусульманской культурой, миротворческая миссия старейшин, толерантное отношение к другим национальностям, гордость за земляков, интерес многих ахтынцев к научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: Ахты, культура горцев, мусульманская культура, миротворчество.

Любое исследование прошивается в чем-то всегда уникальной методологией, набором методологических проекций или ориентиров. Выбор таких проекций в идеале должен быть связан с устранением асимметрии гуманитарного поиска с коррекцией тех перекосов, которые почти неизбежно возникают по мере движения не только повседневно-бытовой, но и исследовательской мысли. В этом плане мы отталкиваемся от двух пока еще слабо артикулируемых положений.

«Одним из негативных признаков социализма советского типа являлся так называемый метрополецетризм. Из-за присущей социализму этого типа хронической бедности государства все основные виды жизненно важных и лучших ресурсов и товаров неизбежно концентрировались в метрополии» [Чайковская, Чайковский 2002: 156]. И хотя еще Н. М. Карамзин отмечал, что Россия сильна провинцией и хотя термин «региональный» в настоящее время, что называется, у всех на устах, более того, появился такой учебный предмет, как «лингворегионоведение» [Новикова 2014], однако мысль о том, что центру можно многое взять на вооружение у регионов, если и артикулируется, то пока еще весьма слабо.

Во-вторых, методологически важно противостоять мифу о том, что в отношении культуры всё будто бы лежит на поверхности и остается всего лишь собрать, сохранить артефакты, предметы материальной культуры, которые, однако, подчас заслоняют в сознании более тонкую нематериальную часть культуры: образы, идеи, факты. В одной из своих рецензий Р. М. Фрумкина пишет, что история бедна фактами [Фрумкина 2008: 96]. После нашей поездки в составе делегации на Малый форум «Единение народов России», проходивший в селе Ахты (Республика Дагестан) 7–11 сентября 2015 г., настало время система-

тизировать впечатления и выделить несколько значимых точек, касающихся культуротворческих нематериальных, но узловых в плане прикладного значения аспектов.

Ахты – это самый юг Дагестана, гористая местность, самый большой населенный пункт, с уникальной мечетью на горе. Путь к Гребню Проповедей проходит мимо Джума мечети, построенной в 657 г. на месте поклонения единопобожников дохристианского периода. Ахты занимает второе место по численности среди сёл в Европе, первое держит Шали в Чечне.

Культура Ахты требует изучения, поскольку зиждется на том лучшем, что дает слияние, точнее взаимоиндукция двух мощных культур: культуры горцев и мусульманской культуры. Взаимодействие двух сильных культур выковывает особый тип личности, с детства привыкшей жить в тяжелейших условиях: окружающие горы с их селями, скудной растительностью, низкий уровень жизни в настоящее время по сравнению с шестидесятыми годами XX века, когда Ахты славилось и за пределами Дагестана. Восхитительно пишет В. Голованов об особенностях мусульманской культуры Прикаспия, где писатель жил некоторое время. *Здесь, в горах, всё вдвое тяжелее, чем на равнине: водишь ли ты скот, строишь ли дом, добываешь ли топливо на случай холодной зимы – всё здесь дается вдвое-втрое труднее. Надо в самом тяжком труде, который делает из человека упрямого, двужильного горца, видеть смысл жизни* [Голованов 2012а: 189]; см. также: [Голованов 2012б]. Проще всего заявить про особый тип личности, не конкретизируя, в чем состоит, как проявляется эта «особость». Конкретизируем: это не избалованность, это выносливость, трудоспособность, достойное, то есть спокойно-сдержанное восприятие привычных трудностей. Это духовная опора на ислам, соблюдение предписаний, гостеприимство, влияние на личность феномена многодетности. Наконец, это свободомыслие, сочетающееся с восточным уважением к старшинству. Ахты – единственное место в стране, где существовало так называемое Вольное общество. Если же обобщить всё перечисленное, то мы вплотную приблизимся к концепту достоинства.

Культура Ахты выявляет интерес членов социума к науке. Наукой заниматься трудно, но «неизбалованных» горцев Ахтынского района трудности не страшат. Оказывается, это село столетиями лидировало по числу ученых – выходцев из этих мест. Полагаем, что этот показатель требует внедрения по другим регионам. «Территориальная периферийность не должна быть преградой для творческих натур, в какой бы сфере они ни работали, а должна рассматриваться ими как вызов, который они осознанно принимают, чтобы достойно реа-

лизовать свое предназначение исследователя, педагога или деятеля культуры» [Чайковская, Чайковский 2002: 159]. В 30-х годах XIX века в Ахты действовало 19 мечетей с развитой системой медресе, которые готовили ученых для всего мира. «Поиск знаний от колыбели до могилы был вменен в круг *религиозных* обязанностей *каждого* мусульманина» [Михайлов 2012: 178]. Среди выходцев из села 300 докторов наук. Научно-исследовательский институт сельского хозяйства в Махачкале носит имя ахтынца Ф. Г. Кисриева, большую часть жизни посвятившего выведению новых сортов сельхозкультур и пород скота. Шерсть овец лезгинской тонкорунной породы испокон веков использовалась в ковроткачестве. Один из организаторов проведения Форума и руководитель нашей группы Камалдин Махмудов – человек с двумя высшими образованиями: арабист (окончил факультет восточных языков МГУ) и инженер-строитель, а также художник и скульптор, обладатель диплома «Мастер золотые руки». Чеканки К. З. Махмудова побывали на Международной космической станции «Салют». По-видимому, вершины гор мобилизуют горца брать самые высокие планки. Горы воспитывают в человеке встречные вызовы любым рискам.

Культура Ахты, местности, где уживаются около 40 национальностей, – это еще и культура миротворчества, что тоже связано с концептом достоинства и посвящением себя высокой исследовательской стезе. Идея романа Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн – переводчик» сконцентрирована в самом названии: людям надо «переводить» библейские истины [Демидова 2012]. «Чем Вы занимаетесь? В чем суть вашей работы?» Этот вопрос был задан бывшему имаму, старейшине города, которого, кстати, тоже зовут Данияль, и нынешнему настоятелю мечети Хаджи-Абдулгашуму. Данияль отвечает: «Я мирю людей! Говорю: Аллах спросит сначала, не как ты относишься к матери, жене, а как ты относишься к соседям. А с детьми мы работаем по воскресеньям, при мечети есть школа».

Немаловажным фрагментом нематериальной культуры является так называемая региональная персонифера. О пустотах в персонифере современников-соотечественников писал Г. Г. Хазагеров [Хазагеров 2002]. За те несколько дней, что мы провели в Ахты, нам многое показали, свозили в заповедник «Самурский лес» на берегу Каспия. Была встреча у главы города, подарившего нам национальный лезгинский эпос «Шарвили» и попутно заметившего, что читает его по вечерам четырехлетнему сыну. Последующее неспешное знакомство с этой книгой открыло нам как минимум два момента. Во-первых, Шарвили изображен в динамике своего становления, это не готовый герой-богатырь, его воспитывало всё село. Во-вторых, в лезгинском эпосе весьма ча-

стотно слово «честь», которое в настоящее время исчезает у нас, по свидетельствам лингвистов [Кондратенко 2014: 106], из активного лексикона, тогда как в русском и лезгинском эпосах концепт «честь» сохраняется. Наши многочисленные собеседники слова «честь» не произносили, но неоднократно рассказывали о судьбах земляков, поддерживая тем самым градус чести и достоинства нации.

Во-первых, рассказывали об удивительной судьбе дагестанского разведчика Абдуллы Магомбеговича Мурсалова, знавшего 16 языков и работавшего в личной охране Сталина. Впоследствии этот человек создал теорию перевоплощения на основе личного опыта 20-х годов, когда проник в банду украинских бандеровцев. Он охотился за главарями германских нацистов по всей Европе, Латинской Америке и Австралии, в том числе за Отто Скорцени, добывал секретные документы по ядерным технологиям. Закрытым решением Сталина А. М. Мурсалов был дважды награжден званием Героя Советского Союза (секретность сняли только недавно). В феврале 2016 г. этот человек, 42 года проработавший в школе, потом преподававший в педагогическом институте английский язык, отметил свое 90-летие.

Во-вторых, рассказывали о человеке, умершем в 110 лет, а в свои 100 лет во время войны в одиночку удерживавшим в течение двух недель горный перевал.

В-третьих (и это тоже персонифера!) рассказывали о Джигерхане Сулейманове, земляке, богатом человеке, который на зарабатываемые в Казахстане деньги уже воздвиг в Ахты Зал торжеств, Медицинский центр, гостиницу такого уровня, что не стыдно принимать и особ королевской крови, а сейчас нанял строителей строить мост через реку. Согласимся, обычно деньги бизнесменов «скупают» в швейцарских банках.

Мы мало озабочены прославлением представителей других наций, других культур, других конфессий. Между тем такое внимание к выдающимся людям – залог снижения общей агрессии. «Имперский принцип, в частности, требует не подавлять экзистенциальные нужды меньшинств, но, напротив, всячески поощрять их утоление в созидательной, а не агрессивной исторической деятельности. Для чего необходимо открывать как можно более широкую дорогу их особенно одаренной молодежи к элитарному образованию, к работе в высокой науке и высокой культуре. Ибо каждый возвращенный империей гений, вышедший из национального меньшинства, есть сильнейший удар по национальной агрессии и национальному сепаратизму» [Мелихов 2012: 147].

Наконец, феномен Ахты – это спокойное, подчас не без юмора восприятие иных национальностей. Старейшины свято исполняют миротворческую

миссию, но показательно и то, что все, с кем приходилось общаться, отличались великодушным отношением к национальностям всех тех, с кем живут. Патимат, студентка, в самолете рассказывала, что папа и мама, даргинцы, между собой общаются на русском языке, так как они выходцы из разных деревень и их родные языки не похожи. Много лет преподавала я тему «Русский язык как язык межнационального общения», но только здесь я почувствовала: русский язык не то что царствует, а как идеальный связной естественно и хорошо работает, иначе собеседника не поймешь. Рассказывала Патимат с улыбкой и об особенностях некоторых национальностей: кто самый умный, кто самый трудоспособный, а кто наоборот.

Таким образом, культура Ахты – это не только национальная кухня и национальная одежда, не только обустройство быта, но и сохраняющиеся модели поведения, значимые и в прикладном аспекте как возможный ориентир коррекции собственного опыта и собственного поведения.

Обратим внимание, что в материалах этой статьи почти нет лингвистики, хотя сама тема сборника «Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов» нацеливает главным образом на лингвистическую составляющую. Однако, прежде чем изучать язык той или иной культуры, необходимо, в том числе и лингвисту, хорошо осознавать уникальность самой культуры изучаемого региона, что мы и пытались отразить и осмыслить. И этот интерес к иным культурам целителен как минимум по трем следующим причинам.

Во-первых, изучение той или иной уникальной культуры высвечивает и некоторые не-изученности в самой лингвистике. Вернемся к самому первому пункту, в котором подчеркивалась особая культура горцев. До сих пор лингвистика сопрягается с географией в аспекте интенсивно развивающейся топонимики, однако, по-видимому, есть и иные векторы исследования: как отражается культура горцев в их речи, как влияет на становление языковой личности. Излагая материал, мы не случайно подчеркивали слово «уникальная», раскрывая культуру Ахты. Хорошо известно, что частотность убедительна, а уникальность эвристична.

Во-вторых, исследовательский интерес к иным культурам важен и для возможной коррекции собственных поведенческих установок. В своей статье К. Г. Фрумкин подчеркнул, что только та страна становится лидером, которая много и тщательно училась у других стран [Фрумкин 2008: 174]. Здесь подразумевались, прежде всего, достижения в научной сфере. Однако полагаем, что «учиться, учиться и учиться» не помешало бы и в сферах иных культур и

даже иных концессий. Борис Дубин пишет о... Впрочем, приведем сразу это ценное, хотя и слабо артикулируемое сейчас наблюдение. «Но я бы обратил внимание на другую бедность. Страна бедна новизной, социальным и культурным разнообразием, а особенно – многосторонними и сложными связями между разными людьми и группами (пресловутое состояние российских дорог свидетельствует, собственно говоря, о том же)» [Дубин 2009: 208].

Наконец, в-третьих, интерес к иным культурам может обогатить лексикон собственной культуры. Зададим себе неожиданный вопрос: много ли в русском языке экзотизмов? Ответ напрашивается альтернативный: экзотизмов много и не должно быть, эти слова всего лишь приправа, «биологически активные добавки», необходимые, помимо ведущей номинативной их функции, для придания речи большей экспрессии. Теперь попробуем уточнить свой вопрос: нужен ли языку приток новых, свежих экзотизмов? Здесь мы оказываемся ближе уже к утвердительному ответу. Так, из мусульманской культуры можно позаимствовать такое слово, как «сабр» – терпение. В Коране написано: «Терпение – ключ от рая». Часто употребляется это слово, например, в повести Рената Беккина «Аскар и его брат»: *Наберись сабра! Прояви сабр, брат!* [Беккин 2013: 9–35]. Да, в русском языке немало слов, репрезентирующих концепт «терпение», однако для большей выразительности речи не мешает иногда прибегнуть и к иноязычному аналогу.

Как бы то ни было, но филологу, лингвисту, тем более исследователю, занимающемуся прикладными аспектами гуманитарного знания, по-видимому, целесообразно почаще задавать себе вопросы, нацеливающие на усвоение богатств и достижений иных культур.

Литература

Беккин Р. Аскар и его брат // Нева. – 2013. – № 1. – С. 9–35.

Голованов В. Возвращение в Согратль // Дружба народов. – 2012а. – № 4. – С. 189–204.

Голованов В. Гярб, ветер с Востока. Из книги «Тотальная география Каспийского моря» // Новый мир. – 2012б. – № 1. – С. 48–107.

Демидова М.М. Средства языковой репрезентации концепта «Праведник» в русском и английском языках (на материале романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и его англоязычной версии). Дис. ...канд. филол. наук. – Брянск, 2012. – 208 с.

Дубин Б. О словесности и коммерции сегодня. Заметки социолога // Иностранная литература. – 2009. – № 7. – С. 207–210.

Кондратенко Е. Н. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. – Курск, 2014. – 175 с.

Мелихов А. Гении против сепаратизма // *Новый мир.* – 2012. – № 1. – С. 141–147.

Михайлов Ю.А. К вере через знания // *Новый мир.* – 2012. – № 4. – С. 167–181.

Новикова Т.Ф. Лингвореггионоведение: учебное пособие. – Белгород – Харьков: Изд-во «Федорко», 2014. – 142 с.

Фрумкин К.Г. Лидер – орудие коллективного развития // *Нева.* – 2008. – № 4. – С. 160–174.

Фрумкина Р.М. Читая Броделя // *Знание – сила.* – 2008. – № 5. – С. 96.

Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры // *Новый мир.* – 2002. – № 1. – С. 132–145.

Чайковская Л.И., Чайковский Р.Р. Метрополия и регионы: проблемы взаимодействия // *Образование на Севере: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. 11–13 июня 2002 г.* – Магадан: СМУ, 2002. – С. 156–159.

Шарвили: Лезгинский народный героический эпос / Собрал и литературно обработал З. Ризванов и В. Салимов. – Махачкала: Лотос, 2008. – 512 с.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

Д. Я. Хузина

Казанский федеральный университет

Статья посвящена изучению одного из фрагментов языковой картины мира – фразеологии. Рассмотрены стилистические особенности фразеологических единиц в политическом медиадискурсе на примере материалов средств массовой информации. Была предпринята попытка определить степень воздействия на аудиторию стилистически окрашенных фразеологизмов, выделить доминирующий стилистический пласт ФЕ в СМИ и политике. Цель статьи – установить, каким образом стилистически окрашенные ФЕ выступают в качестве инструмента манипуляции в политическом медиадискурсе. Объектом настоящего исследования послужили медиатексты с компонентом «Политика».

Ключевые слова: фразеологизмы, стилистика ФЕ, дискурс, медиатекст, СМИ.

Прежде чем приступить непосредственно к стилистике фразеологизмов, считаем целесообразным указать некоторые основные понятия, раскрывающие нашу тему. Так как тема напрямую связана с политикой и СМИ, дадим определение политическому дискурсу и политическому медиадискурсу.

Сам термин дискурс предполагает «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990: 136–137]. Вслед за этим можно определить политический дискурс как обусловленная определенной ситуацией речь политических субъектов, включенных в политическую коммуникацию. По мнению Е.И. Шейгал, цель политического дискурса заключается не в описании ситуации, факта, а в убеждении адресата и побуждении его к тому или иному действию [Шейгал 2000: 35]. Здесь следует указать на особую роль СМИ как участника всех политических процессов, ведь именно с помощью информации, подаваемой в СМИ, происходит побуждение к действию людей, возникают направленные мыслительные процессы и эмоциональные состояния, информация создает отношение к окружающему миру, и, таким образом, формируется информационно-языковая картина мира.

В данной статье в качестве объекта исследования рассматриваются медиа-сообщения, содержащие стилистически окрашенные фразеологические единицы как инструмент реализации политических манипулятивных стратегий и целей.

Необходимо остановиться на понятии политического медиадискурса, который, по мнению М. А. Рясиной, определяется как «совокупность медиатек-

стов, особенностью которых является наличие готовых и реагирующих текстов, текстов-откликов на то, как освещены в медийной среде актуальные политические события» [Ряпина 2013: 35]. В качестве основного предмета политического медиадискурса ученый выделяет не сами политические процессы, а способы их описания, передачи значения о них.

Любая речь или текст, в том числе и в сфере политики, выражаются при помощи языка и языковых средств. Фразеология – это особая часть богатства каждого языка, в которой больше, чем в других его сферах, проявляются своеобразие и уникальность языка и его носителя [Давлетбаева 2010].

Фразеологизмы, являясь лексическими единицами языка, имеют ту или иную стилистическую окраску и используются в различных функциональных стилях [Кряквин 2016: 44–46].

1. Межстилевые фразеологизмы употребляются во всех стилях речи без ограничений. Они нейтральны не только с точки зрения стилевой, но и стилистической, эмоционально-экспрессивной точки зрения. Рассмотрим на конкретном примере: *Тем более что то, что выгодно с точки зрения атомной отрасли, может быть невыгодным с точки зрения обеспечения безопасности* [Ищенко 2016].

Фразеологизм *с точки зрения* не несет никакой стилистической нагрузки, абсолютно нейтрален и не выделяется какой-либо экспрессией на фоне всего предложения. С полной уверенностью можно сказать, что аудиторию эти фразеологизмы без сомнения не привлекут и никаким образом не повлияют на них в эмоциональном плане.

2. Книжные фразеологизмы – это устойчивые выражения, которые чаще используются в письменной речи, чем в разговорной. Они не характеризуются ярко выраженной агрессией, негативностью, но обладают оттенком возвышенности и торжественности в звучании. Употребляются преимущественно в книжных стилях речи: научном, официально-деловом, публицистическом, литературно-художественном.

В статье «Чуркин озвучил условия бесконечного *прекращения огня* в Алеппо» [Чуркин 2016] фразеологизм *прекращение огня* употребляется в значении приостановления боевых действий.

Данный же фразеологизм используется на английском языке *ceasefire* на сайте информационного канала www.RT.com для описания той же политической ситуации: *Tough talks: Putin vows to extend Aleppo ceasefire as Merkel, Hollande accuse Russia of war crimes* [Putin 2016].

На сайте www.tass.ru используется книжный фразеологизм *луч надежды*: *Они стали лучом надежды для поддержания режима прекращения боевых действий* [Конашенков 2016].

Как видно из этих примеров, книжные фразеологизмы звучат гордо, величественно. Однако нельзя однозначно утверждать, что они обладают высокой степенью запоминания и вызывают оживленный интерес у публики. Следовательно, книжные ФЕ не могут служить эффективным политическим инструментом для привлечения внимания и манипулирования обществом.

3. Разговорные фразеологизмы – фразеологические обороты, созданные и употребляемые в живой народной речи, обладают ярко выраженной экспрессивностью, метафоричностью.

В современном политическом медиадискурсе внимание останавливается на разговорных фразеологизмах. Несомненно, они обладают яркой эмоциональной окраской, образностью и составляют большую часть фразеологии. Таким образом, именно они вместе с разговорно-просторечными фразеологизмами употребляются в политике и СМИ в высокой интенсивности, чем и представляют огромный интерес для аудитории и исследователей в области лингвистики. Например, фразеологизм, имеющий разговорную стилистическую окраску, *to go crazy (сходить с ума)*, кандидат в президенты США Дональд Трамп употребил в своем блоге Твиттер следующим образом: *The media is going crazy, they totally distort so many things on purpose* [Трамп 2016]. С помощью данного фразеологизма политик указывает на роль СМИ в неоправданном искажении многих фактов. Приведем еще один пример: *И настолько заполитизировали на Украине эту газотранспортную систему, диву даешься просто* [Путин 2016].

4. Разговорно-просторечные фразеологические обороты – стилистически сниженные выражения, находящиеся вне литературного языка. Фразеологизмы этой группы также занимают, пожалуй, одно из доминирующих мест в масс-медиа.

Наглядный пример демонстрирует статья «Пушков осадил Макфола за слова о Путине», где описывается резкий ответ Пушкова на английском языке Макфолу на слова о Путине: *Because the USA are continuously displaying “the arrogance of power”, using senator Fulbright definition. And the world is fed up with it. World is fed up with it* в переводе означает *мир сыт этим по горло*. Как видим, свой ответ Пушков завершает использованием разговорно-просторечным фразеологизмом, который усиливает резкость его слов.

За время своего правления В. В. Путин стал популярным не только как президент-политик, но и человек, хорошо знающий и умело использующий стилистические средства языка, в том числе и фразеологические. Его выступления практически никогда не обходятся без фразеологических оборотов, чем он и завоевывает внимание своей аудитории. Его фразы всегда интересные, запоминающиеся, эмоциональные, экспрессивные.

Несомненно, что большую часть стилистического пласта фразеологии занимают разговорные и разговорно-просторечные фразеологизмы, в то время как межстилевых и книжных ФЕ существенно меньше в русском и английском языках.

Отметим, что по нашим наблюдениям в русском и американском политическом медиадискурсе также преобладают именно разговорные и просторечные фразеологизмы. Предполагается, что это происходит по двум причинам. Во-первых, по своей природе данный стилистический пласт фразеологизмов изначально обладает экспрессивностью, живостью, яркой образностью, эмоциональностью. Аудитория улавливает их достаточно быстро, чему свидетельствуют различные статьи в интернет-просторах, в социальных сетях, содержащие подборку с острыми высказываниями известных политиков, а также видео с нарезками их выступлений. Во-вторых, благодаря способности лучше запоминаться за счет экспрессивности этих ФЕ, политики осознанно вставляют данные фразеологизмы, тем самым увеличивая свою популярность и достигая успеха в политической борьбе за власть, где основным инструментом в любой современной политической ситуации становится искусное владение коммуникативным оружием.

Что касается межстилевых и книжных фразеологизмов, отметим, что мало кто обратит внимание на межстилевые ФЕ, скорее они останутся незамеченными на фоне остальной лексики предложения; книжные ФЕ обладают возвышенностью и торжественностью, но в силу отсутствия остроты и экспрессивности они, как правило, не запоминаются, и не привлекают большого внимания.

Как видим, политика и фразеология, казалось бы, стали неотделимыми друг от друга элементами особенно после периода демократизации общественной жизни в конце прошлого столетия, когда в политической коммуникации начали наблюдаться следование западным образцам, чрезмерная раскрепощенность языковой культуры, что привело к превращению языка и языковых средств в инструмент манипуляции общественным сознанием. Язык стал служить основным инструментом в борьбе за власть и применяться для таких по-

литических целей, как нападение, самозащита, уклонение от истины, а также для преуменьшения или преувеличения чего-либо.

Таким образом, мы пришли к выводу, что межстилевые и книжные фразеологизмы не обладают как таковой способностью влиять на аудиторию и запоминаться ею. Разговорные и разговорно-просторечные фразеологизмы хорошо выделяются экспрессивностью в выступлениях политиков или в целом политических СМИ. Считаем, что их главная особенность и задача – создать некую *родственную* связь с публикой, то есть политическая сфера в целом становится ближе к народу за счет именно этого стилистического пласта фразеологических единиц, следовательно, они обладают неким воздействующим эффектом.

Итак, перечислим стилистические особенности фразеологических единиц в политическом медиадискурсе в порядке степени их влияния на аудиторию:

- межстилевые ФЕ – низкая степень влияния;
- книжные ФЕ – средняя;
- разговорные – высокая;
- разговорно-просторечные ФЕ – очень высокая.

Литература

Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

Давлетбаева Д. Н. Картина мира в русской, английской, французской и турецкой фразеологии (на примере концепта «семья») // Вестник Самарского государственного университета. – Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 2010. – С. 128; [Электронный ресурс] // <http://elibrary.ru> [сайт] // URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16062741> (дата обращения 13.10.2016).

Ищенко Р. В. Ультиматум Путина [Электронный ресурс] // Риа-новости: [сайт] // URL: <https://ria.ru/analytics/20161005/1478493459.html> (дата обращения 15.10.2016).

Кряквин В. Ю. Фразеологизмы высокого стиля в современном немецко-язычном дискурсе: дис... канд. филол. наук / Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2016. – С. 44–46.

Конашенков И. Е. На грани коллапса: Москва и Вашингтон не могут прийти к компромиссу по Сирии [Электронный ресурс] // Tass.ru: [сайт] // URL: <http://special.tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3636687> (дата обращения 15.10.2016).

Путин В. В. Ультиматум Путина [Электронный ресурс] // Риа-новости: [сайт] // URL: <https://ria.ru/analytics/20161005/1478493459.html> (дата обращения 16.10.2016).

Путин В. В. Tough talks: Putin vows to extend Aleppo ceasefire as Merkel, Hollande accuse Russia of 'war crimes' [Электронный ресурс] // RT-news: [сайт] // URL <https://www.rt.com/news/363369-normandy-four-putin-merkel-hollande/> (дата обращения 16.10.2016).

Путин В. В. Путин порадовал мир новыми цитатами [Электронный ресурс] // korrespondent.net: [сайт] // URL: [ttp://korrespondent.net/world/russia/376314-putin-poradovol-mir-novymi-citatami](http://korrespondent.net/world/russia/376314-putin-poradovol-mir-novymi-citatami) (дата обращения 18.10.2016).

Пушков А. К. Пушков осадил Макфولا за слова о Путине [Электронный ресурс] // mk.ru: [сайт] // URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/10/01/pushkov-osadil-makfola-za-slova-o-putine.html> (дата обращения 18.10.2016).

Ряпина М. А. Стратегии политического медиа-дискурса (на материале электронных сми фрг): дис... канд. филол. наук / Самарский государственный университет. Самара, 2013. – С. 35.

Трамп D. The media is going crazy [Электронный ресурс] // twitter.com: [сайт] // URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/762400869858115588> (дата обращения 18.10.2016).

Чуркин А. Д. Чуркин озвучил условия бесконечного прекращения огня в Алеппо [Электронный ресурс] // Вести-24: [сайт] // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2811282> (дата обращения 19.10.2016).

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис... доктора филол. наук / Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2000. – С. 35.

КОНЦЕПТОСФЕРА «ДОБРО И ЗЛО» В АРАБСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Э. М. Шарипова

Казанский федеральный университет

В статье рассматриваются категориальные концепты «добро» и «зло» на примере арабских и русских пословиц и поговорок. Лексика концептосферы «добро и зло» формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира носителя языков. Данная работа позволит носителям русского языка расширить знания об арабском народе, понять его культуру, сравнить свое мировосприятие с иноязычным. Изучение культурного наследия народов способствует возникновению толерантного отношения к другим представителям языковых сообществ, успешному диалогу культур.

Ключевые слова: концепт, добро, зло, менталитет.

В последние годы ученые (лингвисты, культурологи) все чаще обращают внимание на актуальность исследования прецедентных текстов как сущностей, которые способны кодировать и хранить культурную информацию, накопленный опыт народов. Все эти проблемы, касающиеся кодирования, хранения, получения и использования этой информации связаны с такими понятиями, как языковая картина мира, ментальность, культурные концепты и т.д. В связи с этим появилось множество научных работ, где проводится анализ менталитета народов, а менталитет, как мы понимаем, отражает отношение представителей лингвокультурных сообществ к миру и к себе. Авторы этих работ указывают на то, что природно-географические и исторические факторы народов играют важную роль в формировании менталитета. Однако следует учитывать и то, что на своеобразии жизни народов повлияли также духовные ценности, этические воззрения, которые можно найти в культуре и фольклоре. На сегодняшний день осведомленность о различиях народов в сфере этики является обязательным атрибутом в процессе взаимодействия этих культур.

В контексте менталитета важную роль приобретают концепты добра и зла. Их изучение «помогает выявить особенности мировосприятия народа, представить концептуальную и национальную картины мира» [Печагина 2011: 99]. Согласно словарю русского языка, добро – все положительное, хорошее, полезное, а также имущество, вещи; зло, в противовес добру, означает нечто дурное, вредное, а также несчастья и неприятности [Ожегов 1964: 900].

Концепты «добро» и «зло» – это не специфические черты определенного народа, а общее ядро, объединяющее эти лингвокультурные сообщества. К категориальным концептам добра и зла относятся такие концепты, как: «дружба»,

«вера», «надежда», «любовь», «жадность», «предательство», «лень» и многие другие. Конечно, у каждого человека есть свое субъективное мнение по поводу того, что считать добром, а что – злом. На одно и то же явление люди смотрят по-разному. Кто-то будет считать сделанное злым поступком, а кто-то – добрым. Но нужно понимать, что все эти различные черты и модели поведения приобретаются человеком в процессе социализации, в то время как общие представления человека о добре и зле носят универсальный характер для всех народов.

Именно поэтому познавательным материалом для нашего исследования о концептах добра и зла послужили арабские и русские пословицы и поговорки. По определению Владимира Даля, «<п>ословица – коротенькая притча... Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком... Как всякая притча, полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения...» [Даль 2000: 10–11].

Человек выстраивает свои моральные ценности и взгляды, опираясь на мнения и знания других людей из разных литератур. Пословицы и поговорки являются тем источником, из которого народы заимствуют эти представления бессознательно. Почему они так важны? Во-первых, они дают человеку ответы на важнейшие вопросы бытия, предлагают конкретные решения проблем. Во-вторых, пословицы и поговорки носят мифический характер. То есть человек, воспитываясь в определенной культурной среде, впитывает все те мифические идеи, которые присутствуют в ней, не задумываясь об их истинности, логичности, полезности, что позволяет говорить об их социальной функции. Миф проводит в жизнь моральные принципы и содержит практические правила, направляющие человека [Косиченко 2009: 108].

Пословицы и поговорки характеризуются как единицы языка, предназначенные для выполнения определенных задач. Разные авторы указывают на такие функции пословиц и поговорок, как:

1. Информативная функция, которая позволяет пословицам и поговоркам передать в речи то или иное содержание.

2. Аргументационная функция, которая позволяет доверять мудрости пословиц. В пословицах выражена «народная мудрость», и это делает пословицу незаменимым аргументационным средством в речевом общении, заставляя подчиняться ее приговору.

3. Эстетическая функция, которая украшает речь.

4. Накопительная функция, связанная с тем, что в пословицах народ фиксирует наиболее ценный опыт и сохраняет его в своей памяти, передавая последующим поколениям [Максудов 2012: 103].

В арабском языке аналогом русского слова *пословица* является слово *مَثَلٌ* (масал). Также арабы понятие «пословица» передают словами *حِكْمٌ* – мудрости, *نَوَادِرٌ* – 1) редкость, диковинка, 2) забавная история, анекдот, забавный рассказ, 3) необыкновенный случай [Баранов 2006]; *فَرَانْدٌ* – 1) жемчужина, 2) редкостная, бесподобная вещь, уникам [Баранов 2006]; *قَوْلٌ* – слова, речь, высказывание [Баранов 2006]. Столь обширный ряд обозначений одного языкового образования говорит о том, что арабы не видят различий между фразеологическими и афористическими выражениями и оборотами. Все это входит в одну языковую категорию «пословица».

Как же арабы и русские воспринимают категории «добро» и «зло»? Рассмотрим примеры:

أَلْخَيْرُ وَالشَّرُّ بِالْمَوَالَاةِ – *Добро и зло всегда идут рука об руку* (букв.: в дружбе, в постоянной смене друг друга) (иорд.) [Кухарева 2008: 28].

خَيْرَ حَظِّكَ مِنْ دُنْيَاكَ مَا لَمْ تَنَلْ – *Лучший удел этого мира для тебя – это то, что ты не смог приобрести* (لأنها شرور و عرور). Говорится о том, что этот бранный мир – зло и соблазны [Арабские пословицы: 51].

خَيْرُ الْأَعْمَالِ مَا كَانَ دِيمَةً – *Лучшие из дел те, которые совершаются постоянно* [Арабские пословицы: 53].

كَمَا تَزْرَعُ تَحْصُدُ – *Что посеешь, то и пожнешь.*

هَذَا كَمَا يُقَالُ "كَمَا تَدِينُ تَدَان" – *Так же говорят: «Как будешь судить, так и будешь судим».*

يَضْرَبُ فِي الْحَبِّ عَلَى فِعْلِ الْخَيْرِ – *Эти слова – побуждение творить добро* [Арабские пословицы: 97].

Без худа добра не бывает; Во всяком хлебе не без мякины; Во всяком хуе не без добра; На свете с худом худо, а без худа и вовсе худо [Богданова 2011: 3].

Можно сделать вывод, что для арабов и русских «добро» и «зло» – это абсолютные категории. Они сменяют друг друга в циклическом водовороте событий. Но это не значит, что эти народы полагаются только на судьбу и пассивно следуют ей. Наоборот, им предложен выбор: творить добро или зло. Говорится, что, несмотря на какие-либо неприятные ситуации, злые, несправедливые поступки, люди не должны отчаиваться и должны продолжать искать выход из любой ситуации:

إِصْنَعِ الْمَعْرُوفَ وَ لَوْ فِي غَيْرِ – *Делай добро даже недобрым* (сир.) [Кухарева 2008: 26].

دَيْرُ الْخَيْرِ فِي أَهْلِهِ وَ فِي غَيْرِ أَهْلِهِ بِأَشْرَ تَصِيبِ أَهْلِهِ – *Делай добро добрым и недобрым, чтобы найти добрых* (алж.). Русский аналог: *Ласково слово многих прельщает* [Кухарева 2008: 26].

Нравственным качеством, которым гордится любой араб, – это терпение. Эта ценность тесно связано с той ситуацией, которая наблюдалась в период до-исламской эпохи. Арабы вели кочевой образ жизни, испытывали тяжелейшие тяготы: жара, ночной холод, военные походы. Однако эта морально-этическая норма связана не только с образом жизни арабов и природно-климатическими условиями, но и с религией. Терпение «на пути Аллаха» – это стойкое убеждение в своих принципах, несмотря на мирские соблазны, и вера в вознаграждение в будущем:

الَّذِي يَعْلَمُ لَأَزِمَ يُنْفَى – *Кто делает нужное (дело), тому воздастся* (магриб.) [Кухарева 2008: 26]. Говорится для того, чтобы взбодрить человека и похвалить его труд. Русский аналог: *Доброму добрая память*.

مَا صَنَعَ اللَّهُ فَهُوَ خَيْرٌ – *Что сделал Всевышний, то хорошо* [Арабские пословицы: 120].

النَّاسُ مَجْزُؤُونَ بِأَعْمَالِهِمْ إِنْ خَيْرًا فَخَيْرٌ وَ إِنْ شَرًّا فَشَرٌّ – *Каждому человеку воздастся по делам его. Добро – добром, а зло – злом* [Арабские пословицы: 123].

В русском фольклоре также присутствуют поговорки, призывающие бояться Божьей кары и верить, что поступки людей будут оценены по заслугам: *Бог видит, кто кого обидит; Бог долго ждет, да сильно бьет; За неблагодарных Бог отблагодарит* [Жукова 2004: 95].

Категория добра у арабов также несет в себе значение престижа, имущества, природного богатства, плодородия земли, так как именно оазисы, богатые растительностью и водой спасали их от гибели в жаркой пустыне. В русской культуре понимание добра в плане материального богатства выражено менее ярко. Для русского народа наиболее важной ценностью является справедливость, вера в социальное и экономическое равенство. Поэтому материальное богатство у русского народа не вызывает уважение и восхищение:

خَيْرُ الْمَالِ عَيْنٌ خَرَارَةٌ فِي أَرْضِ خَوَارَةٍ – *Лучшее добро (имущество) – журчащий родник и плодородная земля* [Арабские пословицы: 51]; *Что имеем не храним, потерявши плачем; Без денег сон крепче* [Богданова 2011: 3]; *Богатство спеси родня; Кто нужды не видел, тот и счастья не знал* [Жукова 2004: 96].

Немаловажной чертой арабского народа было и до сих пор является внимание к вопросу дружбы и соседству. Арабы никогда не жили в беспечных условиях, постоянно участвовали в военных походах, битвах за лучшие земли и пастбища, и поэтому поиск хорошего соседа, который всегда придет на выруч-

ку, был жизненно важным. Эта черта стала нормой бытия и сейчас. То, что происходит на Ближнем Востоке, убедительно доказывает, что этот вопрос не теряет своей актуальности. Русские пословицы и поговорки помогают понять, что дружба – это та радость общения, которую дарят нам люди и надо уметь доставлять эту радость другим. В исследуемых языках пословицы и поговорки способствуют формированию понимания того, что дружеские отношения зависят от поведения каждого из участников члена общества:

الشَّرُّ خَيْرٌ إِذَا كَانَ مُشْتَرَكًا – *Зло (обернется) добром, если противостоять ему все вместе* [Кухарева 2008: 35].

Говорится о том, что общие беды и несчастья сплачивают общество. Этот союз делает людей сильными и уверенными. Благодаря сплоченности народа противостоять злу становится намного легче. Русский аналог: *При счастье бранятся, при беде мирятся; Верный друг лучше сотни слуг; Дружба заботой да подмогой крепка; Дружбу помни, а зло забывай; Дружно за мир стоять – войне не бывать* [Русские 2004].

Арабы – мусульмане. Если кто-то не соблюдает божественные предписания, то для них это равнозначно совершению зла. Ежедневная молитва – это один из важнейших столпов веры. При несоблюдении заповедей ислама человек совершает грех, и за свои грехи ему придется расплачиваться:

– أَجَاكِ الْمَوْتُ يَا تَارِكِ الصَّلَاةِ – *Пришла за тобой смерть, оставивший молитву* (иорд.) [Кухарева 2008: 34]. Русский аналог: *Удаляющиеся от Бога погибают*. Говорится о том, что смерть приходит внезапно. Поэтому нужно находить время для совершения благочестивых дел и добрых поступков при жизни, не оставлять это на потом.

А теперь рассмотрим русские пословицы и поговорки, связанные с христианской верой: *Бог даст день, даст и пищу; Бог дал живот; Богат Бог милостью* [Жукова 2004: 96].

Указанные выше пословицы доказывают, что благочестие русского народа связаны с любовью к Родине и уважению к церкви. «У предков наших крепкое упование на сильную помощь и покров Бога произвело поговорку: *Русский Бог велик...*» [Снегирев 1996: 246].

Другими важными чертами арабского и русского менталитета являются широта души, щедрость, достоинство, скромность, которые проявляются в первую очередь в гостеприимстве. Однако арабы считают, что такое достойное качество как щедрость нередко превращается в расточительство, а злоупотребление радушием хозяев дома приводит к тому, что о госте складывается небла-

гоприятное впечатление. Все эти качества выражены в пословицах и поговорках исследуемых языков:

خير يا طير لا شِفْت و لا رأيت – *Добро, что птица – не видишь его и не замечаешь* (иорд.) [Кухарева 2008: 23].

اعْمَلْ مَلِيح و زِنْتُهُ بِالْبَحْرِ – *Сделай добро и брось его в море* (сир.) [Кухарева 2008: 23] – Забудь, и не вспоминай.

سَوِيَ زَيْن و دُبَّ بِالشَّطِّ – *Поступил хорошо и утопи это в реке* (ирак.) [Кухарева 2008: 24]. Говорится о том, что истинные добрые дела совершаются не на показ, поэтому перед людьми этим не хвастаются.

أَلْخَيْرُ بِالْخَيْرِ و الْبَادِي أَكْرَمُ و الشَّرُّ بِالشَّرِّ و الْبَادِي أَظْلَمُ – *Добром за добро, и бедуин окажет тебе почет, а на зло бедуин злом и ответит* (палестин., ирак, тунис.). Русский аналог: *Никакое худо до добра не доведет* [Кухарева 2008: 29].

الشَّرُّ لِلشَّرِّ خُلِقَ – *Зло для зла творится* (ливан.) [Кухарева 2008: 31].

مَنْ زَرَعَ الشَّرَّ حَصَدَ الدَّامَةَ – *Кто сеет зло, пожинает раскаяние* (сауд.ар.). Русский аналог: *Худое худым и кончится* [Кухарева 2008: 31].

أَتْرُكُ الشَّرَّ يَتْرُكْكَ – *Оставь зло, и оно тебя оставит* (магриб.) [Кухарева 2008: 30]. Используются для того, чтобы призвать людей совершать только добрые поступки:

Добрые умирают, да дела их живут (или: не пропадают); Делай добро и кидай его в воду; Темные дела света боятся; Кто доброе творит, того зло не вредит; За недобрым пойдешь, на худо набредешь [Богданова 2011: 3].

Итак, мы видим, что пословицы, поговорки и мудрые изречения – один из предметов гордости арабов, так как они представляют собой «свидетельства здравого смысла и проницательности... они – глаза арабской души, отражение происходящего в ней, прямой путь к идеалу» [Максудов 2012: 109]. Они отражают мир арабского народа, призывают молодое поколение к благородству, великодушию, щедрости, храбрости, чести и достоинству, уважению родителей, преданности другу и т.д. [Максудов 2012: 109]. Русские пословицы и поговорки также не являются исключением. В сознании русского языка добро представлено как высшая моральная ценность. По свидетельству византийских и других источников, славянам были присущи: вера в высшие божества и магию, добронравие, храбрость, бесстрашие, воинская удаль, гостеприимство, физическая сила, выносливость, свободолюбие [Жукова 2004: 94]. Характеризуя русские пословицы, И.И. Снегирев указывал на то обстоятельство, что «в простых, но сильных и многозначных выражениях» являются наши «превосходные правила гражданских и семейных обязанностей и добродетелей мысли, современные всем временам» [Жукова 2004: 95].

Изучение пословиц и поговорок, иных афористических образований и средств необходимо для успешной межкультурной коммуникации. В этом случае есть шанс вести позитивный и продуктивный диалог культур, исходя из совокупности определяющих моральных установок, опирающихся на вековые традиции, а также на ряд общих религиозных положений, суждений и предписаний, изложенных в священных книгах в рамках сакральных сюжетов и лежащих в основе быта, сознания и менталитета народов-коммуникантов [Кухарева 2008: 18].

Мы не отрицаем тот факт, что на диалог культур оказывают воздействие экономические, политические, социальные и иные факторы. Однако, на наш взгляд, обращение к морально-этическим и лингвистическим представлениям, которые являются общепризнанными и понятными всем народам мира, может стать той нитью, благодаря которой представители различных народов выйдут на совершенно иной этап взаимопонимания.

Таким образом, изучение пословиц и поговорок других народов позволяет проникнуть, хоть чуть-чуть, в чужое мироощущение, понять нравственные приоритеты того или иного народа [Кухарева 2008: 19] и может способствовать диалогу культур, решению региональных конфликтов, сближению лингвокультурных сообществ.

Литература

Абуль-Фадль аль-Майданий. Арабские пословицы и поговорки. / пер. с арабского: Ильнур Сарбулатов (امام ابو الفضل الميداني). – 135 с.

Баранов Х. К. Электронный арабско-русский словарь [Электронный ресурс] // As-Sunna: [сайт] // URL: <http://www.as-sunna.ru/index.php/biblioteka/11-biblioteka/281-slovar> (дата обращения: 3.10.2016).

Богданова Е. А. О некоторых национальных особенностях коммуникативного поведения носителей русского, французского и адыгейского языков (на материале паремииологических единиц о добре и зле) // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 1–4.

Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: ЭКСМО – Пресс; Изд-во ННН, 2000. – 616 с.

Жукова М. Е. Русские пословицы и поговорки как источник идей народной педагогики // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2004. – № 29. – С. 92–97.

Косиченко Е. Ф. Концепты «Добро» и «зло» и их отражение в прецедентных текстах (на материале сказок) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 557. – С. 82–91.

Кухарева Е. В. Словарь арабских пословиц и поговорок (с лексико-фразеологическими комментариями). – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 303 с.

Максудов У. О. Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. – 2012. – № 1. – С. 102–109.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.

Печагина Т. В. «Добро» и «зло» как категориальные концепты // Вестник Челябинского университета. – 2011. – № 11. – С. 99–101.

Русские народные пословицы о дружбе [Электронный ресурс] // URL: <http://igraemirastem.ru/vozrast/do5/russkie-narodnyie-poslovitsyi-o-druzhbe> (дата обращения: 19.10.2016).

Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. – Нижний Новгород: Три богатыря; Братья славяне, 1996. – 621 с.

**АКСИОЛОГИЯ СОВЕСТИ
В РУССКОМ КУЛЬТУРНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «КАЗАК»)**

Н. Б. Шibaева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

В статье анализируются ценности как лингвокультурологические категории, дается аксиологическое понимание совести и ее важности для русского языкового сознания. Выявляется специфика функционирования лингвокультурного фрейма «жить по совести», который в русской интерпретации означает жить по-доброму, проявляя милосердие и сострадание. В интерпретации А. П. Чехова «жить по совести» представляет собой ведущий, жизнеобеспечивающий сценарий русского этнокультурного социума, находящегося на вершине ценностной иерархии и удерживающий всю аксиологическую парадигму поведенческих ориентиров.

Ключевые слова: культура, ценность, аксиология, ценностная парадигма личности, текст.

В основе ценностно-смыслового пространства любого языка, по мнению Н. Ф. Алефиренко, «лежат особые культурологические категории, называемые ценностями» [Алефиренко 2010: 9], под которыми понимаются «социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением» [Прохоров, Стернин 2011: 35]. Ценностные смыслы в существенной степени характеризуют национальное самосознание и определяют культурную идентичность этноса. По отношению к человеку ценности служат объектами его интересов, а для его сознания выполняют функцию повседневных ориентиров в предметной и социальной действительности. Как отмечает В. В. Воробьев, понятие «ценность» «охватывает широкий круг материальных и духовных явлений, представляющих собой «знаменатель личности» и служащих условием ее формирования» [Воробьев 2008: 160]. И. Г. Сухина считает, что именно ценности «выступают смысловым (семантическим) форматом человеческой жизни, благодаря которому она осознается, осмысливается, экзистенциально переживается и оценивается, благодаря которому она становится продуктивно-действенной; ценности есть те антропоморфные значимости, благодаря которым человек вообще что-либо предпринимает» [Сухина 2012: 162].

Выявление ценностных отношений внутри лингвокультурного сообщества, определение их значимости для его носителей – таковы задачи, которые в настоящее время стоят перед аксиологической лингвистикой.

Важной составляющей ценностных отношений является ценностная парадигма личности. По мнению В. В. Воробьева, система ценностной ориентации личности включает в себя следующие компоненты: «когнитивный (взгляды, мнения личности, интересы, убеждения), эмоциональный (степень значимости данной ценности для личности) и поведенческий (готовность личности к тому или иному виду деятельности)» [Воробьев 2008: 161].

Человек как носитель национальной ментальности активно проявляет себя в единстве указанных компонентов через отношения с другими людьми, анализируя которые можно прийти к выводу о преобладающих нравственных ценностях, являющихся духовными ориентирами общества в целом и его представителей в частности.

Литературная классика XIX столетия неизменно обращалась к таким духовно-нравственным основам, как справедливость, честность, совесть, долг, имеющим ценностный смысл для русского человека, чье поведение, по определению В. И. Карасика, «обусловлено ценностями культуры, ситуативными обстоятельствами и личным опытом индивидуума» [Карасик 2009: 6]. По мнению В. В. Воробьева, «на основе функционирующей в обществе социально-исторической системы ценностей у национальной личности формируется специфическая совокупность признаков понимания действительности, своего места в этом мире» [Воробьев 2008: 159]. Именно система ценностей определяет суть национального характера, «выступает в виде программы поведения личности как социального целого» [Воробьев 2008: 160].

В художественном тексте как «конгломерате глубинных этносмыслов народа в его преломленной проекции мировидения писателя» [Огнева 2015: 61] ярко раскрывается характер человека, действующего вопреки или согласно нормам и правилам, принятым в данном культурном сообществе и ориентированным на аксиологические установки. По мнению В. А. Масловой, текст «пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [Маслова 2001: 87].

В данной статье исследуется понятие «совесть», принадлежащее сфере духовности и являющееся, по мнению В. В. Воробьева, «существенным феноменом русской национальной личности» [Воробьев 2008: 170]; раскрывается смысл национального фрейма «жить по совести», содержащего в себе систему представлений русского лингвокультурного сообщества.

Понятие «совесть» в русском языковом сознании связывают, как отмечает В. И. Карасик, с честностью, справедливостью, с тем, что регулирует пове-

дение личности и проявляется в конкретных действиях, является важным для человека, но присуще не всем [Карасик 2009: 57]. По мнению И. В. Москаленко, «совесть есть эмоционально-рациональная способность человека судить самого себя на основании уже имеющихся у него убеждений и представлений о добре и зле. Совесть предполагает субъективное сознание соответствия или несоответствия собственного поведения нравственным ценностям» [Москаленко 2011: 65]. Е. В. Урысон считает, что совесть – это «способность человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам...» [Урысон 2000: 186]. Н. Д. Арутюнова полагает, что совесть – «барометр, реагирующий на нарушение со стороны Эго нравственных норм...» [Арутюнова 2000: 74].

Таким образом, совесть – это внутреннее чувство справедливости, относящееся к духовно-нравственной сфере; это то, что «руководит поступками человека, направляя их в сторону добра» [Зализняк 2000: 113].

Слово *совесть*, по определению Н. Д. Арутюновой, «обладает в русском языке достаточно высокой частотностью: 74 употребления на 1 млн. слов» [Арутюнова 2000: 69]. Исследователь отмечает, что из них 29 приходится на художественную литературу.

В произведениях А. П. Чехова герой часто оказывается перед нравственным выбором. Интерес писателя вызывает то, чем руководствуется человек, предпринимая тот или иной жизненный шаг.

В рассказе «Казак» Чехов говорит об ответственности человека за свои действия, о его способности «выносить суждения и давать оценку собственным действиям» [Арутюнова 2000: 55], о том, какие могут быть последствия в случае отказа человека от своих моральных убеждений.

Для Максима Торчакова, главного героя рассказа, жить по совести – это значит не обижать другого, не отказывать ему в помощи. Встретившись на дороге со странником в светлое пасхальное воскресенье, он, соблюдая русский православный обычай, готов угостить путника кусочком освященной Пасхи. Но недовольство жены, ее категоричное заявление об отказе делиться с кем бы то ни было вынуждают Максима Торчакова пойти против закона совести: отказывая больному путнику в куске хлеба, он еще не представляет, какие мучительные переживания его ожидают в результате этого: *«Не спится что-то... Эх, Лизавета, обидели мы с тобой казака! ... мы с ним, как с свиньей обошлись. Надо было его больного домой привести, покормить, а мы ему даже кусочка хлеба не дали»* [Чехов 1970, 4: 495]. Осознание того, что его поступок

противоречит нормам христианской морали, вызывает в душе героя стыд и угрызения совести. «Стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность. Стыд учит человека поведению, совесть – поступкам» [Арутюнова 2000: 58].

Совесть, как феномен духовно-эмоциональный, проявляет себя через серьезные душевные переживания, через озабоченность человека нравственной оценкой своего поведения. Беспокойство, тревожность, неустойчивость эмоционального состояния – следствие нарушения героем нравственных норм, требующих проявления милосердия, сострадания к тем, кто нуждается в помощи. Если человек пошел против совести, совесть его осуждает и заставляет действовать. Осознавая, что поступил не по-человечески, герой *«потихоньку от жены пошел в кухню, завернул в салфетку кусок кулича и пяток яиц и попросил своего работника съездить на то место, где он видел казака, и отдать ему еду. Прождав несколько часов, но так и не дождавшись от работника вестей, он сам поехал в Кривую Балочку, однако казака там уже не было»* [Чехов 1970, 4: 495].

Внутренний конфликт в душе героя возникает оттого, что, предприняв попытку исправить ошибку, он не получил желаемого результата, а вместе с ним и облегчения. Невозможность искупить свой грех заставляет его испытывать тяжелые душевные муки: *«...хоть в петлю полезай!»* [Чехов 1970, 4: 496]. Отказ человеку в помощи приводит героя к переоценке собственных взглядов: *«впервые после женитьбы заметил, что его жена не добрая»*; *«все думал о жене, думал с досадой, и она казалась теперь злой, некрасивой...»* [Чехов 1970, 4: 496].

Автор показывает, что человек, ступивший на путь зла, обычно бывает наказан. Герой не может справиться с ситуацией, в которой он оказался по воле случая и из которой уже не видит выхода. Упустив возможность поступить по совести, герой, терзаемый муками совести, спивается, что приводит к потере всего, что было так ценно для него в жизни: семейного счастья, гармонии, любви. *«С этого и началось расстройство. Лошади, коровы, овцы и ульи мало-помалу стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой... Все эти напасти произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что бог прогневался на него и на жену... за больного казака. Он все чаще и чаще напиивался»* [Чехов 1970, 4: 497].

Когда человек поступает против совести, нарушая установленные нормы и правила, он обречен на страдания и муки, на конфликт с внутренним «я», что в итоге может привести к нравственной гибели героя.

Анализ рассказов А. П. Чехова свидетельствует о том, что в русской этнической концептосфере сложился определенный доминантный фрейм-сценарий «жить по совести». Данный фрейм имеет весьма императивный характер и включает в себя далеко не рациональные оценки и мотиваторы. Согласно этим мотиваторам в любой ситуации нравственного выбора человек, действующий по сценарию «жить по совести», непременно чем-то жертвует, отказываясь от тех или иных материальных либо нематериальных благ. Подобный отказ не имеет под собой никакого рационального расчета и не гарантирует в дальнейшем никаких компенсаций. Однако игнорирование сценария «жить по совести» неизменно приводит к нравственной или физической гибели персонажа. Действия в рамках сценария «жить по совести» имеют стандартный, стереотипный характер и преподносятся Чеховым как этнический образец поведения. Экстраполируя прогноз классика на судьбу всего русского этноса, можно с уверенностью говорить о том, что забвение доминантного статуса сценария «жить по совести», осознанное или неосознанное, перемещение его на периферию русской концептосферы неизбежно приведет к нравственной, а далее – физической гибели русской этнической группы как таковой.

Литература

- Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
- Арутюнова Н. Д.* О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 54–78.
- Воробьев В. В.* Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
- Зализняк Анна А.* О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 101–118.
- Карасик В. И.* Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- Москаленко И. В.* К проблеме изучения нравственных ценностей: нравственные национальные ценности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 16. – С. 63–69.
- Огнева Е. А.* Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 61–70.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта, 2011. – 328 с.

Сухина И. Г. Ценностное измерение культурного пространства человеческого бытия в мире: основы аксиологии культуры // Гуманітарний вісник ЗДІА. – 2012. – № 48. – С. 159–171.

Урысон Е. В. Голос разума и голос совести // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 184–189.

Чехов А. П. Казак // Собрание сочинений в восьми томах. Том 4. – М.: библиотека «Огонек», издательство «Правда», 1970. – С. 492–497.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО КОНЦЕПТА «ТРУД» В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Ш. Юсупова, Ч. Р. Латыпова
Казанский федеральный университет

В статье на основании анализа лексикографических материалов описана структура концепта «труд». Установлено, что в татарской языковой картине мира труд может быть физическим или умственным, должен иметь ощутимый результат и обязательно быть направленным на служение обществу, нередко концепт «труд» соотносится с понятием «гражданский долг».

Ключевые слова: концепт, концептосфера, ключевые слова, словарная статья, ядро, периферия, базовый слой, труд.

При изучении структуры концепта исследователи обычно обращаются к лексикографическим источникам, анализ которых позволяет проследить путь становления того или иного когнитивного образования. Словарная статья, по мнению Н. А. Красавского, – это достаточно надежный способ получения как обширной лингвистической, так и общекультурной информации для ее пользователя [Красавский 2001: 173].

Согласно модели описания структуры концепта И. А. Стернина [Стернин 2001: 58–59], концепт имеет базовый слой – чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу. Для концепта «труд» таковым базовым слоем является образ работающего человека. В базовый слой концепта также входит и «содержательный минимум концепта» (термин В. И. Карасика), который обычно представлен в словарной дефиниции ключевого слова [Карасик 1996: 7]. Таким образом, ключевые слова представляют собой ядро репрезентаций того или иного концепта. А. Вежбицкая называет следующие признаки ключевых слов: общеупотребительность, частотность употребления, образование на базе данного слова фразеологических гнезд, включенность данного слова в пословично-поговорочный фонд, широкая сочетаемость [Вежбицкая 2001: 282]. Итак, ключевым словом татарского концепта «труд» мы будем считать лексему «хезмэт», т.к. она удовлетворяет данным требованиям.

Словарная статья состоит из двух узловых частей – собственно дефиниционной и иллюстративной. В дефиниционной части должны быть определены объем и содержание понятия. Иллюстративная часть словарной статьи, предлагающая читателю контексты употребления языковой единицы, выражающей понятия, раскрывает тем самым сущность концепта [Красавский 2001: 173]. Из этого следует, что важными для лингвокультуролога являются языковые иллю-

страции слов, анализ которых, по нашему мнению, помогает выявить устойчивые ассоциативные связи рассматриваемых слов с другими понятиями татарской концептосферы. Однако в связи с ограниченностью объемов данного жанра рассмотрим лишь некоторые словарные статьи.

Лексема *хезмәт*, по данным толкового словаря татарского языка, имеет следующие толкования: 1. Кешеләрдән акыл яки физик көч таләп итә торган максатлы эш, эшчәнлек (Целенаправленная деятельность, требующая от человека умственных или физических усилий). 2. Кешеләрдән акыл яки физик көч таләп итә торган эш нәтижәсебуларак фәнни, әдәби яки берәр төрле сәнгать эсәре (Научный, литературный или труд любого другого вида искусства как результата деятельности, требующей от человека умственных или физических усилий). 3. Көч, энергия || тырышлык (Сила, энергия || старание). 4. сөйл. Эш (урыны), вазифа (разг. Место работы, должность). 5. Армиядә булу, хәрби бурычны үтәү (Служба в армии, выполнение гражданского долга). 6. Кайбер атамалар яки хөкүмәт тарафыннан бирелә торган мактаулы исемнәр составында кулланыла (Употребляется в составе некоторых названий или государственных наград) [Татар 1981: 365–366].

В более современных изданиях значение лексемы *хезмәт* претерпело значительные изменения: максатлы эшчәнлек, эш, шөгыл; йомыш (Целенаправленная деятельность, работа, занятие; поручение/просьба/услуга) [Миллият 2007: 549].

Из данных определений следует, что в татарской языковой картине мира труд носит целенаправленный характер, он может быть физическим или умственным; труд должен иметь результат, который может относиться к сфере искусства и обязательно должен служить во благо общества. Профессиональная деятельность, услуга, поручение, просьба, упорство, сила и энергия также представлены в качестве значений исследуемого концепта. Кроме того, концепт «труд» в татарском языке имеет значение гражданского долга, которое отсутствует в русском и немецком языках, лексема *хезмәт* также употребляется в составе названий государственных наград. Рассмотрев толковые словари татарского языка, можно проследить и динамику содержания концепта «труд». Как мы видим, значение ‘сила, энергия, упорство/старание’ в современных словарях исчезло, а в качестве новых значений появились ‘поручение, просьба, услуга’. Этот факт мы объясняем изменениями в жизни общества, которые нашли отражение в языке.

Как упоминалось выше, для того чтобы более полно раскрыть суть концепта, необходимо обратить внимание на словарные статьи, предлагающие чи-

тателю контексты употребления языковой единицы: 1) Балаларның шулай хезмэт эчендә кайнап үсүләренә шатланды ул (Г. Гобэй) (букв. Он радовался тому, что дети росли в труде); 2) Хезмәтенне кызганмасаң, уңышны башка культуралардан да күбрәк бирә ул (бодай) (Г. Гобэй) (букв. Если не жалеть силы, гречка даст урожай больше других культур); 3) Мин, ул кыл бөртегедэй нәрсәләренә ялгап, аз хезмэт түкмәдем (Д. Аппакова) (букв. Я немало сил потратил, сшивая эти вещи с крупинку); 4) Нургалине (заводка) урнаштыру жиңелерәк, чөнки ул яңа гына хезмәттән кайткан, солдатларны беренче чиратта алалар (Т. Гыйззэт) (букв. Нургали устроить на работу легче, потому что он совсем недавно вернулся со службы, солдат принимают в первую очередь) [Татар 1981: 358–359].

Если в дефиниционной части мы видели исключительно содержание исследуемого нами концепта, то здесь наблюдается отношение носителей языка к понятию, его оценка. Труд как повседневные хлопоты воспринимается татарским народом как с положительной стороны (труд важен для роста человека), так и с отрицательной, в случае, если силы на совершение труда затрачены зря. Труд как должность рассматривается в приведенных примерах как положительное явление. Разные должности могут отличаться степенью их важности для общества, либо отдельных его социальных групп. Труд как служба в армии в зависимости от периода расценивается татарским народом как положительно, так и отрицательно. В XVIII веке, когда служба длилась двадцать пять лет, к ней относились отрицательно, затем, когда срок службы сократился, он воспринимался положительно, так как после службы перед людьми открывались все двери в жизни.

Р. М. Скорнякова считает, что синонимия отражает различные грани, аспекты одного и того же концепта с точки зрения его содержательной и эмоционально-оценочной специфики [Скорнякова 2006: 55]. В данном случае речь идет о логической категории тождественности когнитивно связанных друг с другом номинантов труда в татарском языке. Так, в татарском языке ключевое слово, раскрывающее содержание исследуемого концепта, имеет следующие синонимы: *эш* (работа, дело), *шөгьль* (занятие), *гамәл* (действие), *һөнәр* (ремесло, профессия) [Ханбикова 1999: 118]; *михнәт* (страдание, мука) [Миллият 2007: 549]. Рассмотрим толкование доминантной лексики данного синонимического ряда: Эш и.1. Шөгьль, хезмәт, гамәл (Занятие, труд, действие). 2. Вазыйфа, бурыч, хак (Должность, долг, истина/право). 3. Башкарыла торган гамәл; хезмәт (Выполняющееся действие; труд). 4. Берәр өлкәдә житештерү, ясау, эшкәртүгә һ.б. юнәлтелгән эшчәнлек (Деятельность, направленная на производство,

обработку в определенной сфере). 5. Сүзгә капма-каршы буларак практик эшчәнлек (Практическая деятельность в качестве противопоставления слову). 6. Предприятиедәге, учреждениедәге һ.б.ш. хезмэт вазыйфасы (Должность на предприятии, учреждении и др.). 7. Белгечлек, профессия, белемнәр һәм күнекмәләр өлкәсе, һөнәр (Специальность, профессия, область знаний и навыков, ремесло). 8. Башкарылу, хәзерләнү сыйфаты яки ысулы (Качество или способ выполнения, подготовки). 9. Нинди дә булса эшчәнлекнең нәтижәсе, эшләнмә; язма хезмэт (Результат, изделие какой-либо деятельности; письменный труд). 10. Берәр кеше тарафыннан эшләнгән гамәл, кемнендер гаебе белән эшләнгән гамәл (Действие, выполненное кем-либо; действие, выполненное по чьей-либо вине). 11. Шартлар, хәлләр, тормыш, көнкүреш (Обстоятельства, дела, быт). 12. Йомыш (Поручение/просьба/услуга). 13. Бурыч, йөкләмә (Долг, поручение). 14. Нинди дә булса вакыйга, факт уңае белән административ, суд тикшерүе; суд процессы (Административное расследование суда по определенному факту, обстоятельствам; судебный процесс). 15. Нинди дә буса фактка яки берәр оешмага караган рәсми документлар жыелмасы (Совокупность официальных документов, имеющих отношение к какому-либо факту или организации). 16. Вакыйга, хәл, факт, күренеш (Событие, дело, факт, явление). 17. Мәсьәлә, мәсьәләнең асылы (нигезе), төп мәгънә (Задача, суть задачи, основной смысл). 18. Нәрсәгә дә булса мөнәсәбәт, катнаш (Отношение к чему-либо). 19. Мәшәкать (Хлопоты). 20. Берәр хәлдән чыгу юлы, жай (Способ выхода из определенной ситуации). 21. физ. Хәрәкәт итә торган жисемнең каршылыкны бетерүе, энергия сарыф итүе (физ. Преодоление препятствия, затраты энергии движущимся предметом) [Татар 2005: 715].

Как видно из примеров, лексема *эш* многозначная. Ее основное номинативное значение дается через синоним (*труд, дело*) и гиперонимы, т.е. лексические единицы с более широким значением (*занятие, деятельность*). Лексико-семантические варианты этого слова обозначают само учреждение, где человек работает, усилия, направленные на создание определенного (промышленного и т.п.) продукта, сам продукт трудовой деятельности, ее результат, степень и способ действия (интенсивность) физических и прочих затрат человека для достижения определенной цели, кроме того, имеется значение судебного процесса, поставленных задач, повседневности и бытовых хлопот.

Приведем примеры из словарных статей, имеющиеся в рассмотренных нами лексикографических источниках: 1) Син, дускай, баш-аягың белән эшкә чумгансың. (Ш. Камал) (букв. Ты, дружок, полностью погрузился в работу);

<...> 10) Минем турында кеше нәрсә уйласа да уйласын, анда минем эшем юк. (И. Гази) (букв. Что бы обо мне ни думали люди, мне нет никакого дела до этого); 11) Тик менә соңгы көннәрдә генә, бер-бер артлы чуалчык эшләр чыгып, квартираның юне югалып китте. (Г. Ибраһимов) (букв. Только в последние дни из-за хлопот пропал уют в квартире).

Из приведенных примеров видно, что татарский народ в зависимости от ситуации относится к работе и положительно, и отрицательно. За чрезмерным количеством работы, хлопот человек многое не успевает, что не приносит удовлетворения. Тяжелая, объемная работа требует больших усилий, а легкая работа только в радость человеку. Работа как результат умственного труда, как профессиональная деятельность, как практика имеет положительную оценку, приравниваясь к важному в жизни человека опыту.

Анализ парадигматических связей номинантов труда предполагает и исследование антонимии, при котором языковые единицы, объективирующие концепт, включаются в антонимические ряды. По мнению Г. В. Токарева, «антонимические парадигмы относятся к семантическим средствам, которые наиболее четко и ясно интерпретируют процессы концептуализации и категоризации» [Токарев 2003: 137]. Антонимия эксплицирует связи концепта «труд» с другими концептами. Концепт «труд», как правило, противопоставляется концепту «лень» и изучается в совокупности с ним.

В татарском языке ключевым словом для концепта «лень» является прилагательное *ялкау* и производное от него существительное *ялкаулык*, которые имеют следующее значения.

Ялкау с. – 1. Иренә торган, эш яратмый торган (Ленивый, не желающий работать). К данному значению в словаре приведены следующие иллюстрации: Ялкау часовой да пошмый гына ятып йоклаган (М. Жәлил) (букв. И ленивый часовой спал спокойно) || Иренчәк кеше, эш яратмый торган кеше (Не желающий, не любящий работать). Ярык кайда – жил шунда, ялкау кайда – сүз шунда (Мәкаль) (букв. Где щель – там ветер, где ленивый – там слово) || Иренеп, экрен, ялкауланып (Лениво, медленно). Асрау Хәятның салган киёмнәрен элп куйды да, бер сүз дә әйтмичә, авыр вә ялкау гына атлап чыгып китте. (Ф. Әмирхан) (букв. Служанка развесила одежду Хаят и, не сказав ни слова, вышла, шагая грузно и лениво). 2. рәв.мәгъ.күч. Су, дулкын, төтен һ.б. турында: агымның, хәрәкәтнең экренлеген, салмаклыгын аңлата (нареч. перен. смысл. О воде, волнах, дыме и др.: означает степенность, медленность движения). Дулкыннар ялкау гына үрелеп, вак ташлы су читен юалар. (Г. Гобәй) (букв. Волны, лениво потягиваясь, омывают каменный берег) [Татар 1981].

Ялкаулык и. – ялкау булу [Татар 1981], что означает ‘быть ленивым’. Гордеевка ялкаулыгы өчен строй алдында кисәтү ясалды (Г. Эпсәләмов), букв. Из-за своей лени Гордеев получил замечание перед всем строем.

В приведенных словарных статьях прямо или косвенно лень противопоставляется работе и труду. Данные примеры ясно показывают, что лень всячески осуждается татарским народом. Слово *лень* употребляется и в переносном смысле при описании явлений природы: дыма, воды, волны. В этом случае лексема *ленивый* отождествляется с природным спокойствием, степенностью, плавностью и не имеет негативной окраски.

Изучая концепты, исследователи уделяют внимание происхождению слов. Как замечает А. А. Потебня, этимологический анализ слов позволяет увидеть направление мысли человека, людей, говорящих на разных языках [Потебня, 1993: 51–53]. Ключевое слово для татарского концепта «труд» – «хезмәт» является заимствованием из арабского языка, которое имеет, по данным Arabic Etymological Dictionary, следующие значения: «Хидмәт» خدمت [chidma], service (услуга), task (задача), work (работа); ministry (управление, учреждение) [AED 2002: 23].

В арабском языке данная лексема имеет следующие значения: 1. Служить, работать, состоять на службе; быть в услужении, прислуживать (Подготавливать, вскапывать землю к посеву). 2. Давать, предоставлять работу; принимать в услужение. 3. Служащий; слуга, служанка, прислуга (Домашняя прислуга; Ваш покорный слуга (в письмах)). 4. Служба (Государственная служба; Военная служба; Отбывать воинскую повинность; Действительная военная служба; Поставить что-либо на службу чему-либо) [Электронный словарь Х.К. Баранова].

Итак, мы имеем достаточное количество проанализированного материала для изучения динамики концепта. Изначально в татарском языке концепт «труд» имел следующие значения: ‘прислуживать кому-либо’ и ‘предоставлять работу’, что говорит о наемном характере труда и, соответственно, о наличии нанимаемых и нанимающихся, последние из которых также обозначались словом «хезмәт», раскрывающим в нашем исследовании концепт «труд». По отношению к данному понятию применимы значения ‘страдание’ и ‘мучение’. Также в содержание концепта «труд» входило значение воинской, гражданской службы, которое сохранилось и в современных лексикографических источниках.

В словарях, составленных в советское время, концепт «труд» теряет свое значение наемной деятельности, мучений и страданий, что мы считаем прояв-

лением идеологии, т.к. на этом этапе развития страны все работали на благо общества и считалось, что работа не приносит страданий, но в то же время требует много сил. Труд в это время не мог быть наемным, т.к. пропагандировалось бесклассовое общество. Как раз в это время появляются новые значения лексемы «хезмэт»: ‘физическая деятельность’, ‘умственная деятельность’, ‘целенаправленная деятельность’, ‘энергия’, ‘результативная деятельность’, ‘профессиональная деятельность’. Лексема «хезмэт» часто употребляется в составе наименований государственных наград и почетных званий (Герой труда), что, на наш взгляд, также обусловлено идеологией страны.

В современных словарях отсутствуют некоторые устаревшие значения слова *хезмэт*. К ним относится, например, значение ‘сила, энергия, упорство/старание’. Это мы объясняем изменениями в обществе, а вместе с тем и в языке. Современные технологии позволяют затрачивать меньшее количество энергии на выполнение той или иной работы, что способствует утрате данного значения. Взамен этого концепт «труд» приобрел новое значение ‘поручение, услуга’. Это, по нашему мнению, вызвано экономическими и социальными изменениями в России, в частности, в Татарстане как субъекте Российской Федерации. То есть новый строй привел к разделению общества на богатых и бедных. Мы с полной уверенностью можем сказать, что данное значение концепта переключается с первоначальным смыслом лексемы «хезмэт».

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3–16.

Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: «Перемена», 2001. – 495 с.

Потебня А. А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 364 с.

Скорнякова Р.М. Концепт «труд» в немецкой языковой картине мира: учеб. пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 188 с.

Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58–65.

Токарев Г. В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 79–86.

Электронный арабско-русский словарь Баранова. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ar-ru.ru> (дата обращения: 15.10.2016).

Arabic Etymological Dictionary, 2002. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.freeweb.hu/этимологический/AEDweb.htm> (дата обращения: 15.10.2016).

Миллият сүзлеге: Аңлатмалы сүзлек / төз. А. Тимергалин. – Казан: Мәгариф, 2007. – 575 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т. 3. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 831 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / Баш ред. Ф. А. Ганиев. – Казан: Матбугат йорты нәшр., 2005. – 848 б.

Ханбикова Ш. С., Сафиуллина Ф. С. Синонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1999. – 255 б.

ТЕКСТОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

З. Ф. Юсупова

Казанский федеральный университет

Статья посвящена проблеме реализации текстоцентрического подхода в обучении русскому языку в школе в условиях поликультурности современного образования. Несмотря на то, что сегодня текст является основной дидактической единицей в преподавании русского языка в школе, потенциал текста еще полностью не использован. В статье сделана попытка расширения возможности текстоцентрического подхода в обучении русскому языку в условиях поликультурного образования.

Ключевые слова: обучение русскому языку, текстоцентрический подход, поликультурное образование, тексты.

Известно, что любой язык, в том числе и русский, обеспечивает развитие интеллектуальных и творческих способностей учащихся. Процесс овладения русской речью учащимися, для которых русский язык является неродным, становится одновременно процессом усвоения социально-культурного опыта, получения культурологической информации.

Современная методика преподавания русского языка успешно решает вопросы, связанные с формированием языковой личности, способной активно развиваться в полилингвальной среде в условиях межкультурной коммуникации. При этом особое место занимает текст как феномен культуры, как форма коммуникации и дидактический материал, имеющий большое воспитательное и эстетическое значение [см.: Болотнова 2002; Быстрова 2004]. Тексториентированный (или текстоцентрический) подход в обучении русскому языку как неродному является одним из основных подходов. Он включает в себя следующие аспекты: 1) изучение языковых единиц на основе текста; 2) восприятие текста как речевого произведения, на основе которого усваиваются закономерности функционирования языка в речи; 3) использование текста как средства приобщения учащихся к культуре народа – носителя языка [см.: Ипполитова 1998; Еремеева 1999; Новикова 2007; Левушкина 2014 и др.].

В связи с особым интересом к вопросу обучения русскому языку не только как средству общения и познания мира, но и как средству приобщения к национальной культуре в лингвометодике реализуется лингвокультурологический принцип. Он позволяет рассматривать язык как средство вы-

ражения духовной культуры народа – носителя языка [см.: Верещагин, Костомаров 2005; Воробьев, Саяхова 2006 и др.].

В процессе обучения русскому языку как неродному у школьников наряду с языковой, лингвистической, коммуникативной формируется культурологическая (культуроведческая) компетенция, которая включает в себя сведения о языке как национально-культурном феномене, отражающем духовно-нравственный опыт народа, закрепляющем основные нравственные ценности, представления о связях языка с национальными традициями народа, а также осознание учащимися красоты, выразительности и эстетических возможностей русского языка. Как справедливо отмечала Л. З. Шакирова, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно-речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов» [Шакирова 2003: 55].

Как правило, изучение языка как средства презентации культуры, традиций народа обеспечивается прежде всего через текстовый фонд этого языка. Связь текста как коммуникативной единицы высшего уровня с культурой очевидна. По мнению Л. Г. Саяховой, это обусловлено следующими факторами: 1) текст – это порождение определенной социокультурной ситуации: страна, природа, его история, обычаи, традиции представляют широкий фон, контекст, который определяет содержание и концептуальную направленность создаваемых текстов; 2) текст порождается в контексте времени и в определенном культурном пространстве, выполняет функцию коллективной культурной памяти, отражает тенденции развития общества и др. [Саяхова 2006: 158–160]. В конце XX и начале XXI веков в лингвометодике в процессе преподавания русского языка стала актуальна проблема учета реалий культур, особенностей коннотаций, ключевых слов-концептов как способов выражения родной культуры и культуры русского народа. В связи с этим развивается сопоставительная лингвокультурология, результаты которой, по мнению исследователей, позволят поднять уровень преподавания национальных языков на качественно новый уровень. Попытки показать изучение языковых единиц с культуроведческой точки зрения представлены в многочисленных статьях, монографиях и диссертационных исследованиях, в которых в основном исследуются лексические и фразеологические единицы языка, текст как феномен культуры [см.: Новикова 2007; Ходякова 2012; Левушкина 2014; Юсупова 2014; Yusupova 2015 и др.].

В процессе обучения русскому языку использование текста вызывает целый ряд вопросов, связанных с его отбором и адаптацией. Отбор текста связан с возрастными особенностями учащихся, насыщенностью грамматическим материалом, наличием воспитательного потенциала, актуальностью для обучающихся. Вслед за Н. С. Болотновой считаем, что отобранные тексты должны отвечать следующим критериям: «1) текст должен воспитывать, то есть отвечать требованиям морально-этического и эстетического характера; 2) сообщать новую информацию, то есть выполнять информативную функцию; 3) воздействовать на ум и сердце учащегося, то есть нести прагматический заряд; 4) пробуждать интерес к предмету и обогащать учащегося специальными знаниями, то есть отвечать общедидактическим требованиям (постепенности, последовательности, понятности, доступности и т.д.)» [Болотнова 2002: 26].

Безусловно, важнейшим звеном в реализации текстоцентрического подхода в обучении русскому языку как неродному является учебник, составленный с учетом специфики предмета. Поэтому в центре внимания авторов современных учебников оказываются высокохудожественные, научно-познавательные тексты, насыщенные, с одной стороны, грамматическим материалом, с другой стороны, отражающие культурные ценности русского и других народов. Художественные тексты как источник культуры занимают особое место, так как они содержат не только лексический и грамматический материал, но и богатую культурологическую информацию.

Проблема отбора и способов системного, нормированного представления текстов с национально-культурным компонентом получила оптимальное решение в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как неродному Е. А. Быстровой, Л. З. Шакировой, Л. Г. Саяховой и др. Учебно-методические комплексы по русскому языку как неродному, разработанные под руководством Л. З. Шакировой, отличаются искусным сочетанием лингвистического материала с культурологическим. Отличительной чертой учебников является тематический принцип организации дидактического материала, предусматривающий включение различных аспектов этнокультурологических знаний [например: Русский 2009]: «Самая большая ценность народа в его языке» (Д.С. Лихачев), «Хорошая речь слаще меда», «Книга – это величайшее из чудес, созданное человеком» (М. Горький), «Нет счастья вне Родины» (И. С. Тургенев), «Морфемика прочно связана с культурой» (А. Н. Тихонов) и др.; в учебнике для 8 класса – «У каждого из нас – свой Пушкин», «С Кремля начинается Казань», «О Волга, колыбель моя», «Народная мудрость» и др. [Русский 2007]. Тексты позволяют авторам вводить языковые единицы в соответствии с их

коммуникативной функцией, обеспечивая тем самым получение учащимися культурологической информации. Например, в учебнике для 9 класса авторы использовали тексты, которые знакомят учащихся с предметами декоративно-прикладного искусства русского народа: хохлома, палех, жостовские подносы, дымковские игрушки и др. [Русский 2008: 156].

Духовная культура народов концентрированно представлена в учебных пособиях «Русская речь». В них авторы представили тексты, объединенные речевыми темами «Язык, слово, речевое общение», «Мал золотник, да дорог», «Праздник, который всегда с нами» и др. (5 класс); «Бессмертие народа – в его языке», «Слово – одежда всех фактов, всех мыслей», «Память – основа совести и нравственности», «Звуковая палитра русской речи» и др. (8 класс); «Искусство живописи. Красота вокруг нас», «Мир музыки», «Мир дивных слов – залог прекрасных дел», «Произведения русского народного искусства» и др. (9 класс); «Язык и диалог культур», «Слово и речевое общение», «Искусство: литература, музыка, балет, живопись» и др. (10-11 классы) [Шакирова, Андреева 2005; Шакирова 2010].

В учебниках и учебных пособиях по русскому языку нового типа (учебники и учебные пособия, авторами и соавторами которых являются Е. А. Быстрова, В. В. Воробьев, Л. Г. Саяхова, Н. Н. Фаттахова, Л. К. Муллагалиева, Л. Д. Умарова, Н. Ш. Галлямова и др.) осуществляется сопоставительный анализ текстов разных культур в аспекте «диалога языков – диалога культур» на уровне языковых картин мира, содержания, структурной организации текста, лингвокультурологических концептов, на уровне языковых и изобразительно-выразительных средств. Взаимосвязь языка и культуры авторами проиллюстрирована на примерах языковых единиц с национально-культурной спецификой, тематически подобранных текстов, отражающих традиции, быт, обычаи, культуру русского и других культур. Национально-культурные особенности в первую очередь раскрываются в публицистических и художественных текстах. Нами были проанализированы несколько учебников русского языка с точки зрения наличия текстов с национально-культурным содержанием. В представленных авторами текстах мы находим материалы о языке (русском языке, родном языке, языках мира), о родине, о дружбе и т.д. Наряду с текстами, авторы учебника активно использовали пословицы и поговорки, которые отражают вековую мудрость народа: *В радости знай меру, в беде веры не теряй. Злой человек и самого себя ненавидит. Гречневая каша – матушка наша. А хлебец ржаной – отец наш родной. Сердечное слово до сердца доходит. Малое слово большую обиду творит* и др. [Саяхова 2002].

Считаем, что тексты должны быть интересны для учащихся по содержанию, тематике, проблеме, которую поднимает автор текста. Например, можно было бы использовать следующие тексты:

Текст 1. *Для меня языки народов – как звезды на небе. Я не хотел бы, чтобы все звезды слились в одну огромную, занимающую полнеба звезду. На то есть солнце. Но пусть сияют и звезды. Я за то, чтобы на нашем небосклоне ярко светили все звезды. Но пусть у каждого человека будет своя звезда. Я люблю свою звезду – мой родной аварский язык* (Расул Гамзатов – аварский поэт) [Язык 2009: 156].

Текст 2. *Представьте на минуту, что вы лишились бы вдруг знания русского языка. Насколько оскудел бы наш внутренний мир, сузился кругозор, насколько беднее стали бы мы в культурном отношении. Ведь русский язык ... – золотой ключ к достижению всей мировой культуры.* (Р. Мустафин – татарский писатель, публицист) [Язык 2009: 167].

Текст 3. *Самая большая цель жизни – увеличивать добро в окружающем нас мире. А добро – это прежде всего счастье для всех людей. Оно складывается из многого, и каждый раз жизнь ставит перед человеком задачу, которую важно уметь решать.* (Д. С. Лихачев – отечественный филолог, искусствовед) [Язык 2009: 184].

По мнению лингвометодистов, анализ текста преследует цель показать, как в тексте отражается лингвокультурная ситуация, каково общее культурное содержание и ценностные ориентиры. Таким образом, в современных учебниках русского языка как неродного тексты используются не только для обогащения языковых, но и культурологических знаний учащихся.

Литература

Болотнова Н. С. Текстовая деятельность на уроках русской словесности: методики лингвистического анализа художественного текста: методическое пособие. – Томск: UFO–Press, 2002. – 64 с.

Быстрова Е. А. Цели обучения русскому языку, или Какую компетенцию мы формируем на уроках // Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / Е. А. Быстрова, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. – М.: Дрофа, 2004. – С. 20–39.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. – 1038 с.

Воробьев В. В., Саяхова Л. Г. Русский язык в диалоге культур: Учебное пособие. – М.: Ладомир, 2006. – 288 с.

Еремеева А. П. Роль образцового художественного текста в обучении связной речи // Русская словесность. – 1999. – № 4. – С. 72–76.

Ипполитова Н. А. Текст в системе изучения русского языка. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 176 с.

Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: дис. ... докт. пед. наук. – М.: МПГУ, 2014. – 543с.

Новикова Т. Ф. Культурологический подход к преподаванию русского языка в аспекте регионализации образования: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 299 с.

Русский язык: учебник для 8 класса татарской средней общеобразовательной школы / Н. А. Андрамонова, Г. К. Хамзина, Н. Н. Фаттахова, Л. Д. Умарова. – Казань: Магариф, 2007. – 223 с.

Русский язык: учебник для 9 класса татарской средней общеобразовательной школы / Н. А. Андрамонова, Л. Д. Умарова. – Казань: Магариф, 2008. – 183 с.

Саяхова Л. Г., Галлямова Н. Ш., Умарова Л. Д. Русский язык: учебник для 11 класса школ гуманитарного профиля с обучением на тюркских языках / Под ред. Л.Г. Саяховой. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. – 356 с.

Ходякова Л. А. Методика интерпретации текста как феномена культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. – № 2. – С. 76–81.

Шакирова Л. З., Андрамонова Н. А. Этнокультурный компонент в учебно-методической литературе по русскому языку как неродному // Известия АПСН. – М.: Воронеж, 2003. – Вып.7. – С. 223–228

Шакирова Л. З., Андреева Л. С. Русская речь: Учебное пособие для 10-11 классов общеобразоват. школ, гимназий, лицеев, педучилищ. 3-е изд., доп. – Казань: Магариф, 2005. – 175с.

Шакирова Л. З., Фаттахова Н. Н. Русская речь: Учебное пособие для 8 класса татарской средней общеобразовательной школы. – Казань: Магариф, 2007. – 167 с.

Шакирова Л. З. Русский язык: Учебник для 5 класса татарской средней общеобразовательной школы. – 5-е изд., перераб. – Казань: Магариф, 2009. – 271 с.

Шакирова Л. З. Русская речь: учебное пособие для 5 класса основной общеобразоват. шк. с татар. языком обучения. – Казань: Магариф, 2010. – 127 с.

Юсупова З. Ф. Художественный текст как единица культуры: лингвотодический аспект // Филология и культура. *Philology and Culture*. – 2014. – № 4. – С. 229–234.

Yusupova Z. F. Literary Text as a Unit of Culture in the Classes of Russian as a Second Language // *Asian Social Science*. – Vol. 11. – 2015. – No. 6. – P. 171–175.

Язык – зеркало народа: преподавание русского и родного языков в 5–11 классах. – Казань: Магариф, 2009. – 255 с.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

З. Ф. Юсупова, И. С. Фазлиахметов

Казанский федеральный университет

Статья освещает особенности обучения русскому языку в условиях полиэтнической и поликультурной среды. В обучении русскому языку как неродному ведущими становятся такие подходы, как личностно-ориентированный, коммуникативно-деятельностный, текстоориентированный, компетентностный.

Ключевые слова: русский язык как неродной, полиэтническая среда, лингвометодика, подходы, культуроведческий компонент.

В последние два десятилетия в системе российского школьного образования вновь стала актуальной проблема преподавания русского языка в полиэтнической и поликультурной среде. В научно-методической литературе встречаются такие термины, как «полиэтническая среда», «многонациональная школа», «поликультурный класс», «иноязычная аудитория», «инокультурное пространство», «русский язык как неродной», «обучение инофонов» и т.д. Методисты находятся в поиске наиболее оптимального варианта, который устраивал бы всех. Вслед за Л. В. Московкиным наиболее приемлемым мы считаем употребление термина «русский язык как неродной», который уже утвердился и понимается как обучение русскому языку граждан России, для которых русский язык не является родным языком [Московкин 2016: 241].

В данной статье авторы ставили цель проанализировать научно-педагогическую и методическую литературу с точки зрения выявления специфики преподавания русского языка в полиэтнической и поликультурной аудитории, которую следует знать и учитывать учителю русского языка, а также рассмотреть наиболее эффективные подходы в обучении русскому языку как неродному.

В зависимости от аудитории, в которой преподается русский язык, традиционно принято различать *методику преподавания русского языка как родного* [Антонова 2007; Донская 2009; Маслова 2012 и др.], *методику преподавания русского языка как неродного* (или как второго родного; преподавание русского языка в национальной школе) [Быстрова 2001; Шакирова 2003; Закирьянов 2003; Сабаткоев 2009; Саяхова 2010; Юсупова 2012 и др.], *методику преподавания русского языка как иностранного* [Русский 2012; Московкин 2016 и др.]. Некоторые исследователи с учетом специфики работы с полиэтнической аудиторией говорят о *методике преподавания русского языка в полиэтнической*

среде [Сабаткоев 2009 и др.]. Все указанные методики имеют точки соприкосновения и в то же время отличаются друг от друга. Считаем, что при подготовке будущих учителей русского языка целесообразно знакомить со спецификой всех методик.

О некоторых аспектах преподавания русского языка в полиэтнической и поликультурной аудитории пишут российские лингвометодисты Т. М. Балыхина, Р. Б. Сабаткоев, И. П. Лысакова, А. Д. Дейкина, Е. А. Хамраева, Т. Б. Михеева и другие. В качестве основных принципов обучения русскому языку как неродному они указывают:

- 1) принцип обязательной коммуникативной направленности обучения;
- 2) принцип единства приобретения знаний и формирования практического их использования (взаимосвязь языковой и речевой компетенций);
- 3) принцип учета особенностей родного языка учащихся;
- 4) принцип культуроведческой направленности обучения (обучение межкультурной коммуникации);
- 5) принцип диалога культур;
- 6) принцип дифференцированного обучения.

На современном этапе развития методики преподавания русского языка в полиэтнической среде выделяется несколько подходов, на которые следует опираться учителю русского языка:

1) *лично-ориентированный подход* предполагает признание обучаемого как субъекта учебного процесса, развитие личности с индивидуальными особенностями, возможностями.

2) *коммуникативно-деятельностный подход* подразумевает речевую направленность учебного процесса, максимальное приближение его к условиям естественного общения. Главным средством создания возможностей общения в соответствии с современными тенденциями является широкое использование коммуникативных упражнений, которые создают и поддерживают потребность учащихся в общении, последовательно формируют и совершенствуют коммуникативные умения и навыки, необходимые в конкретных ситуациях общения.

3) *текстоориентированный подход*, при котором текст становится не только предметом изучения, но и единицей обучения речи. Изучение языка на текстовой основе – это признание текста как важнейшей единицы в обучении русскому языку как неродному. На основе текста осуществляется познание грамматических категорий, языковых явлений, формируется система лингвистических понятий. На основе текста формируются языковая, лингвистическая, коммуникативная, культурологическая компетенции.

4) *компетентностный подход*, который предполагает формирование языковой, лингвистической, коммуникативной и лингвокультурологической компетенций.

Введение понятия компетенции и ее типов соотносится с мировой теорией и практикой определения целей и уровней владения языком. Формирование коммуникативной компетенции является конечной целью обучения русскому языку как неродному. Коммуникативная компетенция – одна из важнейших характеристик языковой личности. Она приобретается в результате естественной речевой деятельности и в результате специального обучения.

Как известно, коммуникативная компетенция включает овладение всеми видами речевой деятельности, основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в различных сферах и ситуациях общения. Овладение русским языком обеспечивает способность к коммуникации в конкретной речевой ситуации. Главная цель компетентностного подхода в преподавании русского языка заключается в формировании всесторонне развитой личности школьника, его теоретического мышления, языковой интуиции и способностей, овладении культурой речевого общения и поведения. Школьный курс русского языка в соответствии с действующим стандартом образования обеспечивает необходимое для активной деятельности владение русским языком, общение на нем во всех сферах: бытовой, социокультурной, официально-деловой, а также формирование языковой способности и приобщение к культуре народа изучаемого языка.

Современный период развития методики преподавания русского языка как неродного характеризуется особым интересом к диалогу языков и культур в содержании обучения, в рамках которого происходит обучение языку не только как средству общения, познания мира, но и как средству приобщения к национальным культурам, к духовным ценностям контактирующих народов [Актуальные 2014; Шакирова 2008; Юсупова 2014 и др.]. Диалог языков и культур отражается в современных учебниках и учебных пособиях по русскому языку, осуществляется при изучении разных разделов курса русского языка. Так, через язык происходит приобщение к национально-культурным ценностям, к достижениям мировой науки и культуры. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, которые проводятся на материале как родственных, так и неродственных языков. В языке выражается внутренний дух народа, отражается судьба народа, обычаи и традиции этноса, в нем заложен богатый опыт народного мышления [Верещагин, Костомаров 2005; Закирьянов 2003 и др.]. Как известно, усвоение русского языка предполагает усвоение языковой картины

мира, языкового сознания носителей этого языка. Национальное своеобразие языковой картины мира проявляется в способах номинации данного языка, поскольку слово выступает как знак и образ внеязыковых реалий. Национально-культурный компонент в словах представлен по-разному. В каждом языке есть достаточное количество слов, не имеющих точного перевода на другие языки. Речь идет о безэквивалентной лексике, выявляемой при сопоставлении разных культур. В основном безэквивалентная лексика обозначает специфические явления данной национальной культуры. В случае заимствования такие слова называются экзотизмами: они не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют ее. В качестве примера приведем слова, называющие реалии русской культуры: *масленица, гусли, балалайка, частушка, пирог, каравай, калач и др.*; реалии тюркской культуры: *кумыс, тюбетейка, камзол, курбан-байрам, сабантуй, казан* и др. Национально-культурной спецификой обладает фоновая лексика – это слова, совпадающие по лексическому значению, но разные по лексическому фону, имеющие дополнительные стилистические и семантические оттенки в русском и тюркских языках и культурах: *дом, книга, школа* и др. «Дом в русской культуре – это нравственная основа жизни русского человека, начало жизненного пути. Здесь сменяются поколения людей, устанавливаются и развиваются традиции и нормы морали, воспитывается молодежь. С этим понятием связаны такие понятия, как мир, труд, любовь, жизнь, счастье» [Саяхова 2006: 160]. Национальная окраска коннотативной лексики «проявляется не в предметно-логической части семантического значения, а в добавочной, обычно эмоционально-экспрессивной информации. Так, Родину в русской культуре символизирует береза, в чувашской культуре дуб, в других культурах кедр, сакура, пальма, кипарис и т.д.» [Воробьев, Саяхова 2006: 100]. Как отмечает Т. К. Донская, «диалог культур при обучении русскому языку в такой многонациональной стране, как Россия, является методологическим и дидактическим принципом обучения как инструмент познания и духовного формирования личности» [Донская 2009: 13]. По мнению Л. З. Шакировой, «связь языка и культуры следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, с точки зрения того, как учащиеся в процессе овладения коммуникативно-речевой функцией русского языка познают культуру и традиции его носителя, и, во-вторых, как средствами русского языка они углубляют свои познания в области культуры других народов» [Шакирова 2003: 223].

На сегодняшний день концепция обучения русскому языку в аспекте диалога культур разработана и реализована в учебно-методических комплексах по русскому языку как родному, так и неродному. Идея взаимосвязанного изуче-

ния русского и родного языков и культур является основополагающей в современной концепции обучения русскому языку, обозначенной в стандарте образования как формирование культуроведческой компетенции учащихся.

Литература

Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка в поликультурном пространстве: материалы форума (Учалинский район Республики Башкортостан, 9-10 мая 2014 года) / отв. ред. Л.Г. Саяхова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 302 с.

Антонова Е. С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2007. – 464 с.

Быстрова Е. А. Проблемы и перспективы преподавания русского языка в школе // Русский язык в школе: опыт, проблемы, перспективы: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Часть 2. – Казань, МО РФ, МО РТ, 2001. – С.18.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М.: Индрик, 2005. 1038 с.

Донская Т. К. И мы сохраним тебя, русская речь: сборник избранных статей. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 142с.

Закирьянов К. З. Роль родного языка в воспитании полноценной личности // Известия Академии педагогических и социальных наук. Вып. VII. – М.: Воронеж, 2003. – С. 214–218.

Маслова В. А. Изучение важнейших концептов русской культуры инофонами (на примере концепта семья) // Русский язык как неродной: новое в теории и методике. III научно-методические чтения. – Сб. статей. Вып. 3. – М.: МГПИ, 2012. – С. 211–216.

Московкин Л. В. Русский язык как родной неродной и иностранный: история становления и современное употребление терминов // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Международной науч.-практ. конф. (Казан. федер. ун-т, 4–6 окт. 2016г.) / Под ред. Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочиной, Е.А. Горобец. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 444с.

Русский язык и литература в полиэтнической среде: учебно-методическое пособие / Под ред. В.А. Кохановой. – М.: МГПУ, Ярославль: РЕМДЕР, 2012. – 140 с.

Сабатков Р. Б. Обучение русскому языку в полиэтнических классах. 5–9 классы. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2009. – 157 с.

Саяхова Л. Г., Воробьев В.В. Текст в национально-культурном аспекте // Русский язык в диалоге культур. Л. – М.: Ладомир, 2006. – С. 158–165.

Шакирова Л. З., Сабаткоев Р. Б. Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ). – СПб.: Просвещение; Казань: Магариф, 2003. – 351 с.

Шакирова Л. З. Педагогическая лингвистика. – Казань: Магариф. 2008. – 271 с.

Юсупова З. Ф. Реализация лингвистического и культурологического принципов в учебно-методической литературе по русскому языку для тюркоязычной аудитории // Филология и культура. Philology and Culture. – № 2 (28). – 2012. – С. 170–173.

Юсупова З. Ф. Художественный текст как единица культуры: лингвометодический аспект // Филология и культура. Philology and Culture. – 2014. – № 4. – С. 229–234.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Анастасия Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры европейских языков и культур Казанского федерального университета, anastasia_ageeva@mail.ru.

Агапова Екатерина Сергеевна – канд. филол. наук, учитель русского языка и литературы МБОУ «Гимназия № 28» г. Казани, ekaterina_agarowa@mail.ru.

Баранов Александр Васильевич – студент Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, aleksandr.baranov.97@mail.ru.

Берестова Валерия Михайловна – студент Казанского федерального университета, mariaonovak@gmail.com.

Бормусова Лилия Фирдинантовна – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, bormusova87@mail.ru.

Ворошилова Мария Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры риторики, межкультурной коммуникации и РКИ Уральского государственного педагогического университета, shinkari@mail.ru.

Галиханова Фарзания Ульмасовна – магистрант кафедры германской филологии Казанского федерального университета, farzaniya.galikhanova@yandex.ru.

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филол. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного Уральского государственного педагогического университета, elenacz@mail.ru.

Димитриева Ольга Альбертовна – аспирант кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, olgaal_79@mail.ru.

Ерофеева Ирина Валерьевна – доктор филол. наук, профессор, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, erofeeva89@mail.ru.

Зиангирова Эльвира Минсабировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и языкознания Набережночелнинского филиала «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», elys@list.ru.

Игнатьева Светлана Вячеславовна – магистрант кафедры европейских языков и культур Казанского федерального университета, anastasia_ageeva@mail.ru.

Ишкинина Лейсан Кафилевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и языкознания Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, leisanishkinina@mail.ru.

Кайгородова Ирина Николаевна – доктор филол. наук, профессор кафедры кафедра общего языкознания и речеведения Астраханского государственного университета, kin905@mail.ru

Калиновская Валентина Николаевна – канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской АН, kalinovskaiavn@yandex.ru.

Каюмова Диана Фердинандовна – доктор филол. наук, профессор кафедры германской филологии Казанского федерального университета, missdiana7@mail.ru.

Колосова Елена Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, hkolosova@yandex.ru.

Корнеева Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, tatyana.tak1110@gmail.com.

Лазуренко Алина Альбертовна – студент колледжа при Набережночелнинском филиале «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», fkbyflaz@mail.ru.

Ларионова Анна Александровна – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, anna-ribka86@mail.ru.

Латыпова Чулпан Рестямовна – ассистент кафедры языковой и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета, chulpanka05@mail.ru.

Литвина Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского федерального университета, litvina_ta@mail.ru.

Лукоянова Юлия Константиновна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, lukuylia@yandex.ru.

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна – доктор филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета, gflutfullina@mail.ru.

Люй Ю – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, www.tony.ok@mail.ru.

Мардиева Ляйля Агьдасовна – доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, lauka66@mail.ru.

Маркова Татьяна Дамировна – канд. филол. наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного НГЛУ им. Н.А. Добролюбова Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова», tatiana.markova2012@gmail.com.

Матвеева Наталья Николаевна – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, natalya_poetessa@mail.ru.

Мингазова Лейсан Насимовна – магистрант кафедры германской филологии Казанского федерального университета, laisan_mingazova@mail.ru.

Николаев Геннадий Алексеевич – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, gnikolaevksu@mail.ru.

Новак Мария Олеговна – доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, mariaonovak@gmail.com.

Новоселова Ольга Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, olvnov@mail.ru.

Нуруллина Гузель Миннезуфаровна – канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, nurullinagz@mail.ru.

Пантелеева Анастасия Викторовна – магистрант кафедры русского языка Воронежского государственного университета, ana-radik2011@yandex.ru.

Петров Александр Владимирович – доктор филол. наук, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, liza_nada@mail.ru.

Рацибурская Лариса Викторовна – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, racib@yandex.ru.

Романов Алексей Аркадьевич – доктор филол. наук, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, romanov_tgsha@mail.ru.

Сатикова Дилара Данифовна – магистрант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, dilarasatikova@mail.ru.

Сафонова Светлана Григорьевна – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, Svetikpervii@mail.ru.

Сегал Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, natasha-segal@mail.ru.

Старовойтова Ольга Альбертовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, kalinovskaiavn@yandex.ru.

Сулейманова Альмира Камиловна – доктор филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, sgaziz@ufanet.ru

Торопкина Валентина Александровна – магистрант кафедры современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, tva94@rambler.ru.

Фазлиахметов Илнур Сальманович – аспирант кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, ilnur_f39@mail.ru.

Файзуллина Найля Ивановна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, Nelya7@mail.ru.

Федорчук Александра Игоревна – магистрант Казанского федерального университета, hkolosova@yandex.ru.

Хайруллина Райса Ханифовна – доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, rajhan@mail.ru.

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна – доктор филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, Kgulshat@yandex.ru.

Харченко Вера Константиновна – доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой филологии Белгородского национального исследовательского университета, wera_kharchenko@mail.ru.

Хрипкова Диана Игоревна – аспирант кафедры германской филологии Казанского федерального университета, Diana_11_93@mail.ru.

Хузина Динара Ягьфаровна – аспирант кафедры германской филологии Казанского федерального университета, Rush_dinara@mail.ru.

Шарипова Эльвина Мирсаетовна – магистрант кафедры германской филологии Казанского федерального университета, elvina.sharipova.1993@mail.ru

Шибаета Наталья Борисовна – ассистент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, shibnatally@mail.ru.

Швецова Ольга Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Воронежского государственного университета, anaradik2011@yandex.ru.

Щуклина Татьяна Ювенальевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, tatiana21@myrambler.ru.

Щурик Ольга Павловна – студент Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, olga/shurik@gmail.com.

Юсупова Альфия Шавкетовна – доктор филол. наук, профессор, директор Высшей школы татаристики и тюркологии им. Габдуллы Тукая Казанского федерального университета, alyusupova@yandex.ru.

Юсупова Зульфья Фирдинатовна – канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики Казанского федерального университета, Usupova.Z.F@mail.ru.

Содержание

<i>Агеева А. В., Игнатьева С. В.</i> Фрагмент национальной картины мира в зеркале интернет-комментария (на материале французского языка) ... 3	
<i>Агапова Е. С.</i> Языковая репрезентация пространственно-временных отношений в тексте художественного произведения (на материале повести В. Аксенова «Звездный билет») 10	
<i>Бормусова Л. Ф.</i> Объективация экстравертного типа личности в художественном тексте (на материале произведений В. П. Аксенова) 16	
<i>Ворошилова М. Б.</i> Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе ... 22	
<i>Дзюба Е. В.</i> К вопросу о вариативности русской языковой картины мира 26	
<i>Димитриева О. А.</i> Языковая картина мира и способ глагольного действия (на примере глаголов с семантикой питания) 33	
<i>Ерофеева И. В.</i> Отражение языковой картины мира средневековья в производных именах со значением лица (по материалам летописей)..... 40	
<i>Зиангирова Э. М., Лазуренко А. А.</i> Название основных частей жилища 47	
<i>Ишикина Л. К.</i> Основные способы образования спортивной терминологии в татарском языке (на примере терминов борьбы «корэш») 54	
<i>Кайгородова И. Н.</i> Топонимы как источник сведений об историко-культурной жизни астраханского региона 59	
<i>Калиновская В. Н., Старовойтова О. А.</i> Европейская «толерантность» на русской языковой почве XIX века: семантический синкретизм или диффузность лексического значения? 65	
<i>Каюмова Д. Ф., Хрипкова Д. И.</i> Концепты материального мира человека 72	
<i>Колосова Е. И., Федорчук А. И.</i> Ментальная репрезентация понятия «святой» в речи молодежи Республики Татарстан 76	
<i>Корнеева Т. А.</i> Индоевропейский прообраз имен нулевой суффиксации..... 83	
<i>Литвина Т. А.</i> Житие как словесная икона святого (на материале жития казанских святых Гурия и Варсонофия) 90	
<i>Лукоянова Ю. К.</i> Вопросы методики преподавания курса «Современный русский язык» студентам-журналистам..... 96	
<i>Лутфуллина Г. Ф.</i> Дифференциальные признаки квантификационно-детерминированной полиситуативности..... 101	

<i>Люй Ю., Ларионова А. А.</i> Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному в китайской аудитории	108
<i>Мардиева Л. А., Щуклина Т. Ю.</i> Этнонимы как объект языковой рефлексии (на материале Национального корпуса русского языка)	113
<i>Маркова Т. Д.</i> Формы славяно-русского перфекта и аксиология действия (на материале пролога XVI века).....	122
<i>Матвеева Н. Н.</i> Семантическая сфера «музыка» в поэтических текстах Булата Окуджавы	129
<i>Мингазова Л. Н., Галиханова Ф. У.</i> Лингвистическая концептуализация ценностно-значимых смыслов (по произведению Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»)	135
<i>Николаев Г. А.</i> Из наблюдений над названиями грибов в русских говорах	140
<i>Новак М. О., Берестова В. М.</i> Сакральные номинации в романе Г. Сенкевича «Крестоносцы» и в его переводе на русский язык.....	148
<i>Нуруллина Г. М.</i> Система словарной работы учащихся на уроках русского языка при изучении безэквивалентной лексики	156
<i>Пантелеева А. В., Швецова О. А.</i> Репрезентация лексемы «семья» в русской языковой картине мира	162
<i>Петров А. В., Баранов А. В.</i> Лексема «месяц» в лексикографических источниках русского языка и ее конкуренция с лексической единицей «луна»	168
<i>Рацибурская Л. В., Торопкина В. А.</i> Негативная оценка в текстах СМИ как фактор формирования ценностей в поликультурном обществе.....	174
<i>Романов А. А., Новоселова О. В.</i> Семасиологическая специфика категории коммуникативной справедливости.....	180
<i>Сатикова Д. Д.</i> Реконструкция невербальных средств коммуникации на страницах печатных СМИ	185
<i>Сафонова С. Г.</i> Семантика художественного концепта «богатство» в произведениях Ф. М. Достоевского	189
<i>Сегал Н. А., Шурик О. А.</i> Метафорический образ ритуального танца в русскоязычных политических СМИ	195
<i>Сулейманова А.К.</i> Отражение региональной картины мира в топонимике края	203
<i>Файзуллина Н. И.</i> Функциональное пространство загадки.....	211
<i>Хайруллина Р. Х.</i> Межъязыковое взаимодействие в языковой картине мира билингвов	216

<i>Хайрутдинова Г. А.</i> О функционировании гидронима <i>Волга</i> в поэтических произведениях XX века.....	222
<i>Харченко В. К.</i> Взаимоиндукция мусульманской культуры и культуры горцев: феномен Ахты	227
<i>Хузина Д. Я.</i> Стилистические особенности фразеологических единиц как манипулятивный элемент политического медиадискурса.....	234
<i>Шарипова Э. М.</i> Концептосфера «добро и зло» в арабской и русской языковой картине мира.....	240
<i>Шиббаева Н. Б.</i> Аксиология совести в русском культурно-смысловом пространстве (на примере рассказа А. П. Чехова «Казак»).....	248
<i>Юсупова А. Ш., Латыпова Ч. Р.</i> Семантическое ядро концепта «труд» в татарском языке.....	254
<i>Юсупова З. Ф.</i> Текстцентрический подход в обучении русскому языку в условиях поликультурного образования	262
<i>Юсупова З. Ф., Фазлиахметов И. С.</i> К вопросу о специфике преподавания русского языка в полиэтнической среде.....	269
Сведения об авторах.....	275

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА
В ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ**

Сборник статей

Подписано в печать 12.12.16. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура "Times New Roman". Уч.-изд. л. 16,5. Усл.-печ. л. 15,46.
Тираж 200 экз. Заказ № 47/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Казанского университета
420008, Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.
Тел. (843) 233-73-59